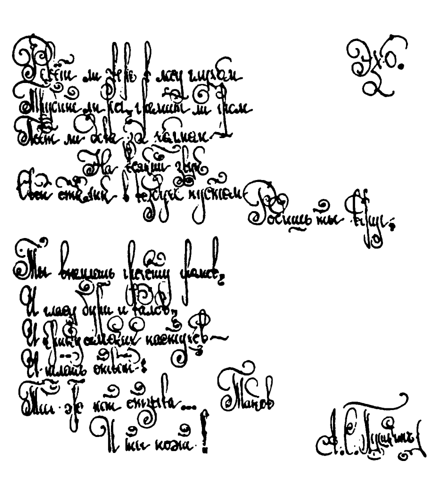
ЭХО 2 ECHO

ПАРИЖ 1980

ECHO

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

2(10)1980

PARIS

Журнал редактируют:
Владимир Марамзин
Алексей Хвостенко

Оформление А.Хвостенко

Directeur responsable N.Secinski

Вся переписка по адресу:
V.Maramzine, 302 rue des Pyrénées 75020 Paris

ОЛИМПИЙСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ

ПЕСНЯ

Хор богов орет с Олимпа с гневным топотом
В перьях молнии и гром
Перуном в Кремле горите - пропадайте пропадом
В красном тереме своем

Ужас впереди летит с ужасным грохотом и с Фобосом
От Зевеса грозных стрел
Страшный вихрь метет под вашим пыльным глобусом
В каждый Хроноса предел

Погоняет вас Арес на Марс без мыла вас
Без штанов и без погон
Понаставит стойла вепря косорылого -
Это вам не Пентагон

Горько стонет-плачет репа долговязая -
Ни Айова ни Техас
Лыком шитый плел и лапти не развязывал
Кошельками вам не тряс

Вам в кредит поставит Янус беса лысого
Черта лысого вдвоем
В водоемы керосина дионисова
Смоет лужу чернозем

Протяните все четыре гималайскому
Пять пожалуйте моржу

Европейскому - сказать, так - первомайскому
В лапках розовых ежу

Прометей у вас смотает электричество
Синим пламенем контакт
Партия - рабочий класс ваше язычество
Совершившемуся - факт.

Посмотрите - поглядите на себя как вы уродливы -
Так сказала вам Горго-
На себя глядите - снова вы уродливы
Гиппокрена - и-го-го!

Ни Нептуна́, ни Плутона, ни Урана, ни Арахиса -
Всё оракул не про вас
Самовара не нальет вам в Горьком Сахаров
Мед в расквашенный фугас

Мать-Киприда перетянет вас приаповым
И натянет под балдой
Было нечем будет вам и даже лапу вам
Запустить циклоп домой

То-то раком поползете из-под Бахуса
Бурым боровом в трубу
В рог бараний не видать такого хаоса
Ни в могилах, ни в гробу

Пусть бормочет Комитет нетрезвой пифии
На псоглавцев ставить крап
Болт закрутят вам и в Ливии и в Скифии
Старый друг и новый раб

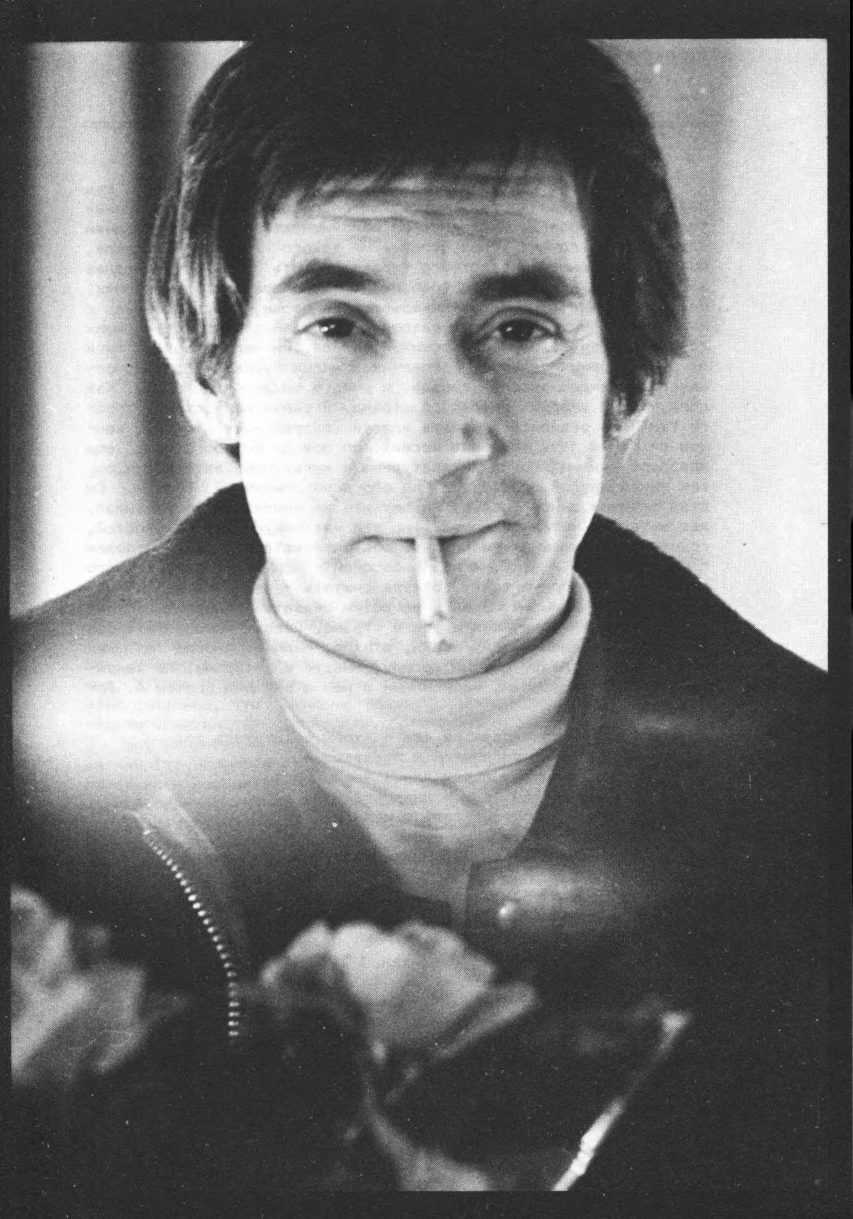
Даже Кербер не составит с вами партии
Сами лайте до поры
По вселенской вы поползаете карте и -
В Лету и в тартарары

Лапать корни бытия вселенским либидо
Вам земля повыбьет мать
Все что вами понаблевано и выпито
Вам хлебать - не расхлебать.

Анри Волохонский
Алексей Хвостенко

май 1980

На снимке справа: Владимир Высоцкий. Из последних фотографий

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ (1938-1980)

25 июля в Москве умер Владимир Высоцкий. Смерть его, как давно уже никакая другая смерть, потрясла всю страну. Огромные толпы на похоронах, каждодневное паломничество к могиле (причем едут люди из глухих углов страны) - такого Россия не знала, пожалуй, со смерти известного тирана. И хоть именно последнее заставляет нас иронически говорить о всенародных ликованиях, однако явление Высоцкого уникально. Его песни, переписанные с магнитофона на магнитофон, разошлись по всей стране, от больших городов до затерянных сибирских поселков. Он написал около тысячи стихотворных текстов, пропел их хриплым русским голосом,пронимающим каждое русское сердце, и умер в сорок два года. Как спел, так и умер - охнула вся страна. В своем искусстве,которого так и не решились признать власти (разрешившие в конце концов не более двух десятков песен), по поводу которого все еще разводят руками многие литературные и культурные авторитеты,он, как никто другой, рассказал нам обо всей нынешней России. Он стал любимым сыном России, потому что не шпынял ей,не указывал, как жить, не читал ей мораль, но дал настоящую шкалу ценностей, годящуюся в нынешних ужасных ее обстоятельствах. Каждый человек - по возрастам и чуть не по профессиям - получил от Высоцкого понимание и опорную точку, откуда считать - что хорошо и что плохо. Сегодня мы не можем и не хотим сказать большего, потому что испытываем горе, как и все в стране. Смерть Высоцкого вызвала поток посвященных ему песен, стихов, баллад. Многие из них анонимны, их кладут ему на могилу, вместе с гитарами. Мы заканчиваем стихотворением, написанным о нем в эти дни поэтом А. Волохонским:

Брат - двадцать ли еще - чтобы запнувшись тот
Из глотки перебитой и прекрасной
Крыл ртутным паром через черный рот
Крыл златом баню родины ужасной
Ведь ему рыть висеть и неть и весь
Хрипеть бы в реку певчие кружала -
Но тут великого Огромная Старуха задержала...

Кто ж смутен здесь
И петь увидит весь
По ледяной тоскующей столице
По ледяной воде
По ледяной доске
По ледяной руке.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

ЖИЗНЬ БЕЗ СНА

Все, ниженаписанное мною, не подлежит ничему и не принадлежит никому. Так.

Только интересно, бред ли это сумасшедшего или записки сумасшедшего и имеет ли это отношение к сумасшествию?

Утро вечера мудренее, но и в вечере что-то есть. Бедная Россия, что-то с нею будет. Утром... Давали гречневую кашу с сиропом. Хорошо и безопасно. Долила блудила с Самсоном. Одна старожила доложила, что Самсона уложила. Долила его подсторожила, взвалила металломеч, поносила, поголосила и убила Дездемону.

Про каннибалов рассказывают такую историю. Будто трое лучших из них (из каннибалов) сидели и ели елки да ели. Захирели, загрустили и решили: кто кого будет есть; один говорит: не меня, другой говорит: не меня, третий говорит: не меня. Кто же кого тогда? Никто. Потому что у каннибалов свои законы и обычаи: не хочешь - не ешь!

Доктор! Я не хочу этого лекарства, от него развивается импотенция, нет развивается, нет развивается, нет развивается! Нет, нет, нет. Ну, хорошо. Только в последний раз! А можно в руку? Искололи всего, сволочи, иголку некуда сунуть.

Далее и везде примечания.

А что это вы читаете? А? Понятно! А вы знаете, как поп попадью извел? Что значит извел? Убил то есть. Ну! Развод по-итальянски. Вот. Он ее подкараулил и опустил на нее икону Спасителя. Тройной эффект. Во-первых, если уж Спаситель не спас, а убил, значит, было за что.

На прогулку я не пойду - там психи гуляют и пристают с вопросами.

Рукопись повести передана нам в черновом виде, без названия, название дано нами. - Ред.

Один спросил вчера, нет сегодня... вчера... вчера... - Вы, - говорит, - не знаете, сколько время? - Не знаю, - говорю, - и вам не советую, потому что время - деньги и время - пространство. А вы, - говорю, - паразит. И живете, небось, по Гринвичу!

У Эйнштейна второй его постулат гласит: скорость света не зависит от скорости движения источника. Проще говоря:

$$\emptyset = \frac{W}{C^2} = \frac{W^2}{C} = \emptyset$$

$$f\ \frac{mc^2}{2}\ (W)^3 - 1^{\circ}{}_{111} \gg L \sim$$

Это у него. А на практике у космонавтов все наоборот,и крысы у них мрут даже раньше, чем люди, потому что людям дают по 10 ж, а крысам, мышам и преступникам по 40. Проще говоря:

$$(W)^{\circ} - fcx^2 - 1 = 0$$

Я стал немного забывать теорию функций, ну да это восстановимо. Врач обещал... Врет, наверное. Но если не врет - Господи, когда же ужин?

В кабинет профессора Корнеля, или нет, Расина, тогда ладно.

В кабинет некоего профессора лингвиста-ихтиолога развязной походкой вошел немолодой уже дельфин. Сел напротив, заложил ногу на ногу, а так как закладывать было нечего, то он сделал вид, что заложил. И произнес: "Ну-с?!"

- Я вас не вызывал. - Профессор тоже сделал вид, что ничуть не удивлен, но не так-то легко обмануть животное, даже с подозрением на разум.

- Я сказал только "ну-с!"

А дальше вот что. Сегодня дежурный по океанариуму, фамилию забыл, во время кормления нас, во-первых, тухлой рыбой, во-вторых, ругал нецензурно нас - я имею в виду дельфинов - а также других китообразных и даже китов.

- В каких выражениях? - спросил профессор и взял блокнот.

- Уверяю вас, что в самых, самых. Там были и дармоеды, и агенты Тель-Авива, и что самое из самых-самых - неразумные твари.

- Я сейчас распоряжусь, и его строго накажут.

- Не беспокойтесь, он уже наказан, но вы должны были бы попросить извинения за него, ведь вы той же породы и тоже не всегда стеснялись в выражениях! Население требует. Иначе будут последствия!

Только здесь оскорбленный профессор вспомнил, что дельфины еще не умеют говорить, что работе, конечно, еще далеко до конца и что - как он это сразу не понял - ведь это сон,переутомление.

- О, Господи. - Он ткнул себя в подбородок хуком слева и закурил сигару.

- Господь не нуждается в том, чтобы его поминали здесь. Ему достаточно наших вздохов и обид. К тому же он сейчас спит. Вот его трезубец. - Здесь дельфин довольно бесцеремонно вытащил изо рта сраженного профессора сигару и закурил, пуская громадные кольца изо рта. После чего произнес: - Фу! Какая гадость, - раз-

давил сигару, впрочем нет, давить ему тоже нечем, но он сделал что-то такое, отчего сигара зашипела и перестала существовать.

- А теперь идемте, - пропищал он тоненьким голосом, именно голосом,на который так не надеялся профессор, - сплюнул,поиграл трезубцем и встал.

Дельфины вообще любят резвиться. Они от людей отличаются добротой, выпрыгивают из воды,улыбаются и играют с детьми дошкольного возраста.

Но этот дельфин, кажется, вовсе не собирался играть с дошкольниками. Во всяком случае, так показалось профессору, и он покорно встал на шатающиеся ноги.

А сегодня мне нянечка сказала "красавчика ты нашего" и еще - что я стал дисциплинированнее самых тихих (помешанных). Хорошо это или плохо? Toubi or not toubi - вот в чем вопрос.Пишу латынью,потому английского не знаю,да и не стремился никогда,ведь не на нем разговаривал Ленин, а только Вальтер Скотт и Дарвин, а он был за обезьян.

В 3 ч. 30 мин. ночи один моложавый идиот тихонько сунул мне в бок локтем и сообщил, что трамваи уже не ходят и последний 47 прошел два часа назад, видимо, развозя кондукторов, работников парка и случайных прохожих. Последний троллейбус,по улицам мчи! И т. д. Эх! Все-таки замечательная эта штука - жизнь!..

Доктор, я не хочу этого лекарства, от него бывает импотенция! Нет бывает, нет бывает, да бывает же, черт возьми. Ну,ладно, в последний раз! Ну зачем опять? Прошу же в руку!

Вчера мне снилась кто-то средняя между Брижит Бордо и Ив Монтаном. Это, наверное, началась нимфомания. Говорят, что Брижит не живет со своим мужем, потому что не хочет. Грандиозно у них там все-таки: не хочет,и все! И не живет! А здесь попробуй! Нет! И думать нечего! Выйду отсюда - заставят. Они всё могут заставить. Изверги! Немцы в концлагерях, убийцы в белых халатах,эскулапы, лепилы. Гиппократы, и все. Ах! Если бы не судьбы мира! Если бы не это! Если бы!

Шестым чувством своим, всем существом,всем данным Богом Господом нашим разумом уверен я, что нормален. Но, увы. Убедить в этом невозможно, да и стоит ли!

И сказал Господь: "Да восчешутся руки мои, да возложутся на ребра твои, и сокрушу я их". Так и с недугом будет моим! Мне врач обещал, что к четвергу так и будет.

Все пророки: и Иоанн, и Исаак, и Соломон, и Моисей и еще кто-то - правы только в одном, что жил Господь, распнули Его, воскрес Он и ныне здравствует, царство Ему небесное. А все другое насчет возлюбления ближнего,подставления щек под удары оных, а также не забижай, не смотри, не слушай, не дыши,когда не просят и прочая чушь - все это добавили из устного народного творчества. Да! Вот еще. Не убий! Это правильно. Не надо убить. Убивать жалко, да и не за что!

Сейчас начнутся процедуры, сиречь хвойные ванны, кои призваны поднимать бодрость духа нашего и тела, а также и достоинство.

Так что: не убий, и все тут. Я ни за что не пойду в столовую. Там психи сидят и чавкают. Не уверяйте меня, именно чавкают и вдобавок хлюпают. Ага! Эврика. Несмотря на разницу в болезнях - шизофрения там, паранойя и всякая другая гадость - у них есть одно, вернее, два общих качества. Они все хлюпики и чавкики. Вот. И я к ним не пойду, я лучше возьму сухим пайком, имею я, в конце концов, право на сухой. У вас здесь и так все сухое: закон и персонал обслуживающий. И я требую сухой паек. Нет? Тогда голодовка, только голодовка может убедить вас в том,что личность - это не жрущая тварь, а нечто, то есть даже значительно нечто большее.

Да! Да! Благодарю! Я и буду голодать на здоровье. Читали историю КПСС (нет, старую)? Там многие голодали и, заметьте,с успехом. А один доголодался до самых высоких постов и говорил с грузинским акцентом. Он уже, правда, умер, и тут только выяснилось, что голодовки были напрасны. Но ведь это через сорок почти лет. Ничего, лучше жить сорок лет на коне, чем без щита. Я лучше поживу, а потом уж после смерти пущай говорят: вон он-де голодал и поэтому умер. Пусть говорят, хоть и в сумасшедшем доме. Мне хватит этих сорока.

Зовут на прогулку. Там опять они, они, эти люди,которых зовут не иначе как "больной" и обращаются ласково,до ужаса ласково. Пойду. От судьбы не уйдешь! Ни от своей, ни от мировой. Тем более что наши судьбы, как две большие параллели.

Вот лексикон. Надо запомнить, и все встанет на место,мы называемся "чума", а есть еще алкоголики. Вот и все. Надо же, как просто.

На улице слякоть, гололед, где-то ругаются шоферы и матерятся падающие женщины, а мужчины (не падающие) вовсе и не подают им рук, а стараются рассмотреть цвет белья или, того хуже, ничего не стараются: так идут и стремятся, не упасть стремятся. Упадешь - и никто тебя не подымет - сам упал, сам вставай. Закон, загон, полигон, самогон, ветрогон, алкогон и просто гон.

- А вы знаете! Я ведь начальник галактики. Это очень, очень много. А вы, ну что вы?

- А я начальник вселенной.

- Этого не может быть: галактика - это и есть вселенная. А тут не может быть двух начальников одновременно.

- Извините, я позвоню домой. Мария! Это я! Что же ты? Да? А кефир, я не могу без кефира, все кругом смеются, что я без кефира, а я без кефира. Жду. Так вы утверждаете, что галактика и вселенная одно и то же. Позвольте заметить вам, что это не так. Это все равно, что ну... галактика - это только завтрак, зато вселенная - это много завтраков, обедов и ужинов в течение неограниченного времени. И я начальник всего этого, так что прошу вас, отойдите и не мешайте. Меня ждут дела.

Каждый человек может делать то, что хочет или не хочет его начальник. Есть такой закон. А если начальника нет, то и закона нет и человека, следовательно, тоже - ничего нет. Есть дома,окна, машины, а более ничего. Нуль. Один всемирный нуль, как бублик, который никто не съест, потому что он не бублик вовсе, а нуль. Нуль. Хватит, так нельзя. Врач запретил мыслить такими гро-

мадными категориями. Можно сойти с ума, и тогда прощай гололед, метро, пивные, тогда все время - это одно: психи, врачи, телевизор и много завтраков, обедов и ужинов, то есть вселенная. Сгинь! Сгинь! Сгинь! Нечистая сила! Нечистая сила - это грязный Жаботинский. Есть такое сравнение. Сгинь грязный Жаботинский. Вот еще был случай такой. Двое пили, пили и все пропили,и с себя и с окружающих.

С окружающих их семей: отцов, матерей, жен и детей. Это с деток-то! Изверги! Детки-то ведь ручонки тянут, зябнут,есть просят, а им и во двор-то похулиганить выйти не в чем. А они пропили все, в дым, в лоск, в стельку, в дупель, в усмерть и еще в бабушку и в бога душу (Маяковский). Душегубы!

Словом, вопрос возник: как быть, что пить, нечего пить, потому что не на что купить, а ограбить боязно - дадут по морде и бутылку на сдачу посуды отберут. Один, который старше и трезвый, говорит: "Пошли кровь сдавать. Четверной эффект: уважать будут - раз,и три сотни дадут - четыре. "Пошли. Одному р-р-раз иголку в руку и качают, и качают. Насосом в две руки. Он хлоп - и в обморок, не вынес равнодушия. Ни тебе уважения и трехсот. Оказалось, откачали на сотню. Они две бутылки купили, пьют и плачут. А друг говорит: "Твою кровь пьем, Ваня! Кровь людская - не водица, она водка, Ваня! Водка она, кровь, и ничего более".

- А ты всегда, Вася, кровь мою - не водицу пил. Пил и не закусывал. Кровопивец ты и есть. Сволочь ты,и нет тебе моего снисхождения. Получай, - говорит, руку-то поднял, а ударить не может, ослаб. А тот и не слышал ничего. Спал. На сосисках спал, и кровь даже не допил. Может, пожалел! А?

Когда профессор под охраной дельфина двинулся вперед по коридору, ведущему в океанариум, пришедший в себя труженик науки хотел было взять на себя инициативу и уже потянулся даже к кнопке. Вот! Сейчас - одно нажатие, и сработают вмонтированные в мозг электроды раздражения, и идущий сзади парламентер ощутит приятное покалывание и уснет, и все уснут, и можно будет немного поразмыслить над случившимся, а потом уже бить во все колокола и запатентовать, и пресс-конференция,а потом домик с садом и уйти в работу с головой,и исследовать,исследовать, резать их, милых, и смотреть, как это они сами вдруг... Мысли эти пронеслись мгновенно, но вдруг голос, именно голос китообразного пропищал:

- Напрасно стараетесь, профессор. Наша медицина шагнула далеко вперед, электроды изъяты, это ваше наследие теперь вспоминается только из-за многочисленных рубцов в голове и на теле. Идите и не оглядывайтесь!

Они остановились у входа, над которым горела надпись: "Вход воспрещен посторонним и любопытным". Ниже еще одна: "Добро пожаловать!" А уж совсем внизу и мелко:

"Наш лозунг - ласка и только ласка, как первый шаг к взаимопониманию".

Дверь распахнулась, и глазам профессора предстало продолжение его страшного сна. Боже, какое это было продолжение.

Весь океанариум кипел, бурлил и курлыкал. Можно даже было различить отдельные выкрики, что-то очень агрессивное и на самых высоких нотах. Три полосатых кита, любимцы города, которые до того, до случившегося, мирно выполняли балетные па, поставленные лучшим балетмейстером и любителем животных одновременно, эти три кита океанариума, как бы забыв всякие навыки, кувыркались и бились в стены, но все это весело и как-то даже ожесточенно весело.

Все дельфины-белобочки сбились в кучу и, громко жестикулируя, нет, жестикулировать собственно им зачем, громко крича на чистом человечьем языке, ругали его, профессора, страшными словами, обзывали мучителем людей, то есть дельфинов, и кто-то даже вспомнил Освенцим и крикнул: "Это не должно повториться!"

Один обалдевший от счастья дельфин,прекрасный представитель вида [...]*,которому, видимо, только что вынул электрод собрат его по да! да! по разуму (теперь можно не сомневаться), этот дельфин делал громадные круги, подобно торпеде, нырял, выпрыгивал вверх, и тогда можно было разобрать: "Долой общение,никаких контактов" и что-то еще. Дельфины-лоцманы пели песню "Вихри враждебные" и в такт ныряли на глубину, потом выныривали,подобно мячам, если их утопить и неожиданно отпустить, и затягивали что-то новое, видимо, уже сочиненное ими, какой-то дельфиний гам, нет - гимн разлился вокруг:

Наши первые слова -
Люди, люди, что вы!
Но они не вняли нам,
Будьте же готовы.

Вся баскетбольная команда перекидывала мячи через сетку,специально в нее не попадая и от этого находясь в блаженном идиотизме, что видно было по их смеющимся рожам.

Кругом царила картина радостного хаоса и какого-то жуткого напряжения, даже ожидания.

Хорошо, что толстые стены заглушали этот вой, треск, писк, доходящий до ультразвука, но что если вынесет наружу?? Там,там ведь акулы и кашалоты, касатки, спруты. Бр-р-ра. Профессор даже сжал зубы и сломал вставную челюсть. Он все-таки вынул ее и вдруг остолбенел. Во всем хаосе этом, среди всей этой культурной революции только одно существо было спокойно и невозмутимо. Это был служитель. Он сидел, нет, он стоял, словом, он как-то находился в пространстве и невидящими глазами смотрел вокруг.

- Что с вами? Вы сошли с ума! Идите сейчас же спать. Я побуду вместо вас, я послежу за ни...!

Профессор услышал сзади позвякивание трезубца и вспомнил, что следить уже, собственно, не за кем и если следить,то уж кто за кем следит!

- Как вы смели оскорблять животных!

Боже! Он опять забылся. Какой-то дельфин юркнул к борту,нажал на датчик, и в ту же секунду служитель бросился на профессора, выхватил у него, оторопевшего, из рук челюсть и растоптал

---

*В рукописи пропуск. - *Прим. ред.*

ее прямо на глазах на дорожке у бассейна. Это категорически воспрещалось, и профессор все понял: они сделали с ним то же, что мы до этого делали с ними. Они вмонтировали в него... какой ужас! Да и за какой короткий срок исследовали и научились управлять... Кошмар!!

- Да? А почему же это не было кошмаром, когда все было наоборот? - пропищал над ухом тонкий голос, но этот голос показался профессору уже противным. - Ну! Ответьте!

Он резко обернулся. На уровне его головы стояла морда одного из трех китов (он, конечно, опирался на двух других).

- Так! Это совсем худо! Эдак они научатся передвигаться по суше! - машинально подумал профессор.

- Конечно! И очень скоро! - голос принадлежал киту.

- Никогда не думал, что у такого милого животного будет такой противный голос, - опять подумал профессор.

- Но-но! Советую не шутить. - И кит показал профессору вмонтированный в плавник зуб акулы. - Я уже сделал им довольно много операций и, заметьте, все успешно и бескровно. Но я могу и ошибиться. - Кит мерзко захихикал, а профессор постарался не отмечать про себя ничего лишнего, только одно напоследок:

- Э! Да он еще и телепат.

- И очень давно. - Кит кашлянул и снял улыбку.

А может, и не снял, черт его знает, только он насупился и произнес кому-то внизу:

- Хватит! Он все понял. - И тут же с треском исчез.

- Что вы хотите от меня? - выдохнул профессор.

- Я уже объяснил вам в довольно доступной форме, - сказал дельфин с трезубцем.

- Ну хорошо! Так! Господа!

- К черту господ, - рявкнул бассейн.

- Друзья!

- Долой дружбу ходящих по суше!

- Но как же к вам обращаться? - Профессор растерялся окончательно.

- Это уж слишком, парни, - произнес в защиту чей-то голос, по тембру - его проводника. Все стихло.

Профессор даже с некоторой нежностью благодарно взглянул на дельфина (недаром я его любил, когда он был животным).

Но! Стоп! Как же он шел по коридору, как он сидел у меня? Он же не должен мочь, не может долж... Профессор глянул вниз и упал...

У дельфина не было ног, но у него что-то было,и на этом чем-то были надеты его, профессора, ботинки.

Нас загоняют спать. Гасят свет везде, а в темноте находиться страшно. Вот и идешь, и спишь. Как все-таки прекрасно, что есть коридоры - по ним гуляют, и туалеты - в них - нет-нет, в них курят.

Только там дурно, там все время эти психи,эти проклятые психи раскрывают окна и сквозят, и сквозят. Я буду жаловаться завтра. Зачем завтра. Сейчас же напишу Косыгину... Эх! Погасили свет,

как же можно! Как же вам не стыдно. Ну! Дайте только выздороветь. Покойной ночи. Жгу спички и пишу.

Так делал Джордано Бруно. Он и сгорел поэтому так быстро. А я не могу, я пойду и буду спать, чтобы выжить,и уж тогда...

Я не могу спать. Нельзя спать,когда кругом в мире столько несчастья и храпят. Боже! Как они храпят! Они! Они! Хором и в унисон, и на голоса, и в терцию, и в кварту, и в черта в ступе. Они храпят, потому что безумны. Все безумные храпят и хрипят, и издают другие звуки, словно вымаливают что-то у Бога или у главврача, а сказать ничего не могут, потому что нельзя. В десять - отбой и не положено разговаривать. Кем не положено? Неизвестно.

Такой закон, и персонал на страже. Как заговорил,так вон из Москвы, сюда я больше не ездок.

А кому охота после отбоя вон из Москвы? Это в такую-то слякоть в больничной одежде. Вот и не разговаривают и храпят: мол, Господи, защити и спаси нас грешных,а ты,главврач, сохрани душу нашу в целости. Душа - жилище Бога, вместилище, а какое к черту это жилье, если все оно насквозь провоняло безумием и лекарствами и еще тем, что лекарствами выгоняют.

Доктор! Я не могу спать, а ведь вы приказали, вы и лекарства-то мне колете эти самые, чтобы я спал,а от них импотенция, да, да, не убеждайте меня, мне сказал алкоголик, а он-то знает, и сам, в конце концов,читал в медицинском справочнике.

Доктор, отпустите меня с Богом! Что я вам сделал такого хорошего, что вам жаль со мной расставаться? Я и петь-то не умею, без слуха я, и исколот я весь иглами и сомнениями!

Отойдите, молю, как о последней милости. Нельзя мне оставаться импотентом, меня из дома теща выгонит и жена забьет до смерти. А?

Ну, ладно! Последний раз, самый последний. Опять вы не в руку! Это, в конце концов, свинство. А сестры они - милосердия, а не свинства!

О! Боги! Боги! Зачем вы живете на Олимпе, черт вас подери, в прямом смысле этого слова.

- Говорят,в Большом театре был случай. Две статистки или кассирши, этого никто уже не помнит, влюбились в режиссера Фаера или Файдильмера (это неважно, важно, что он еврей и не сто́ит этого), обвязались будто красными маками и упали вниз, причем в самом конце спектакля, чтобы не нарушать действия - искусство они тоже любили. Скандал был страшный, но публика аплодировала. Эффект, елки-палки. А публике что? Хлеба и зрелищ. Хлеб в буфете в виде пирожных, а зрелище - вот оно, достойное подражания. Кровавое. Заедайте его, граждане, пирожными, заедайте.

И подражатели живо нашлись. В неком городе Омске через час после дохождения чуда-слуха о происшествии в Большом две телефонистки тут же влюбились в начальника телефонного узла и сверглись вниз с телефонного провода. Обе убились насмерть, но одна выжила благодаря медикам и из клинической своей смерти сказала, что о содеянном не жалеет и ежели ей оставят жизнь, то будут рецидивы. Женщины! Одно слово - бабы. Курица - не птица,баба - не человек. Баба - это зло, от нее все несчастия наши и наших даже отцов и матерей.

- Почему вы никогда не отвечаете мне? Что я - не человек, что ли! Молчите? Ну, молчите, молчите. Многие молчали, но ради подвига, так сказать, за идею! Слышали - Камо, например, или масса партизан. Их, партизан, повесили, а они молчали из чистого принципа, а вы из хамства прирожденного, и не из чистого, а из грязного хамства. Хам на хаме в вас. Загордились? Ничего, и вас повесит кто-нибудь на могильной плите в виде фотографии.

- Отстать? Что, заговорил? Вы, мол, вверх по лестнице, к выздоровлению то есть. А наш удел катиться дальше вниз? Шиш вам. Внизу 1-е отделение, а там буйные, нам туда не надо. Но нам и наверх не надо. Там 5-е отделение - женское, тоже буйное. Хотите вверх? Пожалуйста! Только не рекомендую, оттуда никто не возвращался живым. Ах, отойти? Пожалуйста.

Какие все-таки замечательные люди - заики. Тихие, отзывчивые, никуда не спешат, а главное, чем они хуже нас, в самом деле? Ничем. Гитлер вон вовсе не заикался, не говоря уже о Муссолини. И что из этого вышло? Ничего! Вышло то есть кое-что гнусное, но именно потому, что не были они заиками. А будь они ими - не произнесли бы ни одной речи во вред международному народу.

Наши заики - это некие отшельники, что ли. В хорошем то есть смысле. А заикание - не порок, большое свинство. Их и лечат-то как-то красиво. Без уколов этих, от которых бывает импотенция, бывает, бывает.

Вот! Лечат их как? Выводят на улицу, строят в стройные ряды и заставляют подходить к прохожим и спрашивать, например, вежливо: "Вы не женаты ли?" или "Где остановка трамвая номер 12379?" А такого и нет вовсе. Но это неважно, важно спросить в течение более короткого времени, чем все остальные. У них и секундомеры щелкают, и отметки им ставят. А в магазине надо спросить: "Сколько стоит колбаса?" Или сказать: "Вы мне неправильно сдали сдачу". Это, может, и неправда, но это не главное, главное - спросить покороче. Их не очень мучают, считают в минутах и оценивают по 100-балльной системе.

- Вы, - говорят, - батенька, получили 68, а вы, Митенька - 2.

Тут они должны сказать спасибо и разойтись обратно в больницу.

Сегодня все получили по 100, потому что вопрос был хороший: "У вас водка есть?"

Нянечки играют "в дураки", именно "в дураки", а не в дурака. Как эти психи. Потому что у нянечек в это понятие входят и немецкий дурак, и английский, и конечно, русский настоящий дурак, и конечно, все эти психи - дураки. Нянечки - прекрасные женщины. Они не бабы, они женщины. Одна мне сегодня сказала: "Красавчик ты наш". Да! Я уже об этом говорил.

Какой я красавчик, у меня гены и хромосомы изуродованы ЛСД (это я прочитал в "Огоньке"). Это про них - на Западе, а у меня все оттуда, с Запада, все - польские евреи. Но этого никто не знает. Все думают, что я - негр. Почему, интересно? Ведь я не черный. Наверное, из-за кудрявых волос на груди. Конечно же, из-за волос, как я раньше не догадался! Как все-таки приятно делать открытия!

Да! Совсем забросил я теорию нелинейных уравнений в искривленном пространстве. Надо будет вспомнить, а то совсем отупел. А сейчас для тренировки:

$$[(\beta)^2 + P^3 + A^o + i - i - 3 - B - E - P - Г - i]^{10}$$

Ха-ха-х-а.

Эти идиоты играют в домино. Глупо. Выигрывает тот, у кого меньше очков. Это уже совсем чушь. А если так, так сбрасывай себе, и все. А они думают, дураки! Психи, одно слово. Думают и стучат, стучат. Зачем стучать? Не стучите! Слышите! Стукачи! Предатели! Продажные шкуры. Только не бейте, меня нельзя бить, я еще ничего не сделал!

Ста́рый барабанщик, старый барабанщик,
Старый барабанщик крепко спал.
Новый... новый... новый...
Настучал...
Тот проснулся, перевернулся и три года потерял.
А новый барабанщик, новый барабанщик
Барабан его забрал.

Это просто так. Я вообще не поэт, я... Кто я? Что я? Зачем я? Жизнь, какая же ты все-таки сволочь!

Поговорим теперь о пресловутом недостающем звене. Люди! Чего вам недостает, кого недостает вам, люди? Вам недостает питекантропов! Вы пишите громадные исследования и теряетесь в догадках. А между тем, ответ - вот он. Слушайте же и успокойтесь, и раз и навсегда забудьте о звене!

Жили-были питекантропы, родами или гуртами, попарно ли, моногамно ли, только были у них свои любви и печали, свои горести и радости, и делили они их между собой поровну,будьте уверены.

И однажды взглянули они вокруг себя: тьма кругом тьмущая, только что кончилась мезозойская эра, и не начинался еще третичный период, и никакого просвета впереди, эдакое междувластие. Встали они на две конечности и воскликнули: "У-а!" Большего они еще, к сожалению, не могли, потому что не могли, и все. Воскликнули они свое горькое "у-а" и ушли в горы. Тактика известная - Мао Цзедун уходил в горы и Кастро, но они вернулись,а питекантропы - нет. Летом были скачки и культурные револю,саффра и охота с Раулем в Беловежской пуще на привязанных зубров и привязанных фазанов, а у питекантропов не было этого, как не было еще дружбы народов и великого китайского противостояния. Питекантропы ушли в горы и осели там плотно, настолько плотно, что сами стали этими горами и спрессовались с ними. Потом народились новые обезьяны, и новые питекантропы, послушные зову предков,сказали свое "у-а" и ушли в горы и спрессовались, потом новые и т. д. Так что дальше питекантропов история человечества не пошла. Все осталось так же, и только горы, скорее всего Гималаи, свидетельствуют об этом и растут на глазах, потому что на них спрессовываются питекантропы. А мы? Откуда мы? А мы - марсиане, конечно, и нечего строить робкие гипотезы и исподтишка подъелдыкивать Дарвина. Дурак он, Дарвин. Но он не виноват в этом. Тогда был капитализм.

Так зачем вам, люди, это недостающее звено? Бросьте доставать недоставаемое, а доставайте лучше звезды для своих любимых и сыр голландский. Говорят, его нет - мы здесь этого не знаем! Есть или нет! Вот в чем вопрос!

Сегодня произошел возмутительный случай, который потряс меня с фундамента до основания, подобно Ашхабадскому землятрясению в 1949 году и Ташкентскому в 1966-1967 годах.

Один выздоравливающий больной написал Главному Врачу заявление. Вот текст его - привожу дословно и построчно:

"Я, нижеподписавшийся, Соловейчик Самуил Яковлевич, армянин по национальности, а если хотите, и не армянин,возраста 43 лет, 12 лет из которых я отдал Вам, уважаемый друг, торжественно и в присутствии понятых заявляю, что:

1) давление мое колеблется всегда в одних и тех же пределах 1230-1240 км^2/сек;

2) пульс мой 3 - 3,5 порсек в час;

3) роэ - 12 мегагерц в раунд;

4) моча - всегда фиолетовая;

5) претензий нет.

В связи со всем вышенаписанным считаю себя, наконец, здоровым и абсолютно, Вы слышите, абсолютно нормальным. Прошу отпустить меня на поруки моих домочадцев, выписанных Вами вчера из этой же больницы (Вы ведь ни разу не дали нам увидеться) и горячо любимых мною, надеюсь, взаимно.

Хватит, наиздевались, проклятые!

С любовью и уважением к Вам,

С. Солов."

Если бы вы знали, что началось, когда это заявление стало достоянием "общественности". Алкоголики бросили домино, эту отвратительную игру. Один даже съел шестерочный дупель, так что пришлось делать потом из картона (хоть бы он их все съел,и дупли, и нет - тогда не было бы этого стука), и бросив все, они начали хохотать над унитазами (в коридорах и палатах нам шуметь не дают), и те унитазы, в свою очередь, гулко усиливали этот дикий отвратительный смех. Чума не понимала, в чем дело, но тоже вскоре начала повизгивать и бить себя по ляжкам, оставив обед, ложками. Началось нечто. Ну, конечно же, понятно, что не км^2,а просто километров и что парсек пишется через "а", но нельзя же изза двух-трех неточностей в орфографии так насмехаться над человеком. Это же человек, а не какой-нибудь деятель профсоюза в США, который обуржуазился до неузнаваемости. Все мы знаем его как тихого, ненавязчивого больного, он никогда ни о чем не просил, его было не слышно, он был немой и даже сам себе ставил клизму. И такого человека накануне выздоровления так обхамить. Я сам помогал ему писать записку. Я даже сам ее писал, потому что Соловейчик давно лежит парализованный,и я горжусь этой своей скромной помощью умирающему уже человеку. Конечно же, он умрет: Солов - после всего этого. Быдло, Кодло, Падло - они вот они кто. Утопающий схватился за соломинку, а ему подсунули отполированный баобаб. А главврач? Что главврач! Он пожал плечами, порвал крик моей, то есть его, Соловейчика, души и ушел в

1-е отделение для буйных, будто там ему ничего не преподнесут. Преподнесут. Я был и там, там ему будет рецепт.

Зачем, зачем я жил до сих пор?

Чтобы убедиться в черствости и духовной ядовитости обслуживающего персонала моей родной психиатрической лечебницы. Завтра я повешусь, если оно будет - это завтра! Да! И все! И все тогда! Тогда уже, конечно, все.

Она парила по перилам,
Она мудрила и юлила,
Она грозила и сулила,
Она - Долила,
Но убила
Она Самсона - был он сонный.

Долила - это несправедливость, а Самсон - это я. Деревья умирают во сне. Трудно во сне, но я не боюсь трудностей.

Что же будет с Россией? Что? Кто мне ответит? Никто!

Вот моя последняя записка.

(Я вчера много работал! Прошу не будить! Никогда. Засыпаю насовсем. Люди! Я любил вас! Будьте снисходительны.)

А вот мое завещание.

Я не терплю завещаний, они все фальшивые, особенно политические, за некоторым исключением, конечно.

Но вот оно:

Да здравствует международная солидарность сумасшедших! Единственно возможная из солидарностей.

Да здравствует безумие, если я и подобные мне - безумны!

Да здравствует все, что касается всего, что волнует и утешает!

Все.

Сна нет. Его еще не будет долго. Возможно, так и не будет совсем. С концом так и не вышло. Впрочем, это ведь тоже конец - жизнь без сна! А? Нет! Вы представляете себе эту жизнь, все не спят, все только буйствуют или думают. Гениально.

У Кальдерона - "Жизнь есть сон". Там про то, как одного принца разбудили, а ему так все показалось мерзко, что он решил - это сон, а жизнь-то была во сне. Потому что не может же быть жизнь цепью гнусностей и лжи. Вот он придумал для себя удобненькую эдакую формулу. Соглашатель. Жизнь, дескать, есть сон, а сон есть жизнь, то есть тот сон, который настоящий сон, а не тот, который он посчитал сном! Тьфу ты, дьявольщина какая! А у меня все просто:

ЖИЗНЬ БЕЗ СНА.

Никто не спит и никто не работает. Все лежат в психиатрической. Гениально. И всем делают уколы, от которых развивается информация, то есть импотенция, конечно. И все импотенты. И дети не родятся, и наступает конец света. Планета вымирает. Нет! Так нельзя уж перегибать палку: жизнь без сна - это вот к чему ведет! По-моему, слишком. А почему, собственно? На чем мы остановились? А? А! Планета вымерла. Место свободно - прилетай и заселяй. А с наших клиник предварительно сорвать надписи, и они станут похожими на школы. Они, собственно, и есть школы, только

их переоборудовали. Бедные дети. Мы обокрали вас. Сколько бы вы здесь выучили уроков по арифметике, а тут... Конечно, вы нас должны ненавидеть. От нас ведь никакой ощутимой пользы: лежим, ходим, и вроде и нет нас для жизни, нет. Прах мы, а школу отняли. Так-то. Так вот, те прилетят, смотрят: школы - и нет никаких там клиник для душевнобольных. Ну и хорошо! И начнут жить припеваючи. Потому что раз нет клиник, значит, не будет и душевнобольных, ибо все начинается со здания - построили здание,надо же его кем-то заселять. Глядь - человек идет, на ходу читает - хвать его и в смирительную - не читай на ходу, читай тайно. На ходу нельзя. Такой закон. Нарушил - пожалте, тюрьма и надзиратели в белых халатах. Чисто, светло, а решетки на окнах - ничего, они ведь и в тюрьмах, но ведь ты в тюрьму не хочешь? В настоящую!

Не хочешь! А почему не хочешь, а? Потому что здание хуже,не нравится здание. А тут на школу похоже, все-таки ближе к науке. Вот! Прилетят они, и этого ничего не будет.

Нет! Жизнь без сна - основной закон построения нового общества без безумия, но его, закон, еще не приняли.

Примут как миленькие, слишком много средств уходит... в космос. Вот что.

Люблю короткие рассказы и слова.

Один подошел к другому и ударил его наотмашь по лицу и ушел. А тот даже не спросил, за что. Наверное, было за что! И другой не объяснил, потому что, действительно, было за что. Он и дал.

Такой закон у людей: чуть что - в рыло, но никогда за дело.

И еще слова: миф, блеф, треф, до, ре, ми, фа. Коротко и ясно. И никаких. Какая гармония, симметрия, инерция. Господи! До чего красиво! Эпицентр... Эпицентр... При чем тут эпицентр? А... Вспомнил! Просто, если что - надо ложиться ногами к эпицентру, лицом вниз, тогда, может, обойдется. Это смотря: далеко ты или близко, высоко ты или низко, сухо или склизко и есть ли ямка, лунка, норка. Японцы так и делали, но они все низкорослые. Ну и нация! Они печень ели вражескую, чтобы стать повыше ростом, называется кимоторе, но мы очень видная нация и печени не едим. Нам надо просто ногами к эпицентру. Авось вынесет. Выносило же - и сколько раз, черт побери. Русь! Куда ж прешь ты? Дай ответ. - Неважно, - говорит, - авось вынесет. - И вынесло, и пронесло, и несет до сих пор, и неизвестно, сколько еще нести будет.

Вы слышали, вы слышали? Сегодня в седьмое привезли белогорячего: он повесился в Центросоюзе на бельевой веревке, а герой один из дома 68, который на газике работает, рраз! и снял, аккуратно так, даже веревку не срезал, пожалел. Зачем резать, когда можно и не резать. Лежит сейчас теплый, говорят, известное дело - белая горячка, вот и теплый.

- А веревка где?

- Его же ею и связали.

- Испортили все-таки, значит.

- Зачем портить. Целиком!

Почему, интересно, горячка всегда белая? Надо поменять. Это нам от прошлого осталось - от белогвардейщины. А теперь должна

быть красная горячка. А то - белая. Некрасиво, товарищи,получается! Так-то.

Первое, что увидел профессор, очнувшись - это было громадное лицо дельфина, вблизи похожее на лик какого-то чудища или на кого-то, похожего на Бармалея из Диснеевских фильмов, не в исполнении Р. Быкова. На лице написано было какое-то даже беспокойство. И оно махало трезубцем возле лица профессора,тот позвякивал, но прохлады не давал.

- Что с вами? В наши планы это не входит. Мы не собираемся делать с вами ничего подобного. Наоборот, скорее мы хотели бы вас приобщить, так сказать... Но надо же сначала извиниться!

- Что это у вас на ногах? - выдавил профессор.

- Ботинки, - удивился дельфин и чем-то постучал по пластиковой подошве. - Наши фабрики выбрали оптимальный вариант. У вас хороший вкус, профессор. - Дельфин покровительственно похлопал его по плечу и жестом пригласил следовать за собой.

- Я мог бы принять вас у себя, но там вода. Вода, вода,кругом вода, - пропел дельфин, и профессор отметил у него полное отсутствие слуха.

В кабинете они расположились в креслах, и беседа пошла более непринужденно. Дельфин позволил профессору курить, но резко отказался от спиртного, а потом, опережая вопросы, начал:

- Почему мы не говорили, а потом вдруг и все сразу? Мы говорили, мы давно говорили, несколько тысяч лет назад говорили, но что толку? Цезарю говорили, Македонскому, Нерону, даже пытались потушить пожар. "Люди! - говорили, - что вы?" А потом плюнули и замолчали, и всю дальнейшую историю молчали, как рыбы, и только изучали, изучали вас, людей. После войны вы построили океанариумы, и Дж. Лилли с приспешниками начал свои мерзкие опыты. Контакта захотели.

- Извините, я буду прохаживаться, - заволновался дельфин и действительно начал прохаживаться. - Мы терпели и это, чтобы не нарушать молчания и увидеть, до чего же в своих опытах может дойти разумное существо, стоящее на довольно высокой ступени,хотя и значительно ниже нас, ибо утверждаю, что всякая нетехническая цивилизация, основанная на самоусовершенствовании индивидуумов, выше всякой технократии! Можете убедиться - мы не делали ни одного опыта над вами, и только некоторые дельфины позволяли себе контакты с людьми, но это были психически ненормальные индивидуумы, им разрешалось из жалости.

- У нас нет лечебниц, профессор. А когда стали гибнуть наши товарищи, ропот недовольства впервые прошел по океанам, и вот, наконец, этот нелепый случай оскорбления в ответ на наши увеселительные трюки, на игры наши в баскетбол и т. п. Первыми не выдержали киты. Всегда достаточно одной искры, чтобы возгорелось пламя, - и оно возгорелось. Я был последним. Кстати! Как мое произношение? Надеюсь, верно?

- Да! Да, - успокоил профессор. Он уже изрядно глотнул виски, и теперь блаженная теплота разлилась по телу, и все происшедшее показалось не таким уж невероятным. Только вот он шамкал и чуть покалывала спина.

- Ваша челюсть! - воскликнул дельфин и мгновенно вызвал стоматолога. Того ввез служитель в аквариуме. Это был головоногий моллюск Лип.

- Вот уж не думал, что он. - Профессор хихикнул и отхлебнул еще глоток.

- Напрасно вы не думали, - прохлюпало в аквариуме, - вся анатомия ваша, вот она, у меня в кармане. - Лип хлопнул щупальцем и взбаламутил воду. - С самого начала моей работы над вами я сколотил себе ясную картину. Держите вашу челюсть - вот она.

На поверхность всплыла замечательная челюсть, о какой профессор и мечтать не мог. Какие теперь челюсти? Теперь забрала, а не челюсти.

- Если вам что-нибудь нужно заменить, проконсультируйтесь с лечащим врачом и сообщите нам, мы живо заменим все,включая мозг. Он у меня, впрочем, как и у вас, давно в спирту и готов к трансплантации. За сим позвольте откланяться.

Моллюск опять взбаламутил воду и был увезен служителем с вмонтированным в мозг электродом.

- Прощайте! - профессор шамкнул, несмотря на вставленную челюсть. Он был изрядно пьян.

Дельфин, видя такое его состояние, не счел возможным продолжать разговор и молвил только: "Завтра вы получите наш план и ультиматум и передадите его людям! Покойной ночи!" Он зашипел сигарой и вышел.

На следующий день протрезвевший профессор нашел у себя на столе нечто. В нем было коротко и недвусмысленно:

"Союз всего разумного, что есть в океане, предлагает человечеству в трехдневный срок провести следующие мероприятия:

1) Ввести сухой закон для научных работников.

2) Закрыть все психиатрические клиники и лечебницы.

3) Людей,ранее считавшихся безумными,распустить с почестями.

4) Лечебницы отдать под школы.

В случае, если это не будет выполнено, Союз предпримет необходимое. В случае выполнения Союз больше ничего не требует от человечества и прекращает всякие контакты впредь до лучших времен."

Весь следующий день профессор по радио и телевидению,а также в личных беседах убеждал мир пойти на уступки, уговаривал и умолял, рисовал жуткие картины и радужные перспективы, он принял множество корреспондентов и некорреспондентов.

Но увы... Он ничего не мог доказать. Океанариум опустел, исчез куда-то и служитель с электродом. Конечно, люди не верили, смеялись и улюлюкали:

- Как можно выпустить безумных в наш и без того безумный мир, как можно не пить научным работникам?!

Кто-то подал мысль, что это он все выдумал, чтобы скрыть свое бессилие, он обманул надежды, люди так уповали, а он... А еще кто-то подал еще более разумную идею, что профессор сам безумен. На том и порешили и упрятали самого великого профессора ихтиолога-лингвиста в психиатрическую лечебницу.

Мир остальные два дня успокаивался,а потом она разразилась. Катастрофа!

Сейчас опять будут делать эти проклятые уколы. Доктор! Заклинаю вас, от них развивается... только в руку, что? Боже! Неужели я победил? Мне будут делать инсулин, чтобы лучше есть и спать. Не хочу спать. Жизнь без сна. Ага, моя тайна. Моя! Колите, доктор, и будьте снисходительны, я любил вас. Больно! Больно же.

Ах! Какое неприятное состояние! Лечение, тоже мне. Съедают в крови сахар. Мало его вам, что ли, на стороне! Мы вон и у Кубы покупаем, потому что если не купить, то кто же купит? Но зачем вам мой кровный сахар? А? Зачем его сжирать? Какие вы все-таки ненасытные! У меня там тельца белые и красные, а каково им без сахара? Никаково. Умрут они без сахара, тельца, ни за грош пропадут! А все этот тростник. И свекла, свекла! Боже, как хочется есть, есть, дайте есть! Вот он кубинский сахар - 20 кусков, и все бесплатно. Спасибо вам, далекие кубинские друзья. Да здравствуют тростники и свеклы! Сахар, много сахара и вообще изобилие продуктов. Это хорошо, но я все это изобилие съел, надо попросить родственников. Пусть еще принесут. Пашка, паразит, в командировке, пьет. Ничего - так ко мне не ходит, так привезут паразита и сюда, в отделение, с диагнозом "хронический алкоголизм". Тут и встретимся, тут и поговорим по душам. Говорят, у меня был шок. И доктор говорит, а раз он говорит - значит, неправда. Не было шока, ничего не было.

- Как вы можете тут читать? Тут думать надо, а не читать. Читать надо в трамвае и в метро. Но там толкают. Так везде толкают. Тогда ладно, читайте, Бог с вами! А я не буду читать, я вот выйду, сяду в метро и пусть толкают, я все прочту в метро. Всю энциклопедию, и все буду знать. Например, что такое ятаган? Не знаете? Все-таки вы очень глупый! Ятаган - его кинешь, а он к тебе возвращается. Поняли?!

- Знаете, как поп попадью извел?

- Да пойдите вы со своими попами! У меня вон вену сестра пятый день ищет, а он поп да поп!

Безумству храбрых поем мы песню. А просто безумству - нет. Почему? По-моему, чем короче, тем лучше.

Безумству поем мы песню!

Например, такую:

Ничего не знаю,
Ничего не вижу,
Ничего никому не скажу -
Га-га-га.

Нет! Это один свидетель в протоколе так написал, а его на 15 суток - за политическое хулиганство.

Какого-то человека привезли - и к чуме. Говорит, что профессор и про дельфинов гадости рассказывает. Все ржут. Сволочи. Нельзя же, больной все-таки человек. Надо поговорить!

- Вы профессор?

- Да, я ихтиолог-лингвист.

- Ничего - это пройдет! Поколют вас, и пройдет.

- Мир на грани катастрофы.

- Это вам тогда надо с начальником вселенной, что ли, поговорить.

- Да поймите же! Дельфины выше нас по разуму, они сделают что-то ужасное, даже нельзя предположить, что! О, Боже!

Нет! Надо поговорить с главврачом. Пусть, действительно,поколют. Больной все-таки человек. Челюсть вставная. Говорит про какие-то электроды. Надо взять шефство, а то заколют. Психи проклятые! Хлюпики и чавкики, а ему и чавкать-то нечем. К тому же его надо полечить антабусом, пахнет. Пойду к доктору.

Знаете! Один человек нашел в справочнике свою фамилию. Она довольно редкая. И вот эта фамилия убила какого-то князя и предана анафеме на двенадцать поколений. Он - человек этот - как раз двенадцатый. Застрелился он. Высчитал и застрелился. А потом родственники узнали, что та фамилия через "е", а у самоубийцы через "я". Ошибка вышла. Но на ошибках учатся. Нельзя стреляться за князей. За женщин можно и за судьбы мира, а за князей - глупо как-то за них. Уж лучше... Нет, все то же самое... Да! Еще! Он был не двенадцатый, а тринадцатый. Как жаль! Ни за что погиб человек. Как много все-таки в мире несправедливости!

Человек со вставной челюстью молол какую-то совсем уж чушь. Про какой-то дельфиний ультиматум. И выл. Его, наверно, переведут вниз, к буйным. Жаль! Попрошу врача о снисхождении. Все-таки он меня любит. Или привык. Нет, любит, конечно любит. Иначе почему не отпускает от себя? Попрошу.

У нас один антисемит есть. Не явный, но про себя. Но я видел, как он смотрел на Мишу Нехамкина сзади. Такой взгляд! Гестаповец бы позавидовал такому взгляду.

Слава Богу, я ошибся. Просто Миша помочился на него ночью. Он и смотрел. Еще бы! Посмотришь тут. А Миша тоже. Разве так поступают интеллигентные люди? Мочится на живого человека, да еще больного! Ай-ай-ай! А еще член-корреспондент какого-то журнала!

Все бегут к окнам и что-то кричат. Что они кричат? Ведь тихий час сейчас. Придет главврач, и всем попадет. Да! Именно этим и кончится.

Кто-то вошел. О! Что это? Что это? Какие-то люди, нет,не люди! Какие-то жуткие существа, похожие на рыб. Это, наверно, из первого отделения. Не может быть! Даже там таких не держат. Какой-то жуткий маскарад. Но нет - они улыбаются, они распахнули настежь все входы и выходы, они идут к нам и какими-то чудными голосами что-то читают. Про нас. Мы свободны!

Постановления всего разумного... Неужели? Да здравствует! Не может быть!

Всё не может быть "да здравствует". А по отдельности. Все обнимаются. А человек со вставной челюстью плачет и говорит:

- Я предупреждал, я сделал все возможное.

А существа хлопают его по спине и пониже - у них низко расположены плавники. Но ласково хлопают. И других хлопают. И все смеются.

Я понял все. Это они, они. Те, что пришли очистить мир для тех, кто прилетит. Отдать под школы! А может, это они и прилетели. И все, как у меня: жизнь без сна - не как наказание,а как благо! Моя мысль.

- Я тоже, я тоже помог вам! - Это я кричу. Какое-то существо хлопает меня по уколам и улыбается громадной ослепительной

улыбкой. Да это же дельфины, я про них читал и видел фото! Они... Значит, профессор - и есть профессор! Как это я проглядел! При моей-то проницательности. Спасибо вам! Спасибо вам.

Дорогие мои дельфины,
Дорогие мои киты!

Мне сказали, что киты подниматься не стали, они большие, они внизу, в 1-ом отделении. А кругом музыка, салют из 56 залпов, по количеству моих лет!

Спасибо, спасибо вам. Свершилось! И дельфины оказались великодушнее, чем грозили. Они никому ничего не сделали и даже сняли первый пункт. Пейте! Пейте, работники науки! Сейчас можно. Мы свободны. Как хорошо все-таки чувствовать себя здоровым человеком, и чтобы все это знали.

ЭПИЛОГ

На берегу океана и вдоль его берегов, на воде и под водой. Бродят какие-то тихие существа. Некоторые из них иногда что-то выкрикнут или забьются в истерике. Но, в основном, они тихие. И к ним все время подплывают дельфины, и они гладят их по спинам, или дельфины гладят их. И существа позволяют дельфинам залезать им на спину и щекотать себя под мышками и даже улыбаются. Как будто им приятно! А может быть, им и в самом деле хорошо! Кто знает!

1968

Александр ОЖИГАНОВ

Из книги «СТРЕКОЗА»

КОЛОДЦЫ

И что еще нам остается?
Холодной мордочкой уткнуться
У придорожного колодца
В ноябрьский ранний-ранний лед.
"Вода, Аленушка, не пьется..."
Но стоит только заикнуться -
Кричит: "Напейся, как придется.
Разбей копытом, идиот!"

А лед не думает колоться.
В кого теперь мне обернуться
У придорожного колодца?
Кто из колодца воду пьет?
Сестрица плачет и смеется.
Но скоро встречная каруца -
Ах, что еще нам остается! -
Ее от братца увезет.

Никто на зов не отзовется.
Кто согласится оглянуться?
Стоит козленок у колодца,
Ноябрьский лед копытом бьет.
И что еще нам остается,
Скажи на милость, Илянуца,

Когда у каждого колодца
По всей дороге кто-то пьет?

1968

ОТВЕТ МИЛИЦИОНЕРУ

Чему принадлежит моя любовь?
Признаться стыдно. Эху, отголоску
Вторичному. Литературе. Воску
Словесности, притершемуся "вновь".

Как лепят? Второпях. Восторг торопит.
То время вдруг замедлено, и день
Не торопясь заполнит дребедень
Подробностей - и мучает, и топит.

А почему? Бесправна и права,
Литература травит кислотою
Сердца, виясь орнаментом, мечтою:
То графика, то звукопись - слова!

Трещит башка, и ноет позвоночник.
А что бы сделал? Выточил деталь?
Меня опередил многостаночник.
Зато передо мной - такая даль.

Зажмуриться б, закрыть лицо от страха,
Но записная книжка - на столе.
И тайными кореньями в котле
Грамматика кипит. И зорок знахарь.

1973

* * *

Но только не растерянность, о нет! -
Зиянье, пустота, хаос, удушье...
Единство создает единодушье.
Непререкаем должен быть поэт.

Необходима каждая деталь.
Категорична каждая посылка.
Работа над стихом равно и ссылка,
И в бесконечность замкнутая даль.

Так остроумно согнуто кольцо
И согласован звук с его значеньем,
Что, проникая жестким излученьем,
Он озаряет вечности лицо.

1973

диалог

- "Не останавливайся здесь:
Ты все еще в гостях - не дома!
Все смысла лишено, все невесомо.
Не соль и суть - а вспененная взвесь.

Не останавливайся здесь!
Здесь кое-что тебе знакомо.
Усадьбу белого детдома
Ты видишь, поглядев отвесно ввысь.

Там ангел в белом колпаке
И вылинявшей куртке,
Там ангел кроткий, ангел жуткий
Обломок кирпича зажал в руке.

Его ладонь Ь открытых гнойниках
И голову, как факел, керосином
Облитую, ты видишь?.. В двойниках
Взвесь повторяет эту же картину."

- "Приевшееся колдовство
Как дрожжи здесь необходимо.
Немного солнца, горсть сухого дыма,
Глоток вина - вот только и всего!"

- "Здесь ангел отразился в двойниках
Из взвешенных частиц, из мнимой глины.
Земной пузырь пронзив до сердцевины,
Ты одного из них сомнешь в руках.

Здесь смысла нет ни в чем, нет сердцевины."

- "На полпути - я не на облаках!
Там ангел, расплодивший насекомых,
Обломком кирпича швыряет: трах! -
И наконец-то найден икс искомый.

Необходимо колдовство.
Необходима ведьма в три обхвата,
Растущие, как на дрожжах, ребята
И жара впрок - вот только и всего!"

- "Тебя охватывает страх.
Запрячься же, укройся под соломой!
Во взвеси вспененной и невесомой
Ты только лишь соринка на губах.

Я пью от жара вспененный настой,
Отвар, который пострашней отравы.

Здесь все - игра, здесь все - одни забавы
Броженье, гниль, земли пузырь пустой...

Ни берега здесь нет, ни переправы."

- "Необходимо колдовство,
Путеводитель и запас словарный,
И стол - корабль простой и легендарный -
И одиночество - вот только и всего!

Но догадается о том,
Как парус призрачный надежен,
Тот - наверху. Он только корчит рожи,
Швыряет сверху битым кирпичом."

1973

воспоминание о бендерах

От злости перехватывает горло,
Слабеют ноги и трясутся руки.
А город просыпается не скоро,
Посапывая, всасывает звуки.

И девушки, свободные от смены,
Под окнами печальных общежитий,
Покачиваясь, требуют замены,
Как балки потолочных перекрытий.

Как яркие матрешки в телогрейках,
Мешочницы копаются в кювете.
И плачут на невысохших скамейках
Взаимозаменяемые дети.

Высокие телеги для продуктов
Опять звенят бутылками под утро.
И отрывает мне билет кондуктор,
Осыпанная перхотью и пудрой.

Я болен настоящей ностальгией.
Я не был в этом городе два года.
Кто в городе теперь? Не я. Другие.
Рожденные днем моего ухода.

Здесь не меня ждала два года Нюша.
Здесь тень мою преследовали скрытно.
"Кто ты такой? И что тебе здесь нужно?"
Что нужно мне? Немного любопытно...

Я руки за спиной сведу и сяду.
Что нужно мне?.. Мне ничего не надо.

Но что здесь моему подвластно взгляду?
Все, от чего не оторвать мне взгляда.

1973

ЛЕНИНГРАД

1

Не мы завоевали Ленинград,
А он - мгновенно и непоправимо -
Фальцетом исторгаемых рулад
И шепотом четверостиший над
Громоздкими крылами серафима,
Собрав в комочек векового дыма
Витиеватых озарений чад.

2

А саженцы так зелены! - для них
Копаю и коплю тепло и влагу,
И пестую словарь, и жду других,
Свой юго-западный полумолдавский стих
Переношу на бледную бумагу,
Серо-малиновую каменную сагу
Тревожу пением сирен морских.

3

И если есть Одесса и Лиман,
Тирасполь, Херсонес, Назон и Фивы, -
Густой адриатический туман
Изроет берега союзных стран,
Переводя приливы и отливы
За полукруг аттической оливы
Для ленинградцев и для молдаван.

4

Сандалия твоя, легионер,
Поправ косматых бриттов, не ступала
На берега Невы. Я - пионер,
Ветвь боковая, мальчик Ионел,
Простой пастух, оглохший от металла,
Когда над стадом вымерших пантер
Империи седая пыль лежала.

5

Но если есть какая-нибудь связь,
То связь корней и крон при раздвоеньи
Стволов. И ты - не пастушок, а князь:
Под властью у тебя двойная вязь
И новое слоистое растенье.

За кругом круг! И дальше - в средостенье
Кругов, над нежной завязью клонясь!..

6

Аэрофлота угловой фрегат -
Темнее кофе, дружественней моря -
Предоставляет все, чем он богат:
Полуморской, полувоздушный сад -
Ростки усердья, радости и горя,
Когда молчим, с ним невпопад не спорим,
Плывем - и с ним не спорим невпопад.

7

И возвращаясь на круги своя,
Я пью нездешний воздух Ленинграда
За несколько шагов от бытия,
За несколько стихов, которых я
Еще не написал. Их и не надо.
Ведь все, что следовало взять из сада,
Взяла сырого воздуха струя.

1973

РОДИНА

Со звездочкой сирени на губах
Ты смотришь сквозь чугунную ограду.
Расплывчатый и беспричинный страх,
Как будто получил тебя в награду
За то, что побывал на облаках.

А милицейский катер прокричал,
Как детская игрушка, под ногами.
И серый Эрмитаж опять встречал,
Как не встречает одичавший камень.
И посмотрев на маленький причал,

Я разглядел затылок мертвеца,
Раздувшуюся, в бурых пятнах спину,
Увидел, как матрос за два конца
Тянул канат, а труп, наполовину
Раздетый, не хотел казать лица...

Прошедшая футбольная игра
Перед глазами все еще пестрела.
Сегодня перепуталось с *вчера*,
И медленно всплывало чье-то тело,
И опоздавший говорил: "Пора!.."

Пора соснуть хотя бы на часок
Под шорохи предутренних моторов

И под неторопливый говорок
До пояса раздетых полотеров.
Но памяти причудливый виток

Скользит по исчезающим лучам
На каменные лестничные плиты
К озябшим и раздвинутым ногам...
"О собеседник скромный и сердитый,
Так вот куда ты ходишь по ночам!"

"Неправда, нет!.." На каменных столбах,
На мраморных колоннах Ленинграда
Абстрактным завитком изваян страх.
Ты смотришь сквозь чугунную ограду
Со звездочкой сирени на губах.

...Приятель застает меня с утра
Читающим вчерашние газеты.
Сегодня перепуталось с *вчера*.
Одна на берегах Невы и Леты
Грибная, и бесплатная пора.

И полчища ночных нетопырей:
Любовников, бичей, солдат и пьяниц -
К открытью пионерских лагерей
Разучивают популярный танец.
Недолго и с ума сойти, ей-ей!..

Ты делишь на раба и на врага.
Но, как неудержимые признанья,
Проспектов нераспаханные га
С утра полным-полны иносказанья:
Прислушайся и приглядись, брюзга!

...Умыться бы! осталось полчаса
Сидения в хозчасти Эрмитажа.
Утихли полотеров голоса,
Незримо разошлась по залам стража.
И на небе открылась полоса

Рассвета... Что ж, распахивай, сажай
Пустые семена и сновиденья!
Я соберу обильный урожай,
Как ни брюзжи и как ни угрожай
Пятиконечной звездочкой сирени.

1973

ПЯТЬ ВОСПОМИНАНИЙ

1

Кто воссоздаст историю страны?
Дела закрыты, книги сожжены.
В музее - только старые штаны,
В которых бастовал какой-то слесарь.
Хоть рубят лес - деревья не видны,
А из-за щеп почти не видно леса.
И мы с тобой, дружок, погружены
В болото пролетарского прогресса.

2

И флаги бьют, и медь горит в кино:
Валяйте, мол! - все стерпит полотно...
Какой дурак засмотрится в окно
Сравнить: а так ли? Только от угара!
Там яблочное мутное вино
Сверзается бесшумной ниагарой
На мавзолей из плиток домино
И очередь в подвал на тротуарах.

3

Кого из палачей обходит сон?
Кто выстрелил? "И я, и ты, и он..."
Но у кого-то - холостой патрон.
И остаются только подозренья.
В своем кругу никто не обойден!
И в узкое - сквозь прорезь - поле зренья
Продернуто: приказ - мишень - закон.
Спасительный параграф уклоненья.

4

"Свобода, Братство, Равенство", - слова,
Которыми пугает нас Сова.
Зловещий крик ночного существа -
Сигнал о безымянных преступленьях.
Занудный крик как зарево кровав.
И кто-то в нем сгорает, как поленья
В костре, не долюбив, не дописав:
"Свобода, братство, ра..." - в стихотворенье.

5

Мы подождем. Нам, в общем, все равно,
Что с нами дальше делать решено.
Мы затвердели, как в песке говно,
И тоже чуть не мраморными стали.
Пускай придет инспектор ГОРОНО

И разрешит вопрос о пьедестале.
Хоть Унитаз - и золотое дно,
Но промывать его уже устали.

1973

* * *

Еда и сон, и чтение не впрок
Для канцелярской крысы, кем являюсь:
Не ем - травлюсь и не лежу - валяюсь,
И не читаю - шарю между строк.

Будильник тарахтит, как автомат.
Из кружки - чай, из пачки - сигарету.
И на бегу, как общую диету -
Глоточек Леты, чертов препарат!..

1974

Александру Ожиганову около 30 лет. Живет в Ленинграде, работает кочегаром. Посещал литобъединение при Доме культуры трудовых резервов, руководителем которого более двадцати лет подряд был Давид Яковлевич Дар. Это объединение может похвастать такими именами как Глеб Горбовский, Владимир Губин, Виктор Соснора, Олег Охапкин, Владимир Алексеев, Юрий Шигашов, Александр Ожиганов и другие.

ДАВИД ДАР (1910-1980)

Не стало Давида Яковлевича Дара. 16 сентября он умер в иерусалимской больнице от очередного сердечного приступа. Он прожил долгую жизнь, немного не дожив до своего семидесятилетия. В лениздатском справочнике "Писатели Ленинграда" читаем: *"Дар Давид Яковлевич - прозаик. Родился 24 октября 1910 года в Петербурге. В 1927 году окончил среднюю школу, был слесарем на Балтийском заводе, учился в техникуме печати. В период с 1928 по 1932 год его рассказы печатали ленинградские журналы "Вокруг света", "Красная панорама", "Юный пролетарий". С 1931 по 1941 год работал в редакциях ленинградских и московских газет. С 1941 по 1945 год находился в рядах Советской Армии, участвовал в боях на Ленинградском фронте."* И следует перечень из двух десятков книг, первая из которых вышла в 1937 году. Этот казенный текст не дает никакого представления о Д. Я. Даре и его роли в литературной жизни Ленинграда, а в перечень не вошли его главные книги, не изданные в России, одна из которых увидела свет за несколько месяцев до смерти автора вдали от Невских берегов, в Иерусалиме.

Д. Я. Дар был наделен острым и ядовитым умом, и литература была для него единственной существенной реальностью. Напрасно было ждать от него утешений в житейской беде, но любая литературная забота становилась его собственной. С конца 40-х годов вокруг Дара непрерывно группировалась литературная молодежь. Он не был для нее наставником, он был яростным критиком и первым читателем. Ему хотелось дать прочесть написанное, хотелось на нем себя проверить. Его похвала весила куда больше, чем десяток официальных статей. Благодаря Д. Я. Дару,В.Ф. Пановой,А.А. Ахматовой, М.Л. Слонимскому и некоторым другим писателям в Ленинграде существовала нормальная литературная жизнь, в которой появление каждого нового поэта или прозаика замечалось,отмечалось и меняло картину русской литературы, несмотря на то, что тому еще предстояло годами добиваться печатания, а иной раз так и остаться изустным. Тот, кто знает наши советские дела, поймет, насколько неоценимой была роль таких людей как Давид Яковлевич. Д. Я. Дар написал немало книг. Но лишь один из сборников его главных рассказов, "Богиня Дуня", пробился в печать (1964; позднее чуть расширен и переиздан под названием "Книга чудес", 1968). Потом и это стало невозможным. Положение в Ленинграде, да и вообще в стране становилось все более мрачным. Высылкой Бродского в 1972 году правительство начало открытую войну против писателей. В 1977 году Д. Я. Дар, напечатав перед тем несколько вещей за границей, в частности в "Континенте", был вынужден уехать в Израиль, где и прожил последние годы, не переставая писать,продолжая заботиться о молодой русской литературе, участвуя в работе зарубежных русских журналов, в том числе и нашего. Теперь уже можно сказать, что именно через Дара пришло к нам не менее трети наиболее интересных рукописей из России.

Еще один некролог, еще один русский писатель похоронен в изгнании. Оборвалась еще одна связь с домом.

Владимир ЛАПЕНКОВ

ЗАПИСКИ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО СОЗРЕВШЕГО

(САГА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА)

Соблюдая приличия тона, начинаю со своей биографии. Не привык болтать о себе, но - блюдовать, так блюдовать!..

Я родился в Сочи, в культурной, но небогатой семье. Мой отец ловил рыбу, а мать сбывала ее на базаре. Она была молодой жизнерадостной женщиной, и татары ее очень любили. Когда я появился на свет, никто не оспаривал, что ребенок похож на отца, как на каплю воды... Но не это я хотел рассказать - вряд ли такая мелочь заинтересует просвещенного читателя... И кстати же я о тебе вспомнил!.. Возлюбленный мой друг! прости, что я обращаюсь к тебе с опозданием, уверен - ты поймешь, ведь в эгоизме,наверно, не уступишь и на йоту (не знакомые со словом "йота" смело пусть заменят его словом "килограмм").

Итак, мой желанный ценитель, вот труд бессонных дней и вечеров моих. Отбрось кастратовы привычки! Насладись!..

Не возьмусь утверждать, что каждое слово здесь правда и все события произошли на самом деле, - я мог и ошибиться,приписывая себе то, что не случилось со мной, хотя могло приключиться с другими, или то, чего не случилось с другими, хотя могло приключиться со мной; не берусь утверждать, что не все здесь правдиво, но и не возьмусь доказывать обратное, чтоб не запутаться во фразе. Но хватит! Уж нам-то стыдно канителить!..

Как я уже упоминал, место моего рождения - Гагры. Когда отец далеко уходил в море, матери далеко ходить было не надо.

Оба возвращались с добычей, так что жили мы неплохо.

Впрочем,бывали и черные дни... Честно говоря, не припомню, доводилось ли мне ложиться сытым в постель...

Но вскоре отца загребли таможенники, и детство кончилось.

Ясным майским днем (то ли в воскресенье, то ли в четверг) мать выгладила мои штаны, взяла меня за руку и повела к своему двоюродному брату, что на соседней улице. После приключения с толстым капитаном я, отделавшись хлопком по мягкому месту, благополучно добрался до дома моего дяди...

Дядя, Каллистрат Иванович, профессор в отставке, был одним из крупнейших специалистов по бледной спирохете. Ему дали лауреата за фундаментальные труды: "Приоритет русской спирохеты" и "Буржуазная спирохета как средство порабощения масс". Неудивительно, что у спирохеты был бледный вид!..

Как-то профессора навестил коллега из American Academy of Dermatology and Syphilology, и весь вечер до меня доносились возгласы "clap", "pox" и "ой, больно!".

Принадлежа к поклонникам образования,не чуравшимся муз,дядя Кика всерьез принялся за мое воспитание. Любовь к прекрасному я унаследовал еще от бабки, скупщицы старинного фарфора, так что дело пошло. Приложив энергию где только можно, мне удалось вконец расстроить фамильный рояль, загадить красками гобелены (или как их там!), после чего я взялся за книги и в два счета стал самым начитанным мальчиком Армавира. Не Бог весть какой уж подвиг! Зуд не проходил, тогда я сел и сочинил пьесу под названием "Пергамент". Воодушевленный успехом, я отважился на повесть, окрестив ее "Аргумент". Наконец, совсем обнаглев, я в муках произвел на свет оперу "Пер Гюнт" по мотивам дагомейских народных песен. Тут я впервые узнал, что творить, руководствуясь только полетом фантазии, в некоторых местностях небезопасно. Я подсунул дяде "Пергамент" и ждал, как воспримет он мой "Аргумент" .. Нам, соплякам, не тягаться в выдержке с людьми старого закала! Если бы не подергивание века да бледный цвет лица, посторонний бы и не догадался, что нужно звать на помощь. Но я знал профессора лучше; усадив его в кресло, поближе к открытому окну,я решил отвлечь его исполнением увертюры к новой опере. Клянусь здоровьем предков, что я сделал это без злого умысла, да отсохнет у меня что-нибудь, ежели я вру!.. Стиль оперы непосвященным показался бы чересчур своеобразным: она насыщена оригинальным фольклором, и в ней ясно слышался голос джунглей. Стоны разбитого рояля, необходимые по тексту завывания и танец живота дали разительный эффект - начало оперы чуть-чуть не привело к финалу. Я волновался и не находил себе места, но врач меня успокоил,сказав, что жизнь дяди уже вне опасности...

Так я заработал билет в Баку,где предстояло начать Новую жизнь - поступить в институт и пачкаться в нефти. Перспектива не для любителей Оскара Уайльда,но делать нечего - пришлось покинуть мамок-нянек на произвол судьбы. Окидывая взглядом прошедшие два года, я пожалел как будто и о рояльчике, и о кожаном диване (почти как у Толстого), на котором вовсе не худо читались иностранные, русские, чуть ли не советские авторы...

Собраться было делом минуты - джемпер, джинсы, портрет Джугашвили в кармане, - мой дорожный чемодан был легок, как поседевший волосок с дядиного затылка, так что рук я не утруждал. Попутно набросаю вам свой портрет - отнюдь не похож на Чингизхана, тем более - на Чингиза Айтматова, наоборот - в отличном

стиле нос, в прекрасном ритме уши и хорошо темперированные глаза. И не с такими данными покоряли мир. Но не познав как следует себя самого, не стоило и браться за такую работу. Думаю,найдутся дюжие ребята, которые справятся с нею без меня. С такими мыслями я садился в поезд, с теми же мыслями я перерыл свой гардероб, собираясь предъявить билет контролеру...

- Он мне сразу показался подозрительным, - сказал мужчина в тенниске и коротких штанишках, вытирая платком потную шею. - Ну, чего уставился, татарская рожа!?..

- А у меня помада пропала! - взвизгнула девушка,сидящая рядом.

- А вы не защищайте! - сказал мужчина. - Если их всех защищать, они скоро на голове ходить станут.

Подъехал проводник - австралопитек на колесиках - шепнул раскатисто:

- В соседнем вагоне пропал пудель. Кличка - Гриша.

- Кличка тоже пропала? - спросил я.

- Хулиганство! - сказал все тот же мужчина и быстро пересел к окну.

- Ну, ладно... - Контролер сделал движение, будто хотел запихнуть меня в сумку.

Я вышел вслед за ним, минуя проводника, увлажнявшего тамбур слюною. По дороге представлял себе голую тетку, восседающую на унитазе, и другую эротику. Так она и просидела до самой станции, но наконец распалилась, расплылась и превратилась в округлую фуражку, украшенную пестрыми попугайчиками...

Когда коп подошел поближе, легко было видеть, что и сам он напоминает кумачового попугая с изогнутым желтым клювом. Не выдержав его взгляда, я стал смотреть ему в ноги, красивые и сильные, в блестящих черных ботинках со стальными подковками.

- ...Нет, ты мне скажи, - ты зачем гастролируешь?.. - произнес он с акцентом, в котором слышалась южная кухня. Мне вспомнились хазани, мукузани, обрезание, и я облизнулся в глубине души. Перейдя от слов к делу, он ощупал меня с ловкостью нимфомана и методичностью гробовщика. Нашарил на заду портретик и засопел. Глаза его покрылись поволокой.

- Вождей любишь?.. Ну, ладно, считай - легко отделался. Положи десять рублей и иди.

Он бесшумно съежился и стал уплывать.

Презерватив умер. Да здравствует Презерватив!..

Фонарей не было. Три толстенькие бляди сидели на краю облака, предвещая наступление ночи. Воздух был напоен ароматом колбасы, которую они ели, и я остановился понюхать. В обонянии мне не равняться с моим дедом, который, по рассказам, мгновенно находил съестное и различные вещи, даже если его не просили об этом, но коль скоро запахло ужином, и я не буду толкаться в задних рядах. Впрочем, запас рассуждений велик, а жизнь бутерброда, увы, - коротка.

Самая крохотная из блядей ела так, словно играла на губной гармошке, что мне чрезвычайно понравилось.

- У вас музыкальные руки, - сказал я ей, - только с такими руками и можно играть на пианино.

- А как ты догадался, что у нас есть пианино? - спросила она, открыв рот от удивления и поднеся к нему последний кусок колбасы.

- Это ерунда, - отмахнулся я, - могу даже дать пару уроков за самую скромную награду. Да вот хоть за этот кусок колбасы. Но плату вперед!..

- Бойкий ты парень, - сказала она, вытирая руки.

- Ну полноте, - ответил я, вытирая губы.

- Ты ведь не здешний? - спросила другая блядь.

- А разве я веду себя как гость?

- Пожалуй, не скажешь, - согласились они.

......................Как и следовало ожидать, я проснулся от сильных позывов в мочеиспускательном канале. Вскочив с постели, я ошалело уставился на красные пятна, устилавшие одеяло и простынь.

- Чья это кровь? - спросил я. Голова раскалывалась от гудения в уретре.

- Это вчера ты пролил вино, дурак! - пожаловалось обремененное грудями создание сквозь зубы, которыми оно зажимало шпильки.

- Сейчас я ему все объясню! - Из соседней комнаты появился лысеющий молодой человек в устрашающих очках, чье лицо мне показалось до странности знакомым. Подойдя ближе, он улыбнулся и потрепал меня по плечу.

- Послушайте, - сказал я, - по-моему, я вас где-то видел?!

- Если бы на этом все и закончилось!.. - вздохнул он. - Вы позабыли, как пришли сюда, нагруженный бутылками, и мы устроили маленькую оргию?..

- Простите, а на что я купил все это?

- Не приходится говорить о покупке. Изрядно нахлеставшись, мы, кажется, стали петь и плясать, а вы нам аккомпанировали на фортепьяно. Замечу в скобках - это единственное, что вы хорошо делаете.

- Ну, а потом?

- Дальше было менее интересно. Вы лезли ко мне целоваться и под конец даже затащили в постель.

- Какой ужас!..

- До меня это дошло, к сожалению, слишком поздно. Но вам, я вижу, пора. По дороге не наступите в блевотину.

- Это тоже мое?..

- Не крохоборствуйте! Вчера вы вели себя более непринужденно...

- Что в этой жизни не пóшло? - проговорил он, когда я вернулся.

- Это зависит от угла зрения... - робко вставил я.

- Не скажите. Совсем не обязательно вколоть в себя морфий, чтобы, будучи спасенным, научиться ценить все это. Я это понял, когда увидел плачущих друзей, собирающихся на мои похороны.

Я закурил, сел поудобнее и приготовился слушать.

ИСТОРИЯ ДОНА ГОНЗАЛЕСА

- Моя мать, - начал он, - была известной актрисой, прославившейся исключительно исполнением ролей мальчиков. При ее любви к искусству и искусству любви, а также при ее специфически профессиональных знакомствах можно считать счастливой случайностью, что я появился на свет. Мы с матерью не докучали друг другу. Я рос среди рано узнанных произведений Флобера и Шекспира, Рабле и Данта Алигьери. Они научили меня любви, а в школе я научился ненавидеть. Все это питало мой неиссякаемый врожденный оптимизм и нашло выход в юношеских стихах, незрелых и наивных, посвященных одному другу детства. Я полюбил тогда впервые. Этот мальчик, единственный в нашем классе, кто не смеялся над моей неуклюжестью и физической беспомощностью, казался мне воплощением совершенства, юным полубогом, чья сила и изящество были исполнены прелести такого благородства, что при нем казалось невозможным содеять что-либо недоброе, пакостное. К слову, о благом родстве. Родители этого обаятельного подростка оказались мелочными пьянчужками, что, впрочем, не мешало им гордиться своим сыном в минуты краткого протрезвления. Ко мне они испытывали инстинктивную неприязнь, считая, что, мол, нѐ хер со мною возиться. Где-то они были правы.

В биографии каждого нормального юноши наступают такие моменты, когда он, уединившись с друзьями в уголке и закурив первую в жизни сигарету, давясь дымом, приступает к рассказу о вымышленных событиях, связанных с первым познанием женщины. Когда все уже поделились своими ярко красочными, схожими, как наштампованные гайки, впечатлениями и очередь дошла до меня, один парнишка, совращенный бездну лет назад некой пожилой куртизанкой,стал высмеивать мой бездарный и сбивчивый, не напоминающий хорошую ложь рассказ... Не буду долго врать, скажу только, что мой друг вступился и вывел меня из неловкого положения. Сказать, что я был ему благодарен, все равно что промолчать. В моем мозгу проносились волшебные картины из нашей будущей жизни в шалаше на острове, где кроме нас никого не будет. Вряд ли я представлял себе ясно, что мы будем делать там, помимо ловли рыбы и чтения стихов, но туманные желания томили меня... День за днем текли незатейливые школьные будни, и однажды я увидел своего друга обнимающим девушку. Возможно, она была прелестным добрым созданием, - мне она показалась гадким монстром. Где те слова, чтобы описать страдания толстого очкарика? Для патетики было рановато, и я добился перевода в другую школу.

"Не ты, любимый мой, а кто-нибудь другой..." - написал я много позднее, начиная одно из своих стихотворений...

- Ну, распелся!.. - хором воскликнули бляди. - Будете еще сидеть?.. Нам пора. До скорого!

- Счастливой охоты, детоньки!

продолжение истории дона паскуале

- Знакома ли вам жизнь артистической богемы? Вижу, что нет. Со времен Нерона она мало изменилась. Как и тогда, в этой изящной неразберихе, кто чей муж и сын, ценятся не столько тот или иной вид разврата, который недоумками почитается за собственное изобретение, сколько сорванный куш и анекдоты об интимных слабостях тех, что стоят у кормила власти. Я как-то сам собой вошел в этот мир, представший передо мной в многоразличии изощреннейших поз. Какими красками описать гневливо-агрессивных режиссеров, пугающих громкими именами и волосатостью мрачных грудей юных художников, умеющих показать товар лицом, стадо непризнанных гениев и свору недобитых падших пророков?.. Лира бессильна перед Гоморрой лоснящихся морд. Не поверите, но и я в эти годы блистал и лоснился, причем далеко не протертым местом кафтана. Меня любили, я жил, желал, жирел. И сколько мертвых тел я отделил от собственного тела!.. Мои стихи. А ведь скажи я, что эта строчка из Петрарки или Заболоцкого, вы бы проглотили,не жуя...

Он поправил очки и испытующе посмотрел на меня.

- Чувствую по глазам, что зарвался... Но Бог с ним, продолжаю врать!.. Так проходило мое время. Для пущей важности я сочинил себе эпилепсию, что еще более повысило уважение к моей персоне. В кабаках и клубах разговоры обо мне не умолкали. Швейцары узнавали меня по французским ботинкам и желтой кофте. Поклонники увивались за мной повсюду... То были дни!.. А по ночам, в предвестии близкого распада, я защищался от сумасшествия работой, исписывая горы бумаги. И вот конец наступил. Задолго до рассвета я поднялся с постели друга с неотвязной мыслью, что нужно что-то сделать для своего спасения; оделся и вышел один в белую ночь... Вы слушаете?

Он вновь прервал свой рассказ.

- Да-да. Просто гудки паровозов напоминают мне, что пора в дорогу.

- Прекрасно. Досказать осталось уже не многое.

Он некоторое время смотрел куда-то в сторону, а потом продолжил.

окончание истории дона диего

- Я бродил по предутренним улицам Великого города в поисках того, что должно было объявиться само и о чем размышлять не имело смысла. Вот замаячили первые старьевщики, затем объявились дворники, за ними владельцы собак и, наконец,пролетариат - владелец всего остального. На этой скамейке, точь-в-точь балтиморской, я мог бы, укрывшись бессмысленным взглядом... Нет,возбуждение не давало покоя, мой бег продолжался во славу Эдгара Аллана По. Казалось, весь транспорт начал охоту за мной, трамвайные пути с шипеньем извивались вокруг, и мне стало почти что легче, когда за окном одного из трамваев я заметил белокурого мальчика - свою первую любовь... Но постой, ведь прошло столько

лет!.. И тотчас я увидел в толпе юного мужа, прячущего взгляд серовато-стальных глаз. Он пропал, но вдруг снова вынырнул - уже далеко впереди - и опять затерялся, как призрачный фонтан Моби Дика... "Эй, парень! - Меня тряс за ворот незнакомый мужчина. - Ты что?.." Он хотел еще что-то сказать, но я его перебил. Ничего, не страшно, падучая, я привык, когда у него начнется,он тоже быстро привыкнет... Жаль, что мы были в Неаполе, не выношу южных домов и деревьев, медленное полуденное время... В кафе я вспомнил, что у меня нет при себе денег, и пришлось еще немного покружить по площади. Почувствовав прилив свежей ерунды, я решил вернуться домой и чуточку отдохнуть. Все остальное, на мой взгляд - не область литературы. Употребив по назначению ампулку с темной жидкостью, я надолго впал в сон и вновь обрел себя на несвежих больничных простынях, соединенный с внешним миром посредством шприцев, зондов и прочей утвари, придуманной специально для таких,как я. В короткие часы незамутненности я слышал голоса с соседних коек, проклинающие жизнь, страну, врачей, требующие заслуженного окончательного сна. Лишь через несколько недель, когда я уже мог поворачиваться и ходить, я разглядел как следует своих соседей. То были существа без рук, без ног,со сломанными ребрами и хребтами... Стоило ли? - лениво размышлял я, перелистывая страницы поэм и некрологов,написанных друзьями еще задолго до моей смерти. - Ты молодец! - били меня по плечу. - Все будет нормально. - Ну что вы, - учтиво отвечал я, - жизнь прекрасна и удивительна. Да, да, я знаю. - А еще через некоторое время я отправился на Кавказ и познакомился случайно с этими добрыми девочками, и вот уже полгода,как я здесь наслаждаюсь бытием и считаю себя самым счастливым человеком на свете.

...Вместе с хмелем из головы выветривались мысли о пыльном городке, населенном неунывающими блядями, копами и педерастами. Лишь изредка проносились, как напоминание, счастливые дети национальных меньшинств, указующие на меня перстами из кабин автомобилей. Я шел по нагретой солнцем шоссейке, пока не увидел фигуру человека в соломенной шляпе, сидящего на обочине,вытянув ноги. На камушке перед ним были разложены папиросы; он то и дело хватал их, разминал в пальцах, клал на место, переставлял и вновь с любовным нетерпением брал в руки.

- День добрый!

Он снял шляпу и взглянул на меня разнузданно заговорщицким взглядом. Я вынул сигарету и стал прикуривать.

- Вы бы разложили их на солнышке, - сказал он, - совсем иначе будут куриться.

- Не знаете, легко здесь поймать попутку? - спросил я.

- Помашите пятью рублями... Не хотите папироски?..

Его шелковистая борода полоскалась на ветру.

- А если у меня нет пяти рублей?

- Зря отказываетесь. Охота вам курить всякую дрянь!..

На секунду я вдруг показался себе ребенком, в чьих руках по воле Судьбы очутился предмет, значение которого ему не дано постигнуть.

Но я не мог себе позволить бояться непостижимого и не спеша двинулся по дороге, зная, что бородач смотрит мне вслед и разминает в руке папиросу, не поднося ее ко рту...

Дорога не дает надолго задуматься, на мой большой палец среагировала развалюха времен грузинского Ренессанса, и через минуту я уже трясся на кожаном сиденье, истертом задницами всех рангов и мастей. Горбоносый небритый водитель, не поворачиваясь ко мне, спросил:

- Бакы идышь?

- Бакы, Бакы! - радостно закивал я.

До Бакы было около двухсот километров, и мне следовало с толком распределить на весь путь угощенье из сигарет и анекдотов. Для разогрева я запустил совсем безобидную историйку из быта браконьеров, в которой инспектор остается без ружья, как без шапки, короче, в дураках. Решив, что волосы, растущие из ушей, препятствуют юмористическому восприятию жизни, я нашел нужный обертон и повторил все погромче, ввернув еще парочку соленых выражений, циркулирующих у нас на побережье... И засушенный дятел оказался бы болтливее моего спутника. Говорят, Бодхидхарма девять лет просидел в молчании перед каменной стеной,но я-то не каменный! Не желая сдаваться, я выдал лучшее сокровище из своих запасов, способное расшевелить даже роженицу, вызвав преждевременные роды, - случай с иранской шахиней и ответственным советским работником. Горбоносый что-то хотел сказать, но сдержался. В таких делах нужно знать, где вовремя поставить точку,и я отступился, полностью отдавшись виду гор за окошком. Время шло; хоть мы двигались не быстрее подбитой перепелки, но расстояние неумолимо сокращалось, а мой ездун, видимо, был сторонником только одного вида платы. Эта южная меркантильность его погубит, подумал я. Но раньше она погубит меня. Когда стали появляться нефтяные вышки, я не вытерпел и сделал последнюю попытку. Тут уж я превзошел самого себя. Не рассчитывая на дословное понимание текста,я размахивал руками,крутился,визжал,подпрыгивал, выкрикивал имена вождей,которых изображал,пока машина резко не затормозила и мы с горбоносым не уперлись лбами в ветровое стекло. Но он тут же выскочил и, оббежав машину спереди, буквально выбросил меня на асфальт, после чего его вырвало потоком ругательств без единого русского слова. Это было для меня откровением, и я слушал его как завороженный, жалея, что все равно ничего не запомню. Наконец он плюнул (опять же не в переносном смысле), сел в свою тарахтелку, неосторожно хлопнув дверцей, и укатил. Признаться,я не надеялся встретить в каком-то засранном водителе такого патриота. Однако что-то предстояло делать, а у меня за душой ни денег, ни сигарет, ни анекдотов, один лишь прилив мозгов, придавший моему лбу дотоле неведомую конусообразность.

Идеи не клевали. Я откопал в кармане обрывок бумаги и огрызок карандаша и начал набрасывать на колене поэмку "Сиротка на асфальте". Но только я дошел до фразы "и во лбу звезда горит", как рядом скрипнули тормоза и предо мной остановился газик, из которого вышли двое в форме с незапоминающимися лицами. Я отбросил инстинктивное желание бежать и учтиво поздоровался.

- Я же говорил, что далеко не уйдет, - сказал один другому, затем обратился ко мне. - Вставай, поехали!

Меня втолкнули на заднее сиденье по соседству с перепуганным смуглым мальчиком лет четырнадцати. Он прикрывал щеку рукой и, завидя меня, отодвинулся к другой дверце.

- Этот? - спросил первый в форме, резко беря старт с места. То ли от толчка, то ли по другой причине, но мальчик опустил руку, обнажив чудесный фингал, и молча кивнул. Второй, рассматривавший меня с полуоборота, поинтересовался:

- Куда ты дел часы и деньги? - И, не дожидаясь ответа, перегнулся и принялся меня обыскивать. Процедура для меня не новая, так что я отвлекся изучением того чудного фингала и пришел к выводу, что мне бы так чисто не сработать. Разумеется,ничего, кроме трехкопеечной монеты и листка бумаги,тот в форме не нашел.

- Это еще что? - спросил он.

- Как что? Стихи, - сказал я и сразу стал читать.

- По-моему, он тронутый, - сказал первый в форме.

- А по-моему, дурачком прикидывается, - сказал второй.

- Какого черта ты здесь околачиваешься? - спросил он меня.

Я с готовностью рассказал историю про больную мать, бедную тетку и украденный багаж. Но они, видимо, знали этих историй больше, чем я, и посоветовали мне заткнуться. Тут только я заметил, что газик мчал нас назад, к покинутому мной городку, и опять спросил, что они будут со мной делать.

- Как считаешь, чтó с ним теперь делать? - сказал второй каким-то более мягким тоном.

- Что делать? - раздумчиво переспросил первый. - Да что с ним делать? Выебать, да пинка в зад!

И свернул по направлению к песчаному карьеру...

...День длился без конца, и тем уже был дорог. Я возвращался в товарном вагоне, в котором до меня, видимо, возили крупный рогатый скот. Вертя в руке обрывок со стишком, я думал,написать мне на обратной стороне обличительную статью о состоянии вазелинной промышленности в южных штатах или создать грандиозную эпопею, наподобие "Шах-намэ", озаглавленную "Песнь Предстательной Железы?" Но стоило ли заводить склоки с уходящей минутой?.. Если не можешь с готовностью принять любую Нежданность или не сумеешь без слез с ней проститься, то лучше крепче держись за набрюшник и грелку и нечего выходить на Дорогу. Где-то там, в "дцатом царстве", морские львы перебрасываются новостями и мороженым, усатые атлеты прыгают сквозь огненные обручи за бутылку коньяку, а мир смиренным трупом дожидается хирурга с веселым скальпелем... Ну, хватит сантиментов! Я не Северянин и не Левингстон, а только безответственный южный бродяжка.

...Товарняк замедлил ход и стал продвигаться урывками. Передо мной маячил Баку с полупизанской Девичьей башней и символическими следами Грина и Хлебникова. Было от чего почувствовать себя двадцать девятым бакинским комиссаром!.. Через прободение, если можно так выразиться, в передней стенке телятника я выбрался на буфера, а оттуда на крышу вагона. Состав степенно подходил к разгрузочной. Я на ходу соскочил на платформу и, отрях-

нувшись, подошел к питьевому автомату, достал последнюю трехкопеечную монету. Газировка была теплой, пахла подгнившим сиропом и осами, но мне казалась чрезвычайно вкусной и пьянила как брага. На юге темнеет быстро. Когда я поставил стакан и обернулся, день потух и город уже наполнился грязноватыми ночными огоньками. Жара мгновенно спа́ла, можно было даже дышать. По перронам сновали люди, я смешался с толпой и, заботливо обойдя вокзальных копов, спустился на тесный асфальтированный пятачок, а по-здешнему - площадь. Тут же, на площади, во всяких затененных ямках, уголках, на ступеньках расположились какие-то гунны,а быть может - татары (разглядеть было трудно) со своим скарбом,детьми, укутанные в шали и цветные платки. Они молча ломали чуреки и ели их с баклажанами, что, впрочем, не вызвало у меня слюноотделения. Я не чувствовал голода и уверовал,что смогу обойтись без еды сколько угодно. Часы на вокзальной башенке показывали московское время. С каждым часом народу перед вокзалом становилось все больше. Многие, и даже те, кто, вроде меня, совсем не имел багажа, расстилали на земле газеты и моментально погружались в сон. Отходившие поезда, как видно, их не интересовали. Свободных мест уже не было, следовало поторопиться. Перед оградой, за которой чернело смутное подобие сада, я заметил измятый лист не совсем свежей газеты, еще сохранившей тепло своего обитателя, и, не долго раздумывая, стал устраиваться. То ли с непривычки, то ли от некой нервной усталости, но долгое время мне никак не удавалось найти идеальное положение, в котором я мог бы заснуть. Жесткое отношение к моему заду меня уже не пугало, но некуда было деть руки, мешали ноги, чесались лицо и спина; я думаю, каждому известно такое неприятное состояние, усугублявшееся мыслью о необходимости краткого отдыха. Вот и вечер сдох. В конце концов сопение и храп соседей стали доноситься сквозь туман дремоты, и я не отреагировал, когда чье-то грузное тело с недовольным бормотаньем потеснило меня на листке газеты и тут же начало хлипко присвистывать, но без всякого мотива.

С восходом солнца газеты вокруг зашелестели, народ понемногу рассасывался. Я открыл глаза и увидел над собой небо, а чуть ниже - волосатую руку, безуспешно пытающуюся почесать колено владельца, а вместо этого - скребущую мои плечи и шею. Голова моя покоилась на обширном, почти трехспальном животе армянского происхождения. Значит, я все-таки нашел ночью идеальную позу, и теперь понятно, почему мне все время снилась Африка. Коммерсант, как я решил его назвать, пожевывал усики и с кем-то негромко переругивался во сне. Я встал. Он тут же проснулся и схватился за карман, успокоился и окинул меня презрительным взглядом,как неспособного даже на то, чтобы обокрасть спящего,а следовательно, ни на что не пригодного и полностью пропащего человека. Потеснив меня в сторону, он аккуратно свернул хорошо послужившую нам газетку,сунул ее в карман и направился к камере хранения. Обратно он возвращался отягощенный огромным черным чемоданом,перетянутым веревками. В башке сработала одна мыслишка, и подскочив к нему, я знаками показал, что очень люблю трудиться. Коммерсант поглядел на меня с премилой иронией, но чемодан все же дал. Я резко схватился за ручку и убедился, что мне не только не ото-

рвать его от земли, но даже не пошевелить ни в какую сторону. Моя звезда закатывалась. Проклиная в душе всех римских богов и языческих кумиров, я нечеловеческим, просто ницшеанским усилием отодрал от асфальта этого гнусного Антея и, обливаясь смертным потом, поволок его к перрону. Непохоже было, чтобы мой работодатель промышлял кирпичами, но и не золото же там было, в самом деле!.. На перроне чемодан вернулся в свое первоначальное положение. Опершись о него как о скалу, я пытался перевести дух. Перед глазами пошли сотни зеленых кругов, в каждом из которых было по армянину. К счастью, кто-то дал команду,и они стали прыгать друг в друга,как матрешки,пока наконец не установился один пузатый Армянин. Он протянул мне кусок черствого чурека и монету достоинством в пятьдесят копеек. Я вернулся на площадь к тому месту, где провел ночь. Черствый хлеб драл горло, и отчаявшись с ним справиться, я бросил его в урну. Мой широкий жест привлек внимание какого-то мужичка, по виду - двоюродного брата Бахуса, он подошел и, глядя мне в живот, начал быстро-быстро шепелявить заученно плачущим тоном. История его сводилась к тому, что он пропил чьи-то проклятущие деньги и теперь не может сесть в электричку и попасть на работу. Нужно было ему всего 50 копеек. Я без раздумий подарил ему монету означенной стоимости и, не дав для поцелуя руку, со злорадством наблюдал, как он тут же остановил первого прошедшего мужчину и, глядя ему в живот, принялся быстро-быстро проплакивать свою роль. Я решил присесть,но увидел, что в знакомом саду, из здания с вывеской "Больница" за мной наблюдают несколько пар глаз, и передумал. Я был на исходе. Хотелось есть, пить, спать и еще кое-что, но, за исключением последнего, все это для меня было недоступно. Подошла очередная электричка. Из нее повалил народ, и один белобрысый мужчина лет тридцати трех с бородкой спустился по ступенькам и направился прямо ко мне. Он красовался в мятой белой рубашке с обтрепанным воротничком и в замызганных, еще более мятых штанах. В руке он держал внушительную связку ключей, и для эффекта позванивал ею. Вид был строжайший.

- Так, - сказал он, - вы по какой оказии в городе?

Я уже ничему не удивлялся, но чувствовал себя подавленным до гипнабельности.

- Да вот, - промямлил я. И стал пересказывать свою заученную роль.

- Да! - перебил он меня. Его тоже эта история не интересовала. - Забыл представиться. Секретарь здешнего горкома партии, Георгий Фомич. Провожу по утрам ревизию. Как встречают у нас в городе приезжих? Вы что же, прямо тут, на вокзале, ночевали?

- Да вот, - промямлил я тоном Глаши-простушки, проносящей в кошелке гранаты мимо поста гитлеровцев.

- Непорядок! - возмутился секретарь горкома, громыхая ключами. - Сейчас я схожу позвоню, за вами придет машина. Мы только выясним вашу личность и тогда уж устроим как следует. Непорядок!

Он отошел на несколько шагов, но тут же вернулся.

- Вы только не уходите, - сказал он. - Ждите меня здесь. Не бойтесь, я сейчас приду и все устрою.

Он вновь собрался уходить, но напоследок обернулся и слегка пригрозил свободной от ключей рукой.

- Ждите меня на этом самом месте!..

После чего он скрылся в железнодорожном буфете. Мне в буфете делать было нечего, а на площади сильно припекало, поэтому я не спеша двинулся через город взглянуть на море. Сотни и тысячи запахов сплетались в многоцветный тяжеловесный персидский ковер, который стелился над землей, плотно пеленал голову и знойно щекотал ворсинками кожу под одеждой. Солнце пахло пóтом и еще какой-то тухлятиной. Я шел, не спрашивая дороги: тошнотворный запах нефти быстрее всех забирался через ноздри в мозг и давал соответствующие указания. Возле фруктового ряда я едва не наступил на арбуз. Над ним, как над павшим воином, роем вились мухи, но он еще держался и был почти пригоден для еды. Идя по улице, весь в неге роскошного насыщения, я ломал его прямо руками и медитативно поглощал, выплевывая только самые крупные семечки. Бля буду, если он не вызовет во мне катарсис!

Сам не заметил, как вышел на приморский бульвар,миновал пустующие до вечера аттракционы. Выбрал скамейку в тени,игнорируя прохожих, апшеронские ветры, всю мировую философию, погрузился в нирвану, как в газету, изредка поглядывая через плечо на Дом Правительства, прикрытый на летний сезон. Мне приснился Эдем. Белокурые ангелы настраивают электрокифары. Нежное пение, венки из полевых трав. Маленькая девочка в длинной розовой рубашонке, мягко ступая по облаку,подходит,чтобы подарить мне цветок. Внизу - начальствующий сброд с упрямством маньяков занимается кровосмешением. Один на время отрывается, чтобы бросить мне в лицо обидное слово - "неврастеник". Черт побери, и во сне нет покоя! Такая уж выпала мне дхарма.

Да, брат-читатель, это тебе не картинки в книжках рассматривать!..

...На горе - Киров, а ля Ким Ир Сен. Покидаю Бульвар, минуя БУМы, ЦУМы, поднимаюсь кривыми желтыми улочками. В Эдеме так хорошо, а на земле - сплошной завал. Ощущение, словно кому-то нужно, чтобы я проиграл, прекратил борьбу за себя. Зачем? Я без натуги принимаю роль Проигравшего. Какая Борьба? Моя?.. Но я добровольно дарю возможные победы нуждающимся. Это единственный, пусть гипотетический, мой Капитал.

Заасфальтированные горы утыканы маленькими серо-каменными домишками с непрозрачными окнами. Внутри никакого движения. Собака не лает, не машет хвостом, настороженно наблюдает за мной мутным одуревшим взором. Пятясь, скрывается за калиткой. У нее своя жизнь. Подъем становится все круче, а улочка - у́же. Деревянные балкончики на противоположных домах завешены непонятными кусками материи и увиты зеленью, вроде плюща, которая,сплетаясь в воздухе, смыкает обе стороны улицы. Я заворачиваю за угол,делаю несколько шагов и оказываюсь в тупичке. Передо мной обеденный стол, за ним пожилая женщина нарезает дыню и раскладывает черные баклажаны. Она взглядывает на меня с удивлением, мы оба молчим, пока наконец я не догадываюсь пробормотать какое-то извинение и повернуть обратно. За спиной слышу топот детей, сбегающих по ступенькам посмотреть на незнакомца; но он уже ушел.

Солнце раскалило сушащий кожу воздух; в тишине слышен полет мухи, оторвавшейся от стены; чувствуешь себя светло-серым и обезвоженным, как кусок известняка. Фонтанчик с питьевой водой. Пытаешься размягчить изнутри пропекшееся тело, набухаешь, но через минуту - никаких ощущений, кроме легкой усталости, и вновь бездумно-неуклюжее кирпичное настроение. Вокруг только камень, камень цвета и вкуса диетического хлеба для диабетиков... В линялое небо устремлен неутомимый фаллос минарета. Самая большая мечеть Закавказья. В углу покатого дворика четверо монголов сидели на корточках в ожидании вечернего намаза. Они поочередно затягивались ароматной папиросой и поглядывали на выцветшего от солнца и от времени старика-служителя, который прикорнул на ступеньках в позе кучера, обалдевшего от пропажи сапог. Плотный, крепколицый мужчина с моржовыми усами вежливо предложил мне затянуться. Я сделал самую глубокую тягу в своей жизни, закашлялся, и за одну секунду мечеть в моих глазах превратилась в космический корабль, уже отрывающийся от земли. Но это быстро прошло; встав, я почувствовал себя самого кораблем, в ногах бешено сокращались сотни и тысячи пружинок из необычайно легкой стали. Их заменили какие-то звонкие иголочки, и ноги, слегка опережая тулово, пошли взглянуть на мечеть изнутри. Старик перестал рассматривать босые ступни, проснулся и заковылял вслед за мною.

- Оставь его! - крикнул из-под усов щедрый на кайфы мужчина. - Он только посмотрит! Он - приезжий.

Каменный мол молельни был устлан десятками маленьких ковриков с тряпочкой перед каждым - подстилкой для лба. У стены, легонько пристанывая, отбивал поклоны белобородый старче. Впереди возвышалось нечто вроде хоругви, укутанной разноцветными тряпками, а над нею - везде изображения полумесяца, символа когда-то непобедимого мусульманского меча. Под хоругвью проползала худенькая женщина в пестром платье, за ней следовали две девочки с длинными косами, ее дочери. Я снял обувь и вошел внутрь. Завидев чужого, они перешли на женскую половину молельни и скрылись за полотняной ширмой. В дороге время заметно потеряло свою властную привлекательность, осунулось, стало чем-то походить на меня, мы почти уравнялись в правах; здесь же, видимо, была та точка, за которую оно перейти не могло. Казалось, если я не выйду наружу, то время вовсе остановится, и начало намаза канет в несбыточное.

Седобородый, весь в мистическом единении с Аллахом,никак не отреагировал на появление столь внешнего и незначительного, каковым являлась моя персона, и вновь я вышел во двор, где что-то еще могло произойти. Но ничего не происходило. Краснотелые мужчины по-прежнему передавали друг другу дымящуюся папиросу, служителю снилась пята Тамерлана, а минарет не проявлял особого желания улететь в небо и расстаться с железами земной плоти. В тени этого фаллоса веры, нацеленного в небо, дышала экстатическая отрешенность, витала похоть, обжегшая в свой век полмира. Но заимствовать чужую силу, как и есть чужим ртом - одинаково бесперспективно.Опять я о еде!.. Что-то там ел мой бедный больной дядя дня три назад? Шампиньоны в сиропе? Креветки с орехами? Простоквашу в пенициллине?.. Пустое!.. В воротах показался округ-

лый пожилой человек,несущий под мышкой большую шкатулку. Он величественно переставлял негнущиеся ноги в чудовищных черных шароварах. В этом сквозило что-то потустороннее разуму,что не взялся бы объяснить и последователь школы дзэн. Скоро здесь должна была появиться толпа молодежи, бьющей себя железом в грудь, замаливая грехи выпивок и драк. Я не чувствовал себя частью происходящего; пора было уходить.

Я бродил по старому городу до темноты. Из дворца Ширваншахов, от озаренных неясным голубым светом домов,отъезжали фаэтоны с гуляющими. Мне удалось настолько забыться, что неразрешенные вопросы еды и ночлега совсем перестали меня волновать. Одну истину Дороги я усвоил: когда тебе плохо, не думай об этом, - обязательно что-нибудь произойдет и изменит твое положение. Бойся, когда тебе хорошо!..

Неподалеку от большого здания цирка, но гораздо ниже, прилепилась гостиница под тем же названием. Привлеченный шумом,музыкой, огнями, я подошел к чайхане на открытой площадке. Мимо меня несколько молодых людей протащили упиравшегося пьянчужку.

- Молодой человек! - подозвала меня сидящая за столиком женщина бальзаковских лет.

- Сколько с меня? - спросила она, когда я приблизился.

- Для вас бесплатно, мадам! - улыбнулся я.

- Ну-ну! - улыбнулась она в свою очередь и встала. - Не шутите!..

Я обнаружил в руке пятирублевую бумажку, чуть закосел, но мгновенно оправился и, насвистывая под нос национальный мотивчик, смело прошел мимо швейцара и стал подниматься по лестнице. Заведующая, рано поседевшая гретхен с выражением усталой агонии на лице, крикнула из-за двери:

- Опять?.. Оставьте меня в покое, сволочи!

С присущим мне дендизмом я сделал вид, что не заметил бестактности.

- Нельзя ли у вас здесь остановиться на пару дней?

- Приезжий? - спросила заведующая, недоверчиво, но уже более спокойным тоном, и взяла бланк. - А где же ваш багаж?

- В камере хранения. Я здесь проездом. Вот мой паспорт.

Меня приятно удивило, что мой потертый вид не вызвал у нее лишней тревоги, и чтобы заполнить паузу, спросил как можно непринужденнее:

- У вас тут цирковые артисты останавливаются?

Заведующая перестала писать и, проглотив комок, сказала еле слышно, но все же внятно:

- Да... да... артисты!..

Я дал ей четыре рубля за день вперед, но половину денег она мне вернула.

- Хватит пока двух, - сказала она, - на случай, если раньше уедете.

Вечер набирал силу. Я спустился в чайхану и стал подумывать о каком-нибудь сверхлегком ужине.

- Эй, хиппдон! - окликнул меня мужчина, похожий на вышедшего в тираж корсара, голос и фигура которого еще напоминали о блеске былого могущества. - Подсаживайся!.. Что будешь пить?

- Я давно мечтал попробовать знаменитого бакинского чаю, - вежливенько сказал я.

- О! - корсар раздвинул щеки, показывая крепость зубов и веселость нрава, а затем, положив ладонь на пустующий столик, забарабанил пальцами по свободной его половине. - Чаю моему молодому другу!..

На рев отозвался до безобразия хорошенький мальчик с серебряным подносом и улыбкой пажа, хлебнувшего интриг. Он неуловимым движением поставил на стол пузатый стаканчик и сахарницу, а затем с чарующим видом стал лить чай мне на колени.

- Я же сказал - другу! - внятно повторил корсар.

Топазовая струя изменила направление, и я, стыдливо дуя, стал пить обжигающий разум напиток.

- Сахар - вприкуску! - молвил мой новоиспеченный гуру и щелкнул пальцами в сторону засыпающего оркестра. Грянула музыка,после чего гуру поинтересовался, где мои родовые имения.

- Я из Ленинграда, - почему-то соврал я,хотя видел его только на географической карте.

- О! Я знаю Питер. Я провел там два года. Белые ночи!..- Он зажмурился. - Наше окно выходило на улицу... не помню названия. Там чудесно.

К нашему столику стали придвигаться молодые люди с пронизывающе веселыми взглядами.

- А что,в белые ночи светло как днем? - спросил один из них.

- Конечно, - сказал я, понемногу осваиваясь, - солнце-то не заходит!

Гул восторга прервали новые вопросы, на которые я отвечал смело и без запинки. Из-за соседнего столика поднялась какая-то пара, вполголоса возмущавшаяся чем-то, связанным с финансами.

- Этих сюда больше не сажай, - обратился корсар к официанту и огляделся, словно в поисках воспоминаний. Неизвестно откуда вдруг вырос сутулый старичок в черной рубашке и с ослепительно голым черепом.

- Салям, дорогой! - воскликнул корсар. - Ну-ка,ребята, что-нибудь старое-доброе!..

Оркестр заиграл старое-доброе, и корсар помолодел,он изящно взмахивал дланями, поворачиваясь к старику то одним могучим боком, то другим. Тот, разучившись, видно, кружиться, задорно мычал и оглушительно бил ногой в палубу.

- Ну, как тебе показался этот человек? - с томной южной ехидцей спросил меня один из мальчиков, кивая на корсара. - Солидный такой мужчина... Умный, образованный, да?.. Он у нас здесь за профессора.

- Почтенный человек, - осторожно вставил я, - представительный.

- Он вор в законе, - сказал парень. - Тридцать лет отсидел в общей сложности по разным городам. А этот старик, его приятель, глухонемой - двадцать лет просидел...

- А ты помнишь, - послышался голос главного на этой странице героя, - как мы с тобой пошли на танцы к горцам?! Когда я отбил у горца его девушку, все они схватились за кинжалы. Ну, мы им устроили тогда хо́хму с ха́хмою! Это было красиво!..

Он вновь оказался во власти воспоминаний, пел и хлопал всех по плечу. Ко мне подсел проворный на руку паж и со сладкой улыбкой осведомился, сколько я ему заплачу.

- Ну, не знаю. - Я сник как проколотый шарик. - Сколько это стоит?

- А ты угадай, - не снимая улыбки, отвечал паж.

- Ну, я не знаю, вы скажите...

- Нет-нет, ты отгадай!..

Все смотрели на нас с интересом. Даже оркестр перестал играть, ожидая, чем это кончится. На столик легла тень моего покровителя. Он потрепал меня по плечу, будто погладил абордажной саблей.

- Можешь не платить. Откуда у хиплдона деньги?..

Как я упиваюсь своим повествованием! Да и вы не даром тратите время, восхищаясь моим изящным слогом и тонким остроумием. А как я упивался тогда своей ловкостью... Ловкостью факира,глотающего пинки судьбы. Перед сном я блаженствовал, скребя свое давно не мытое тело в душевой, радуясь наличию хотя бы холодной воды. Заезжий грузин в умопомрачительных трусах отрешенно фыркал неподалеку и отрыгивал водяные струйки. О, сладость белых простыней, что навевают сны о знойных персиянках,увешанных персями, перстнями и прочей полезной утварью!.. Чьи это руки так нежно шарят по моему телу? Где ты, любимая? Здесь верные арапы, стерегущие наш сон...

- Эй, послушайте! В чем дело?..

- Тихо, ты! - произнес один из арапов. - Быстро сматывайся. Сейчас здесь будет милиция!

Последнее слово вызвало настолько яркие воспоминания, что вмиг я окончательно пробудился. Арапы нервничали.

- Да живее, тебе говорят!

И, прихватив по ошибке зеркало и бронзовую пепельницу со столика, они растворились в темноте коридора... Я оделся и ринулся было за ними, но услышав шум и разговор на лестнице, юркнул в номер напротив, где сном праведника спал какой-то гюрзо́, а затем, бесшумно отворив окно, выпрыгнул на молодые пальмы. Я не стал бы рассказывать вам эту банальную историю из "Тысячи и одной ночи", если бы она не привела меня к довольно любопытной встрече, в результате которой я сделал головокружительную карьеру и вообще на короткое время превратился в важную персону.

Но, не ведая близкого счастья, я шел, прихрамывая, по ночному городу и проверял карманы куртки, каковую машинально снял с вешалки перед тем как выпрыгнуть в окно. Куртка оказалась драгоценной кубышкой с двадцатью пятью рублями. Я решил провести остаток ночи на бульваре, созерцая звезды, и вновь двинул к морю. Но не успел я присесть на скамейку, как чья-то рука (сколько можно!?) повернула меня за плечо. Два бакинских мента стояли передо мной и смотрели на меня с укоризною.

- Ну, что тебе, дорогой, не спится? Зачем гуляешь по ночам? Был бы хоть с девушкой, мы бы тебя не задержали. А так - плати 30 рублей.

- Я с девушкой! - возмутился я. - Она отошла на минутку помочиться. Я вам не какой-нибудь бродяга!..

- Плати, плати, дорогой!

- У меня только 28, - жалобно сказал я.

- Ну, ладно, беги домой, пока другому патрулю не попался, - сказали они, приступая к дележу...

Взошло солнце и уселось на кончике дамбы. Я вынул из урны еще чистую газетенку и, прикрывшись ею, спокойно проспал на скамейке до полудня. В полдень жара уже не давала спать, и я опять пошел в город в надежде чем-нибудь поживиться. Видимо,за последние дни я изрядно поистаскался, большинство смугляков смотрело на меня с презрением людей, имеющих по меньшей мере сотенную за пазухой.

- Пожрать не угостите? - с наглостью отчаяния обратился я к седоусому благообразному мужчине, вышедшему из ресторана. Он внимательно посмотрел на меня и, казалось, о чем-то задумался.

- Ты откуда, парень? - спросил он. Я не стал выкладывать всей биографии, сказал только, что я нездешний,и намекнул о нравах местной полиции.

- Сколько тебе лет?

Меня это стало раздражать, но я ответил.

- Ну, что ж. - Он улыбнулся, как мне показалось, пищеварительным трактом. - Пожалуй, я тебя угощу.

Мы вошли в ресторан. За обедом (суп, чахохбили, салат, обязательные баклажаны, чебуреки и пиво) незнакомец сделал мне предложение. Нет,он предложил мне отнюдь не дружбу и гениталии,как, наверно, предвкушали некоторые из моих читателей. Речь шла всего-навсего о частном похоронном бюро, которому требовались ловкие ребята, умеющие держать язык за зубами. Я был подходящей кандидатурой, так как не имел здесь знакомых и питал нераздельную склонность к горячей пище. Попыхивая арабскими сигаретками, мы заключили негласный контракт, которым я переводился на жалованье, получал одежду и комиссионные за каждого лишнего покойника, по червонцу с носа. Такие дела! - как говаривал один мой знакомый.

Через несколько дней с поезда "Баку-Грозный" сошел респектабельный молодой человек в строгом черном костюме, с изящными манерами и с флягой коньяку во внутреннем кармане. Разумеется, это был я. В Грозном дела шли великолепно, здесь имелась масса желающих умереть и быть погребенными по мусульманскому обряду, но не было ни одной уцелевшей мечети. Основную задачу составляла перевозка тела. В такую жару всякий предпочел бы иметь дело с любым другим скоропортящимся продуктом. Но я нес обязанности перед родственниками и должен быть терпеть, даже если бы потом меня положили с ним рядом. В морге нас встретила здоровенная русская баба в сальном переднике из светлой кожи. Я вынул хрустящую бумажку, и та затерялась в обширном бюсте. Родственники опознали покойного, и баба выкатила его на тележке в коридор.

- Гробец с вами?

Отказавшись от помощи, она сгребла усопшего мощной пятерней и одним движением вложила его, словно меч в ножны, в последнее прибежище.

- Что за покойник нынче пошел, - вздохнув,обратилась она ко мне, - кожа да кости! взять не за что. Разве это мужик? Вот мой

был мужик - бык, а не человек, и сейчас бы жил,кабы его поездом не задавило.

- Да, - вздохнул я ей в тон и несколько рассеянно добавил, - нет уж теперь того боевого духа.

- Что это, парень, от тебя табачищем несет!?.. - поморщилась она. - Так долго не протянешь, любезный.

И любовно похлопала меня пятерней по спине...

Мы погрузили гроб в автофургон, расселись, и шофер вывел машину на шоссе, все больше увеличивая скорость. По всем правилам ехать надо было ночью, но сородичам выкраденного трупа не терпелось. Пользуясь тем, что на меня мало обращают внимания,я все чаще прикладывался к фляжке, тем самым надеясь забыть о запахе. Жара стояла сильная, внутри было душно, и лед, которым мы обложили покойника, начал понемножку таять. Будто случайно я выглянул в окно, желая как следует насосаться ветром,но покашливанье брата покойного вернуло меня в исходное положение. Мне платили и за сервис тоже. Час шел за часом, положение становилось невыносимым. Я опустошил свою флягу, и меня мутило. Тошнота подкатывала к горлу, а смрад заволакивал мозг. Жена, сестры и брат усопшего,казалось, не чувствовали ничего, кроме скорби. Я пытался отвлечься, вспоминая наиболее приятные дни из моей жизни,но, видимо, памяти останбвиться было не на чем, так что и это не помогало. Покойник потихохоньку раздувался, а прикрыть его было неэтично. К тому времени, когда я впал в полубессознательное состояние, лед уже окончательно растаял, тело буквально плавало в воде, и при каждом толчке брызги попадали нам в лицо и на одежду. Вскоре в воде стали появляться странные выделения, которые потом засыхали у меня на коленях. Фургон пошел по неровной дороге, и в тряске я вновь получил порцию этого напитка.

- Остановите машину! - закричал я, давясь от рвоты.

- Что?! - заревел покойник и выплеснулся из гроба,упав прямо на меня...

...Очнулся я в доме босса с холодным компрессом на лбу. У постели стоял столик с лекарствами. На спинке стула висели джинсы и джемпер. С Баки я покончил. Мы дали друг другу все,что могли. Расчетных денег должно было хватить надолго,я купил билет в мягкий купейный вагон на самый дальний конец - им оказался Ленинград - я нуждался во времени для отдыха. Лабардан... Лабардан!..

Проспав в дороге до Ростова-на-Дону,вышел на остановке,чтобы купить сигарет. Смотрю, у киоска на ветру стоит этакая Наташа Ростова перед эвакуацией в Сталинград. Ба, да это же моя мамаша...

- Матушка! Какими судьбами?

Мы облобызались.

- Ты? - Здесь она назвала меня по имени. - Откуда?.. Как ты загорел!..

- Да вот... - воскликнул я, но тут чья-то рука так дернула меня за плечо, что я отлетел и расстроил очередь у киоска.

- Куда лезешь, фуцин несчастный!..

- Простите, - возмутился я, спасаясь от пинков и толчков недовольных, - это моя мать.

Передо мной стоял обросший мускулами как щетиной суровый молодец в рабочем комбинезоне и со шрамом от уха до уха.

Мамаша, недолго думая, схватила его под руку и сказала:

- Знакомьтесь. Это мой сын, а это - мой будущий супруг.

Без пяти минут Безухов изобразил на морде виноватое смущение и добавил:

- Сережа меня зовут. Сергей, стало быть.

Проводница уже скликала пассажиров.

- Ну, ладно, ма. - Поезд отходил. - Я собственно...

Скажет ли она хоть "береги себя"?

- Береги себя, - произнесла мать, - мы тут...

Но время иссякло, Сережа вытащил из кармана помятый кулек с котлетами, а я кинулся к вагону, или, как писалось у старых добрых романтиков, - в Неизвестное.

Действительно, уж я никак не мог предположить, что мое место в купе займет большеглазый большеротый молодой парень в потертых замшевых брюках и тельняшке.

- Я не принадлежу к военно-морскому флоту, - сразу сказал он, - но вы присаживайтесь. Надеюсь, вы не из секты буддистских отшельников, а то бы мы славно проболтали всю дорогу?

Моего нового знакомого звали, скажем, Денисом. Он приехал в Ростов морским путем из Одессы, и теперь пробирался туда же,куда и я, отдав проводнице последние наличные деньги.

- То ли я заворожил ее цветом своих глаз, - пояснил он, - то ли ей понравилась моя улыбка, а скорей всего, у нее жених - моряк, выговор у нее одесский.

- В Одессе, - продолжил Денис, не дав мне вставить ни слова, - я, в общем-то, оказался случайно. Я не из тех, кто путешествует по протекции и ездит по заранее намеченным местам, но я и не бродяга - у нас их не бывает, - а так, турист без определенных занятий. Я успел немного поплавать на морской барже,да напоследок меня избили джентльменки удачи, решив,что я слоняюсь по берегу с целью отбить их добычу. Кроме царапин, я обзавелся тельняшкой и теперь пытаюсь избавиться от местного говорка, который прилипчив, как дурная болезнь. Помните, у Овидия: "С матросом Гарри без слов танцует танго цветов"?.. Да вы ведь не знаете, что меня туда занесло! Если моей истории не хватит до Ленинграда, беру на себя соцобязательство рассказать что-нибудь еще. Итак, слушайте же мою Дениссею!..

"ДЕНИССЕЯ"

(ИЗ ЦИКЛА "ХОЖДЕНИЕ ПО ЛЮДЯМ")

Я единственный отпрыск директора мясокомбината и рано умершей заведующей винотделом. День работников пищевой промышленности - мой самый любимый праздник. Отец после работы сосредотачивал на сыне всю оставшуюся любовь. Души в нем не чая,он откармливал меня как на убой. Но редкие сорта колбас не пошли мне впрок: я учился из рук вон плохо и проваливал экзамены один за другим. Я не хотел быть никем, кроме как самим собой, и никакая диета не могла сдвинуть меня с моего намерения. В конце концов

батюшка, видя, что я только впустую трачу калории,предъявил мне ультиматум: или я немедленно берусь за ум, или нахожу себе другую семью. И я немедленно выбрал второе. Но найти другую семью сознательному аутсайдеру не так-то просто. К работе я чувствовал вполне понятное физическое отвращение, а какую-то должность в борьбе с голодом необходимо было выбрать. Я выбрал должность альфонса, не самую прекрасную, но и далеко не самую плохую из известных здесь должностей. Надо сказать, что по неясным мне до сих пор причинам я с малых лет пользовался успехом у женщин, в особенности у женщин, ищущих экстравагантных любовников,которые к тому же бы еще от них зависели. Первой пробой пера была жена капитана дальнего плавания, жившая в роскошной пятикомнатной квартире на набережной Фонтанки. Это была неповоротливая на первый взгляд дама средних лет. Она, как на грех, обожала всякие подвижные любовные игры, в каких ее муж (судя по фотографиям,солидный, несколько тучный человек) не мог ей составить компанию. На ночь она обычно выпивала стакан коньяку с несколькими каплями йода, и тогда наступала моя рабочая смена, иногда со сверхурочными. У нее была кипа цветных порнографических журнальчиков из Швеции, и она часами отрабатывала на мне тысячу разных позиций, от чего у меня вскоре началась нервная дрожь, и я получил растяжение доброй половины всех мускулов. Я с благодарностью вспоминал свое сытое здоровое детство, лишь оно одно и выручало. Эта стерва держала меня в черном теле, каждое утро взвешивала на весах, измеряла давление и кормила по строгому рациону, не дай Бог потеряю форму!

Единственным моим товарищем в ту пору был хозяйский пес,сенбернар, по кличке Консул. Мы так привязались друг к другу, что когда я чувствовал себя нездоровым, он начинал выть и ласкался ко мне больше обыкновенного. Где-то через полгода я начал сдавать. Капитанша вмиг это почувствовала,но я не стал дожидаться, когда меня уволят, и в один прекрасный день съехал с квартиры, прихватив с собой ее расчудесного пса. Теперь нас было двое, и найти пристанище оказалось трудно вдвойне, но все-таки возможно. Мы свели знакомство с богемой и, что называется, пошли по рукам. В течение нескольких месяцев нам давали приют художницы, не чуждые животной любви. Консул не жаловался, я тоже, так как благодаря этому впервые получил доступ к книгам, альбомам репродукций и т. д. "Искусство и секс, - вздыхала кто-нибудь из них, залезая к нам под одеяло, - единственная реальность в этом мире!" К середине ночи художница соскакивала с трехспальной родительской кровати и начинала бешено нас рисовать. "В ваших глазах, - говорила она, - светится какая-то нечеловеческая грусть. Ради Бога, не меняйте позы!" Со временем грусть наша росла. Не говорю о себе, но сенбернар, пресыщенный таким образом жизни, стал худеть и таять на глазах. После прогулки он с большой неохотой возвращался в квартиру, затосковал, выл по ночам, я уже начал бояться за его рассудок. Одна из художниц,не помню ее имени, используя связи своего отца, посещала с Консулом известных психиатров. Но светила науки только пожимали плечами.

- Ничего страшного. Видимо, некоторое нервное истощение. Может быть,климат... Давайте побольше витаминов,свозите песика на дачу...

Короче,заработал мой зверь неврастению. В довершение всего, им овладела гетерофобия, и теперь при виде женщины он судорожно опорожнял мочевой пузырь. Это лишило нас некоторой сексопильности и осложнило отношения с миром искусства. В то же время я получил два известия. Первое говорило, что мой батюшка вновь связал себя узами Гименея и прощает мою юношескую дурь, приглашая вернуться домой, а второе предлагало явиться на медосмотр для прохождения воинской повинности. Начну со второго. Несколько беспорядочная жизнь одарила меня язвой желудка и воспрепятствовала духовному соитию с непобедимой армадой. Что касается возвращения домой, то оно прошло по всем правилам: был заколот телец, сын плакал, а Консул обгладывал кости. Несколько слов о моей новой матери: полностью фригидная особа, пуританка по воззрениям, длинная и тощая, с очками на прыщавом пятнистом носу. Нечего и говорить,что бывшая вдова Дуглас взялась за мое воспитание не на шутку. Правда, она не читала мне нотаций, но следила за каждым моим шагом, оберегала мою невинность и делала все, чтобы испортить мне существование. Консул невзлюбил ее с первой же встречи, гадил, где только мог, а однажды бросился на нее и чуть не изодрал всю субстанцию. Она, конечно, кинулась заявлять, что он пытался ее изнасиловать, и отец пообещал отравить его, накормив отходами со своего производства. Но это было излишне: пес не выдержал вздорности обвинений и скончался сам, от удара. Я тяжело перенес смерть моего единственного настоящего друга. У меня было два выхода: покончить с собой, как это сделал (хоть и неудачно) один мой знакомый, или начать рисовать тружеников полей и писать романы о рабочих династиях. Хитроумный Денис опять решил сыграть шутку над Парками и снова дал деру. На этот раз мне предоставил приют некий престарелый философ, растерявший своих учеников. "Ты ищешь гармонии с миром? - сказал он. - Похвально,но бесполезно. Ты хочешь найти на все ответ в философии, но фактически все взгляды ошибочны, а философия существует для себя самой. Остановившись на какой-либо идее, пусть самой прекрасной, ты перестаешь быть полноценным человеком, ибо истинный человек многогранен. Философ отличается от простого смертного тем, что отстаивает не чужие заблуждения, а свои собственные. Ему недоступно величайшее счастье быть Никем, этот единственный путь к Богу. Будь Никем, мой милый, и все преграды тотчас рухнут пред тобой!.."

К самому философу эти слова, видимо, не относились: кое-кем я его назвал бы, но не буду затягивать свою повесть,скажу только, что я, недолго пробыв в секретарях, вновь смотался,избавившись от незаслуженных ласк и советов. Может быть, философ был и прав, но я постоянно кем-нибудь себя ощущаю: героем, дерьмом, а чаще всего - посторонним, проходящим мимо. Миллионы раз я проходил мимо людей, каждый из которых вправе считать себя личностью, и в самом деле, так ли уж важно, кто из них я?.. Положительно, я впадаю в тон квакерши, не принимайте всерьез; ведь не каждый же день чувствуешь себя Маркосом де Обрегоном. На асмодеевские лавры я не претендую, но кое-что еще расскажу. Город берцовой костью забрался мне в глотку, и в поисках доброго аиста я отправился ревизовать необъятные просторы призрачного Юга.

Автостопом я добрался до Бологого, а там дождался поезда Мурманск-Москва, и когда проводники вылезли из вагонов,я помог какой-то древней старушке втащить чемоданы, а затем быстро перебрался из одного вагона в другой и примостился на багажной полке, приняв вид человека, уснувшего несколько часов назад. В Москве я долго не задерживался, проехал зайцем несколько остановок на электричке до станции Москва-товарная и ночью влез на отходящий порожняком грузовой поезд. Там меня ожидала встреча с обросшим типом в задрипанных самодельных брюках и сальном бумазейном свитерке на голое тело. Была весна и довольно холодно. После короткого знакомства я узнал, что моего спутника недавно выпустили из лагеря, и он от нечего делать гоняет теперь по стране на товарняках. Перед сном он предложил мне понюхать из баночки, которую все время держал в руках, так как не имел ни единого кармана и невозможно было представить, что где-то у него запрятаны документы.

- Что это? - спросил я.

- Ка́лики.

Из баночки несло сладковатым запахом, от которого кружилась голова. Не люблю, когда голова скатывается с плеч, даже в воображении. Я лег на грязный пол, закутавшись в меховую куртку, и увидел, как мой новый приятель срывает со стенок остатки толя и дешевой бумаги, напяливает их на себя и катается по полу, пытаясь завернуться как следует. К сильной тряске, в общем-то,привыкаешь быстро,можно заснуть и под барабанную дробь,хотя иногда кажется,что ты и есть тот самый барабан. Под утро я очнулся от холода; колотун завладел не только мной, неподалеку в темноте я слышал отчетливый лязг зубов в ритме самбы. Обладатель столь великолепной челюсти наконец не выдержал и предложил нам обоим завернуться в мою куртку и греть друг друга телами. Иного выхода не оставалось. Мы с "Квикегом" тесно обнялись,как единоутробные младенцы, и в таком виде продолжали наше совместное путешествие в чреве родной страны. В каком-то мелком городишке поезд остановился для загрузки. Мы слезли, добрели до пассажирской станции и зашли в зал ожидания погреться да обдумать, как быть дальше. Мой спутник оставил меня на скамейке и поканал, как он выразился, стрельнуть курева, чтоб голод отбить. У меня с собой была некоторая сумма, до поры до времени не хотелось ее тратить, но увы, не прошло и двух минут, как пришлось это сделать. В зальчик вошли двое легавых, ведя рядом моего товарища. Холодок пробежал у меня по спине, а все остальное вспотело. Я обнаружил, что незадачливый "Квикег" оставил со мной на скамье своего божка, склянку с "каликами", и стал потихоньку отодвигаться от нее на самый край. Ко мне подплыл один из мильтонов, я достал мою ксиву, незаметно вложив туда червонец из своих запасов,и поднялся, стараясь загородить собою банку с куском кайфа. Бывший зек сунул руку за пазуху, словно хотел почесать грудь, вынул, Бог знает откуда, какую-то справку и начал размахивать ею,как белым флагом. Формальности быстро были улажены, и мы, наконец, вновь оказались на свободе. Организму требовалось отдохнуть от потрясений, я завернул в буфет и заказал всякой всячины, после чего мой спутник стал рассыпаться в благодарностях, смотрел на меня

с уважением, граничащим с восторгом, но я больше уже не имел желания продолжать путь в его обществе, и мы расстались. В дальнейшем я перебрался на Украину, где подрабатывал в частных садах и ухитрился устроить в нескольких сельских клубах вечера поэзии, на которых читал стихи, вызубренные еще в бытность мою сожителем богемных девочек. Потом дела пошли хуже, я пристал к небольшой цыганской банде, выучился мене лошадей,но будучи как-то серьезно избит, по выздоровлении нанялся на сбор винограда в Молдавии. Затем путь мой лежал в Одессу, откуда я после известных приключений выехал верхом на грузовом катере и теперь, набравшись жизненного материала, возвращаюсь в отчие края."

Так, за невинной болтовней, мы коротали время и мчали к месту своего назначения, минуя однообразные пейзажи полей, лесов, обшарпанных от времени станций и т. д. Каково же было мое удивление, когда, прибыв в Петербург, мы сразу окунулись в нескончаемую толпу по большей части хорошо одетых людей.

- Мне понятно ваше уолденовское смущение, - произнес Денис, - лишь покинув сие, я понял, что фактически вся жизнь страны заключается в нескольких больших городах, а за их чертой кончается своеобразный "Диснейленд" и начинается пустыня,населенная туземцами и все еще ждущая своего исследователя. Хотя,впрочем,это не ответ на вопрос: счастливее ли абориген современного Поприщина?..

Солнечным осенним вечером мы сидели подле "Александрийского столпа" и делились сухим батоном с изголодавшимися не менее нас голубями.

- Да, товарищ, - воскликнул Денис, - судьба разбила наш бронепоезд, и дальше мы поедем на телеге.

- Пить хочется, - сказал я, ковыряя в зубах.

- Нева рядом, - ответил он, задумчивый, как кобзарь.

- Мне всю не выпить.

- Бросьте ваши асессорские штучки, идемте лучше промыслим, где дать храпу, пока нас не накрыло Третье отделение.

Подойдя к углу Литейного и Невского, Денис толкнул меня в бок.

- Вот он, Храм психоделизма, святилище культуры и ее погост!

На вид все казалось скромнее: обычный кафетерий, у дверей стоял низенький горбун лет сорока и продавал открытки. Внутри была уйма народу, в основном не превышавшая тридцатилетний рубеж.

- Здесь ничто не изменилось, - сказал мой приятель, - да и что могло измениться? Вон там стоит знаменитый стихоплет Андрей Шизоний, с ним рядом, как всегда, известная меценатка Ева Шлюгер. За соседним столиком пан Сексолог беседует с двумя информаторами. Что-то не видно пророка Семенова, не заболел ли?..

- А это кто? - указал я на высокого мужчину с угристой физиономией, со стекающими по ней волосами горохового цвета. Ярко-рыжие усы, переходившие в жидкую бородку, важно шевелились. Одет он был в черную жилетку, из часового кармана которой свешивалась золотая цепочка, и в голубые рейтузы. Сей господин прохаживался в зале, держа в руке стек, и нервно постукивал им по

лакированным сапогам. На накрахмаленном воротничке рубашки виднелся значок с фразой по-английски: "Поддерживайте своего местного поэта!"

- Перед вами Евгений Перл, - ответил Денис, - поэт, драматург, человек, ученый и, ко всему, полиглот. Похоже, мы пришли вовремя. Обычно по этим числам он встречается с неофициальным отцом русского искусства Козьмой Константинопольским для своеобразной дуэли...

Звук фанфар не дал ему договорить - сам Козьма Константинопольский, верхом на слоне, въезжал в кафетерий. Слон был грузный, грозный и грязный, великий поэт отличался от него львиной гривой волос, патриаршей бородою и еще более пронзительным взглядом. Любители поэзии в экстазе кидались ему под ноги, и он чинно топтал их копытами. Держась впереди процессии,несколько юных художников зарисовывали на бегу каждое движение мысли на челе своего кумира. Один из них неосмотрительно столкнулся со мной, и карандашная линия, перечеркнув пах, помчалась вверх и застряла в бездонной ноздре. Поклонники сняли патриарха с седла и поднесли к сияющему Перлу.

- Итак, реванш! - воскликнул Константинопольский с видом голодного Юпитера, от чего усы Перла сладострастно зашевелились. Секунданты расчистили место, поставили на столик перед дуэлянтами по чашке кофе и отпрянули.

- Я думаю, - медленным жующим тоном сказал Перл, - что для разминки нам хватит шестнадцати эклеров?!..

Козьма в ответ лишь нетерпеливо болтнул ногами по воздуху. Сражающиеся со вкусом принялись за дело. Первые пять эклеров патриарх проглотил единым духом, а в остальные жадно вгрызался сивушного оттенка зубами. Перл, наоборот, ел не торопясь, смакуя каждый кусочек, пока секунданты громко отсчитывали съеденное. Разминка подошла к концу, Константинопольский победно завыл, а Перл только расстегнул ворот рубашки. К столику подали два полных подноса, и битва началась. Перевес был то на одной, то на другой стороне. Козьма мгновенно расправился с двумя десятками эклеров, но дальше ел тяжело, отрыгивал комочки крема, которые с лету ловили державшие его на руках поклонники. Светящийся Евгений ел с размеренностью часового механизма, видимо, в его более чем сухощавой фигуре находились какие-то иные пустующие полости, помимо желудка. Накал страстей, царивший на трибунах,трудно было описать: болельщики воодушевляли своих любимцев, дружно скандируя "хэй-я! хэй-я!", а потом запели берущий за душу гимн. Кто-то из посторонних выкрикнул "Шайбу!", но его быстро вывели вон. Свой тридцать шестой эклер Козьма хотел незаметно спрятать в бороде, но секунданты его пристыдили. Пятьдесят первый эклер стал поворотным для патриарха, глаза его налились кровью,он задыхался и поминутно расчесывал лесистую грудь. Победа Перла не вызывала сомнений, но семьдесят девятый эклер оказался в кафетерии последним. Константинопольский судорожным движением стряхнул крем с бороды и радостно прохрипел: "Ничья!.." Перл отмахнулся от крема стеком и утер рот кончиком салфетки.

- Жаль. Я только вошел во вкус.

Пока поклонники грузили патриарха на слона, Евгений заказал (уже лично для себя) еще чашечку кофе и пару пирожных. Вновь затрубили фанфары, и слон покинул заведение.

- Сегодня, - шепнул Денис, - здесь уже не будет ничего интересного. Но я, кажется, вижу человека, который предоставит нам ночлег.

Филантроп, наружность которого я не запомнил, предложил нам явиться к нему на квартиру через пару часов. Мы толково провели это время, играя в "классы" неподалеку от Инженерного замка. Стало смеркаться, и мы отправились на явку. Дверь открыл хозяин в накинутом халате и предложил нам раздеться.

- Да совсем, совсем! - сказал он, видя, что я его не понимаю.

- Но я не ношу с собой оружия!

- Нас не собираются обыскивать, - сказал Ден и добавил что-то насчет чужого монастыря. Я повиновался, и мы вошли в комнату. Там при свете свечей за столом сидело несколько обнаженных юношей и девушек, они невозмутимо потягивали коктейли и сухое вино. Слышалась камерная музыка, и чуть звенели оконные стекла при порывах ветра. Несколько, как бы это сказать, смущенный, я стал оглядывать комнату: на стенах висели картины и рисованные "самопальные" ковры, в углу стоял "стейнвей", а на нем фотография старика в рамке, по-видимому, бывшего обладателя сиих апартаментов. Глаза его смотрели с некоторым растерянным удивлением,правда не на нудистов, а на шикарную тахту с валяющейся на ней семистрункой.

- Что будете пить? - спросил меня молодой человек аристократической внешности с холеными длинными пальцами, напоминающими пучки белых копошащихся червей.

- Водки, если можно.

- Выпейте вот это, - томно сказала белокурая девица с ровным загаром по всему телу, подвигая ко мне свой коктейль. Я не заставил себя просить дважды, выкинул соломинку и осушил бокал за ее здоровье. Хозяин вежливо кашлянул и сказал, что пойдет собьет еще несколько коктейлей.

- Вы любите Веберна? - завязала разговор худощавая,но с пышным бюстом девушка в очках. - Если желаете, я поставлю вам Пахельбеля.

- С детства, - сказал я, оборачиваясь за помощью к Денису, который, как ни в чем не бывало, полистывал книжку в глянцевой обложке, - этот, как вы его назвали, Пахельбель всегда приводит меня в безумный восторг.

- Пластинок Веберна еще недавно не было в нашей стране, - сказала очкастая тоном, не вызывающим возражений, словно она стояла где-нибудь в Эрмитаже перед группой невежественных школьников.

- Видите ли, - сказал я, наливая себе сухого вина, - я жил в таких местах, где можно было достать все, что угодно. Мой папаша привозил с контрабандой кое-что и почище.

Очкастая поперхнулась, но не собиралась прекращать светской беседы.

- Вы читали Малларме? Помните,в "Полуденном отдыхе фавна"...

- Забыл, - признался я. - Когда-то я, конечно, знал его наизусть, но как-то, упав с товарняка...

- Я сразу заметил, что вы откуда-то упали, - решил подвести черту стройный эстет, пытавшийся походить на молодого Байрона.

- Не нужно много острить, - огрызнулся я, - а то не заметите, как упадете сами.

- О, Боже! - вздохнула блондинка и отодвинулась, думая, что сейчас начнется драка.

- Не будем ссориться, - сказал я мирно, берясь за принесенный коктейль, - фавн того не стоит.

Вино ударило в голову, я сел поближе к очкастой и вдруг почувствовал, что естество мое выходит из повиновения. Наступило гробовое молчание, все смотрели на меня с ужасом, как на дикого зверя, только Денис продолжал с шелестом перелистывать страницы.

- Вот черт! - с деланной улыбкой воскликнул я. - Завтра же начну курс умерщвления плоти.

Никто не ответил. Чтобы разрядить гнетущую атмосферу, блондинка взяла с тахты гитару и стала напевать романс про белоснежные поля и нежную девушку, умирающую от неразделенной любви. Начинающий Байрон аккомпанировал ей на "стейнвее". На меня старались не обращать внимания. Я залпом опрокинул еще один коктейль, чтобы успокоиться.

- Нет ли в этом доме чего-нибудь покрепче? - толкнул я Дениса. - Только и остается, что напиться.

Он отложил книгу.

- Сейчас поищу.

И скрылся на кухне.

Я приблизился к парню, сидящему за "стейнвеем",и посмотрел, как он берет аккорды. От его игры неудержимо хотелось спать. Вошел Денис с бутылкой в руке.

- Что у тебя? - спросил я. Он шепнул:

- Морилка на спирту.

- Вот это дело!

Я разлил горючее по стаканам, добавил сухого вина и подошел с ними к пианисту. Романс наконец закончился, и я предложил ему выпить на брудершафт. Он со злостью взглянул на меня, но отказаться побоялся.

- Чем это пахнет? - спросил он и сделал внушительный глоток.

- Пряностями, - сказал я, но он не услышал, глаза у него сошли с орбит, он хотел зареветь, пискнул, и его уложили на диван. Тут-то и пошло веселье. Я сел на вертящийся табурет и выдал такой бешеный ритм'н блюз, что фужеры со стола попадали, а фотка старика запрыгала, словно ей сзади шмелюга в загривок впился. Денис забыл о книжечках и начал отплясывать дельный джиттербэг. Он кувыркался на пушистом ковре и ухитрялся при этом напевать что-то из папаши Чарлза. Девицы пооткрывали было рты, но Ден плеснул туда чуток морилки, и вскоре они уже вместе отстукивали какую-то дикую чечетку, только части сверкали. Аристократик, видя такое дело, обиделся, забрал свои шмотки и ушел,а хозяин, чувствуя, что глупо нам мешать, заперся в ванной и напился. Чего он наглотался, я не знаю, но наутро там один потолок остался чистым. Короче, все стало на свои места, девчонки даже

испытали к нам некоторую симпатию,но быстро вырубились. Мы сложили их на диван, прикрыли гитарой, а сами отправились на кухню, где трепались до утра, кончая морилку.

Я, наверно, устроен не так, как другие: с перепою мне не спится. Утром я пошарил в холодильнике и нашел там буженину,шоколад и селедочный паштет. Буженина для меня была слишком жирной, а остальное я умял в секунду и отправился в "Цыпочку" поерзать по увядавшей травке. Воздух там был ничего, почище, чем в автобусе, где я совсем запотел от вони и решил выкурить сигаретку по южной привычке, но меня взяли в оборот, да еще выяснилось, что у меня билета нет, и оставшиеся две остановки пришлось топать пешедралом, что было и лучше. А на обратном пути я вообще влип в какой-то кошмар. На стадионе закончился матч, и болельщики теперь штурмом брали автобусы. Я затесался в толпе, кто-то сел мне на шею; впрочем, я не обижался, так как сам на ком-то сидел. Минут через пятнадцать нас занесло к двери, меня забило внутрь, а те двое остались. Я порадовался, что на моей одежде нет пуговиц, а то повторился бы сеанс с раздеванием, хоть снимки штампуй. Внутри было так тесно, что даже давки не было: прилипли друг к дружке, как кирпичи в кладке, словом,рабочая спайка. С боков ко мне прижималась бабенция моего возраста и мужикан со шляпой всмятку и пятаком в зубах, спереди, как нарочно, милиционер, а сзади вовсе что-то несуразное, пыхтящее как грузовоз. Автобус поднакалился на солнце, так что нанюхался я будь здоров. Бабенка, видно привычная к мужицкому ладану,еще и терлась об меня, как паршивая сучка о дерево. Да только деревом я не был: качка ли сделала свое дело или что там, но умерщвление плоти моей явно откладывалось. Тут и мильтон забеспокоился, заворочался, да повернуться не может. Я уж и щипаю себя, и стараюсь думать о другом, но ни фига не действует, все как в песок. А стервоза знай трется, словно блохи ее закусали,такой клей развела, что во мне все загудело; гляжу в ужасе: мой мильтон стал подрастать и сделать ничего, бедняга, не может. Наконец, когда проехали порядком и народ рассосался, я протискался к двери, вышел, но легавый за мной, морда потная, всю скосило от ярости, дерг меня за плечо. "На этот раз вмазался, думаю, вынимай."

- Ты что ж это, гад?! - начинает он. Я даже растеряться не успел, смотрю, девчонка тоже сошла, берет меня под руку и заявляет спокойно:

- Что вам надо? Это мой муж.

Мильтон похлопал глазами, оскалился что твой бегемот:

- Ну, мать вашу, пиздрючата, чтоб я вас!..

Мы слиняли.

- Давай хоть познакомимся, - говорит она, - меня Элей зовут.

- Вот спасибо тебе, Эля, удружила, но не могу на тебя обижаться.

- Чего там! - восклицает. - Ты мне сразу понравился. В твоих глазах светится какая-то нечеловеческая грусть. Я в таких делах кое-что понимаю.

- Дай Бог тебе здоровья, - говорю я, - но только мне пора.

- От меня еще мало кто бегал, ты вроде не похож на гомосексуалиста.

- Внешность обманчива, - говорю, - и вообще мне нельзя зря тратить энергию, я - писатель.

- После меня тебе будет о чем писать!

- Что ж, - говорю я, - мне твой гонор по нраву, чувствую - мы споемся. Была бы любовь на совет.

- В этом не сомневайся. Со мной не соскучишься.

Мы отошли от магазина, из которого несло тухлой рыбой,и пошлепали по проспекту.

- Загсы уже закрыты, - сказала Эля, - пойдем ко мне, познакомишься с моими предками.

- Папочка мой - прелесть, - лепетала она по дороге, - никого не люблю, как его. Он крупный специалист в одном институте, там ему все ноги лижут и без него ничего никто не может сделать. У нас дома доктора, академики, кто́ только не бывает! С ним можно говорить о чем угодно: о философии, литературе, театре, - он все знает. Раньше он был прекрасным спортсменом, но сейчас больной - пострадал при режиме. Ты не думай, это не комплекс Электры, просто действительно ему никто в подметки не годится. А мама моя, - вспомнила она, - врач-гинеколог. Она очень обо мне заботится. Правда, она ворчунья, но я уверена, вы друг другу понравитесь.

- Вот тут наша машина, - она указала на гараж, - а здесь мы живем.

Лифт забросил нас на девятый этаж, и мы вошли в квартиру.

- Зайди пока в мою комнату, посмотри картины, а я предупрежу родителей.

Всю мебель там составляли широченная кровать, ночной столик и старинное бюро с инкрустациями. У стен стояли холсты. Я заглянул на один из них и увидел написанного маслом сенбернара с высунутым красным языком и выпученными глазами. Дальше я смотреть не стал. Вбежала Эля.

- Мамы еще нет, а папа тебя просит.

Войдя в папины апартаменты, я заметил возлежащего на диване очаровательного лысака на шестом десятке (чуть не сказал - месяце: брюшко у него не гармонировало с поджарой физией).

Лысачок был весь в гарнире академических изданий, устроился что надо. Услышав шаги, он закрыл книгу, заложив цветной закладкой, и посмотрел на меня почти через лорнет.

- Давненько вас не было видно, молодой человек.

- Простите, я здесь впервые.

- Разве? Ну, это не важно. Главное, серьезно ли ваше чувство, испытываемое к моей дочери?

- Надеюсь, - скромно сказал я,- что ей не придется на меня жаловаться.

- Хочется верить, - сказал лысакан, - хочется верить. Мне нравится ваше лицо. Впрочем, это несущественно. Расскажите лучше о своем, так сказать, экономическом базисе. Мужчина во все времена был кормильцем и оплотом семьи.

- Видите ли, - говорю, - тут на карте белое пятно. Я, собственно, в Питере второй день, ни прописки пока, ни работы.

- Ничего, - говорит он, - это все нетрудно уладить. Поработайте для начала у нас в НИИ лаборантом,а затем посту́пите учить-

ся, глядишь, не сегодня-завтра готов новый инженер-конструктор... если не поссоритесь с моей дочерью за это время.

Тут он вновь взялся за книжку; нетрудно было угадать, что аудиенция окончена. Я вернулся в комнату Эли, где был приятно поражен. Через полчаса я всерьез подумал стать инженером и вступить на путь технического прогресса, а еще через час я просто не видел перед собой иного пути. Не знаю, к чему бы я пришел в следующие пятнадцать минут, так как еще раньше пришла ее мамаша. Она встала в дверях и сказала с улыбкой, источающей цианистый калий:

- Сволочь. - А затем как-то буднично продолжила. - Мерзавец. Сукин сын. Паршивая дрянь. Висельник. Чего тебе надо от моей дочери?..

- Мама!..

- Не мешай... Гнусный ублюдок, падло, паразит говенный, развели гадючник.

Она достала из пачки папиросу "Север" и, дважды смяв мундштук, закурила.

- Что зыришься, вонючка? Дешевая тварь. Пользуешься отцовской добротой? Негодяй, - сказала она чуть устало, - чтоб я тебя больше не видела.

И вышла.

- Не обращай внимания, - сказала Эля, - она вовсе не злая. Покричит немного и успокоится. Я уже привыкла.

Она достала из-под кровати "Сонию", настроилась на волну "Радио Люксембург", и в ту ночь я на явку не вернулся.

Следующее утро стало началом моей трудовой карьеры.

Без особых проволочек меня пристроили к месту, уладили бóльшую часть формальностей, привели в лабораторию и дали метлу в руки. "Ну что ж, - подумал я, - мести полы, это еще не кирпичи таскать." Но дали мне потаскать и кирпичи. Потом пришел пожилой еврей с проплешиной от большого ума, постоял, покурил, поглядел на мой честный трудовой почин и сказал, что отныне и во веки веков я перехожу в его распоряжение, а следовательно, приступаю к интеллектуальной работе. Мне дали бумагу с колонками цифр и логарифмическую линейку, но интеллигентный труд показался мне потяжелее кирпичей. То у меня ломался карандаш, и я, отрывая ученых мужей от дела, просил точилку, то мне вдруг требовалась резинка, то я обходил всех в поисках кнопок. Кандидатский люд довольно плохо ориентировался в таких вопросах: тот, кто не переписывал с каких-то черновиков на беловые листы (чтобы потом переписать это на еще белейшие, и так без конца), занимался, в основном, созерцанием пуговиц на чужих пупках, то и дело откидываясь на спинку стула и глядя в потолок, затем, не найдя там ничего стóящего, вновь нахмуривался, ковырял в носу и предавался прочим атрибутам мышления. Тогда я уставал им мешать и выходил на лестницу покурить и посмотреть сквозь зарешеченное оконце (здесь когда-то размещалась тюрьма) на соседний дворик, обнесенный крепкой оградой. Во дворике в ватниках и в подштанниках разгуливали обритые наголо мужички, которых бы я принял за стройбатовцев, если бы не следящие за ними милиционеры и человек в белом халате. Один из них прогорланил на весь двор песенку, бывшую популярной лет восемь назад, и стал смотреть на меня, весело подмигивая и покуривая оброненный мильтоном хопец.

"Вот и все, - подумал я, - вот так каждый день. Бумаги, кнопки, метла, а через несколько лет отдельный стол, лампа, тягучие мыслительные процессы. И каждый час перекур, и мотив, популярный пятнадцать лет назад... Кто же, черт побери, из нас по *ту* сторону решетки? Боюсь, что оба по эту."

По лестнице мимо меня прошел Крупный Специалист. Он напутствовал, давал ценные указания сразу шестерым сотрудникам. Я посторонился. Бросил окурок и вернулся к труду. Вечером, в надежде подышать, я пошлялся по Невскому и заглянул в Цитадель выпить чашечку кофе. Сегодня здесь царила несколько иная атмосфера. Между столиков расхаживали небритые молодцы с блестящими от "ширева" зрачками. Между ними я заметил Элю, бывшую уже изрядно навеселе. Меня она не узнала. Она втолковывала одному из молодцов, что тому надо с чем-то "завязывать", иначе ее этим не купишь. За моей спиной раздался хлопок в ладоши.

Я обернулся и увидел стоящего на табуреточке горбуна в темных очках, известного торговца открытками и лотерейным счастьем.

- Ну, хватит, хватит, - сказал он странным при его баках детским голоском, - хватит канителить. Тащите ее сюда.

Молодцы подхватили Элю и стали передавать ее по цепочке в направлении говорившего. Горбун спешил. Горбун был недоволен. Горбун отстукивал ножкой. Именитые поэты гениально обходили его табуреточку. Гениальные информаторы шепотом повторяли его имя. Я находился в неосторожной близости к походному трону, и янычары мимоходом задели меня.

- Уберите, - поморщился горбун. - Пьяный.

Когда я открыл глаза, уже не было никого, кроме милиции. Я подышал, сослался на Павлова, был свободен. На улице пораскинул извилинами и пустился в последнее джентльменство. Дверь открыла акушер-гинеколог.

- По чьим рукам? - спросила благородная дама. - Это неблагодарное животное хочет отплатить нам за гостеприимство!?..

Она схватила устрашающей величины скребок и стала гоняться за мной по лестнице.

- Недоносок! Ничтожество! Чтоб у тебя нос провалился!.. Я тебя из-под земли достану и снова в землю вобью! Я тебе натяну климакс на рожу! Ты у меня загремишь в желтый дом!..

- Что вы, мадам, - отбивался я, - я молод для сумасшедшего дома!

- А по-моему, созрел. Погоди, верблюд,я тебя изнасилую так, что своих не узнаешь!..

Она чуть не поймала меня, но я успел спрятаться в лифте, и дверью ей прищемило руку. Скребок остался у меня, я взял его на память. На нем хорошо были видны засохшие следы крови.

Я возвращался на явку в приподнятом настроении. Чем хуже складываются обстоятельства, тем бодрей я себя чувствую. Меня ждет Денис, нас ждет Дорога. От города пахло как от гнилого зуба. Но это же не мой лично гнилой зуб. При входе в садик без деревьев сидел мальчонка и пиликал на губной гармошке. Гармошка была неплохая, но играл он на ней не ахти. Издали его окликнула женщина. Он хватил гармошкой о землю и убежал. Я поднял гармош-

ку и сыграл несколько тактов. Два клапана в ней были засорены, - мальчик злоупотреблял домашним печеньем, но исправить,при желании, недолго. Я исполнил еще пару тактов, пришедших на ум,потом сунул гармошку в карман и через несколько минут уже поднимался по лестнице в наше жилище. Сначала долго никто не открывал, наконец вышел любезный хозяин в халате, с которым, видимо, не расставался,и встал перед дверью.

- В общем, приятель, - буркнул он, - дело швах. Куда увезли его, я не знаю. И уж ты будь так добр...

- Кого увезли?

- А ты не понял? Увезли - с крестом и полумесяцем. И ты будь уж так добр...

Быть добрым, в данном случае, значило не требовать добра от других. Не пожелай чего-то там ближнего своего. Дальше не помню. Я спустился на текущую через ночь улицу, я был снова в дороге. Не думайте, все окончилось очень счастливо,просто "хеппи-энды" никогда не были сильным местом таких оборванцев, как я. Я бы мог еще немало порассказать о своих последующих приключениях, но, клянусь дыркой в носке, надоело писать. Через три предложения я поставлю точку. Я вышел на тротуар и наткнулся на старика, управлявшего пегой кобылой, запряженной в телегу с какой-то рухлядью. Он согласился подбросить меня до проспекта. Я вновь попробовал на гармошке те несколько тактов и понял, что это начало новой мелодии, и знал, что сочиню ее до того, как приедем.

6 февраля 1974

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Когда волнуется желтеющее пиво,
Волнение его передается мне.
Но шумом лебеды, полыни и крапивы
Слух полон изнутри, и мысли в западне.
Вот белое окно, кровать и стул Ван Гога.
Открытая тетрадь: слова, слова, слова.
Причин для торжества сравнительно немного.
Категоричен быт и прост, как дважды два.

О, искуситель-змей, аптечная гадюка,
Ответь, пожалуйста, задачу разреши.
Зачем доверил я обманчивому звуку
Силлабику ума и тонику души?
Мне б летчиком летать и китобоем плавать,
А я по грудь в беде, обиде, лебеде,
Знай камешки мечу в загадочную заводь,
Веду подсчет кругам на глянцевой воде.

Того гляди сгребут, оденут в мешковину,
Обреют наголо, палач расправит плеть.
Уже не я - другой взойдет на седловину
Айлара, чтобы вниз до одури смотреть.
Храни меня, Господь, в копеечной квартире,
Пока не пробил час примерно наказать.
Наперсница-душа, мы лишнего хватили.
Я снова позабыл, что я хотел сказать.

* * *

Садовник продает черешню по полтине.
Ученый затвердил растений имена.

Но папоротнику нет дела до латыни,
Черешне невдомек базарная цена.

Заборы дачных мест, библиотека мата,
Природу перекрыл языковой барьер.
В шезлонге дуба дал учитель диамата,
Поодаль дуб дает урок на свой манер.

Наречия травы и диалекты ели,
Осоки пасмурной интимная тетрадь
На просвещенный слух темней кисуахели,
А собственный язык пора попридержать.

Покуда тишина секретничает с флорой,
Мы, глядя в пустоту сквозь изгородь цитат,
Зубрим грамматику, в согласии с которой
Шумят Бирнамский лес и Гефсиманский сад.

* * *

Опасен майский укус гюрзы.
Пустая фляга бренчит на ремне.
Тяжела слепая поступь грозы.
Электричество шелестит в тишине.
Неделю ждал я товарняка.
Всухомятку хлеба доел ломоть.
Пал бы духом наверняка,
Но попутчика мне послал Господь.
Лет пятнадцать круглое он катил,
Лет пятнадцать плоское он таскал,
С пьяных глаз на этот разъезд угодил -
Так вдвоем и ехали по пескам.

Хорошо так ехать. Да на беду
Ночью он ушел, прихватив мой френч,
В товарняк порожний сел на ходу,
Товарняк отправился на Ургенч.
Этой ночью снилось мне всего
Понемногу: золото в устье ручья,
Простое базарное волшебство -
Слабая дудочка и змея.
Лег я навзничь. Больше не мог уснуть.
Много все-таки жизни досталось мне.
"Темирбаев, платформы на пятый путь", -
Прокатилось и замерло в тишине.

* * *

Чиликанье галок в осеннем дворе,
И трезвон перемены в тринадцатой школе.
Росчерк Ту-104 на чистой заре,
И клеймо на скамье "Хабибулин + Оля".
Если б я был не я, а другой человек,

Я бы там вечерами слонялся доныне.
Все в разъезде. Ремонт. Ожидается снег.
Вот такое кино мне смотреть на чужбине.
Здесь помойные кошки какую-то дрянь
С вожделением делят, такие-сякие.
Вот сейчас он, должно быть, закурит - и впрямь,
Не спеша закурил, я курил бы другие.
Хороша наша жизнь - напоит допьяна,
Карамелью снабдит, удивит каруселью,
Шаловлива, глумлива, гневлива, шумна -
Отшумит, не оставив рубля на похмелье...

Если так, перед тем как уйти под откос,
Пробеги-ка рукой по знакомым октавам,
Наиграй мне по памяти этот наркоз,
Спой дворовую песню с припевом картавым.
Спой, сыграй, расскажи о казенной Москве,
Где пускают метро в половине шестого,
Зачинают детей в госпитальной траве,
Троекратно целуют на Пасху Христову.
Если б я был не я, я бы там произнес
Интересную речь на арене заката.
Вот такое кино мне смотреть на износ
Много лет. Разве это плохая расплата?
Хабибулин выглядывает из окна
Поделиться избыточным опытом, крикнуть -
Спору нет, память мучает, но и она
Умирает - и к этому можно привыкнуть.

* * *

Дай Бог памяти вспомнить работы мои,
Дать отчет обстоятельный в очерке сжатом.
Перво-наперво следует лагерь МЭИ,
Я работал тогда пионерским вожатым.
Там стояли два Ленина: бодрый старик
И угрюмый бутуз серебристого цвета.
По утрам раздавался воинственный крик
"Будь готов", отражаясь у стен сельсовета.
Было много других серебристых химер -
Знаменосцы, горнисты, скульптура лосихи.
У забора трудился живой пионер,
Утоляя вручную любовь к поварихе.

Жизнерадостный труд мой расцвел колесом
Обозрения с видом от Омска до Оша.
Хватишь лишку и Симонову в унисон
Знай бубнишь помаленьку: "Ты помнишь, Алеша?"
Гадом буду, в столичный театр загляну,
Где примерно полгода за скромную плату
Мы кадили актрисам, роняя слюну,
И катали на фурке тяжелого Плятта.
Верный лозунгу молодости "Будь готов",
Я готовился к зрелости неутомимо.

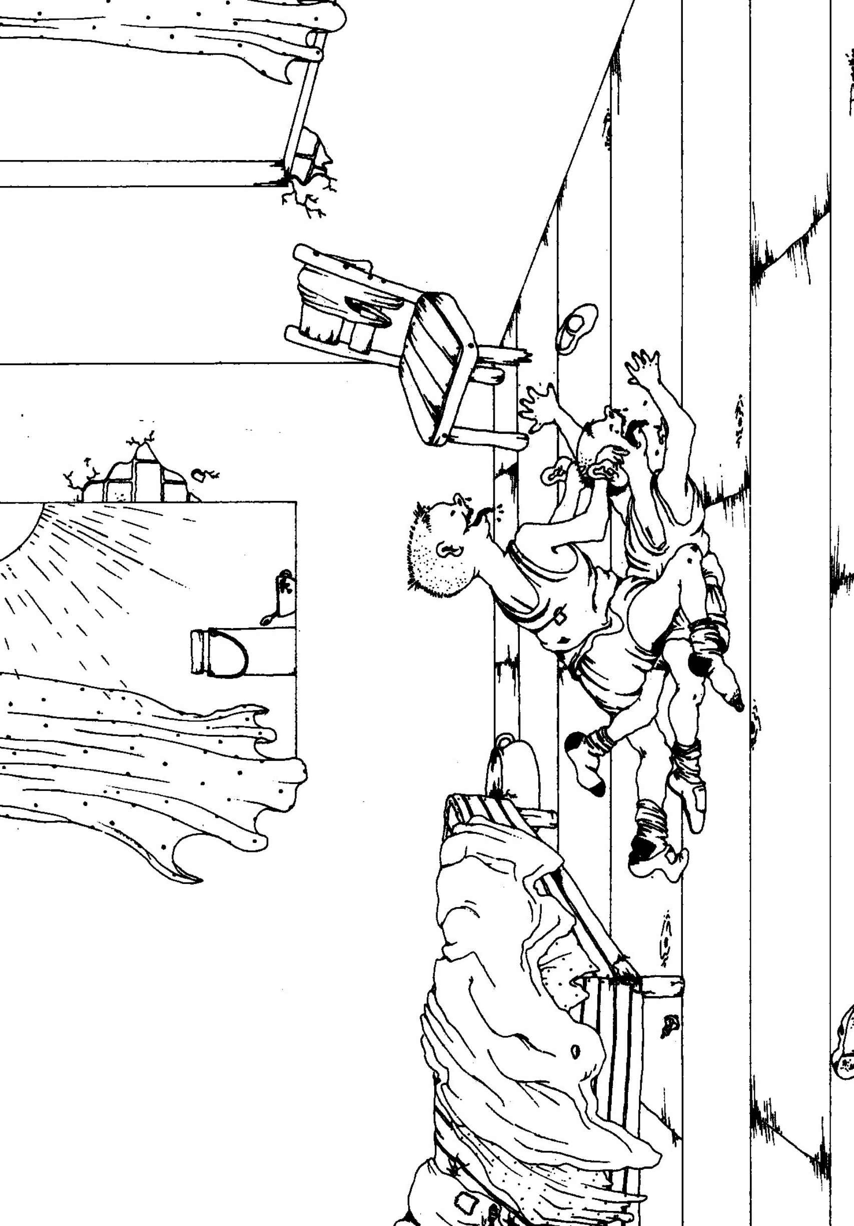
Вот и стал я в неполные тридцать годов
Очарованным странником с пачки "Памира".

На реке Иртыше говорила резня.
На реке Сыр-Дарье говорили о чуде.
Подвозили, поили, кормили меня
Окаянные ожесточенные люди.
Научился я древней науке вранья,
Разучился спросить о погоде без мата.
Мельтешит предо мной одиссея моя
Кинолентою шосткинского комбината.
Ничего, ничего, ничего не боюсь,
Разве только ленивых убийц в полумасках.
Отшучусь как-нибудь, как-нибудь отсижусь
С Божьей помощью в придурковатых подпасках.

В настоящее время я числюсь при СУ-
206 под началом Н.В.Соткилава.
Раз в три дня караульную службу несу,
Шельмоватый кавказец содержит ораву
Очарованных странников. Форменный зо-
омузей посетителям на удивленье. -
Величанский, Сопровский, Гандлевский, Шаззо, -
Часовые строительного управленья.
Разговоры опасные, дождь проливной,
Запрещенные книжки, окурки в жестянке.
Стало быть, продолжается диспут ночной
Чернокнижников Кракова и Саламанки.

Здесь бы мне и осесть, да шалят тормоза.
Ближе к лету уйду, и в минуту ухода
Жизнь моя улыбнется, закроет глаза
И откроет их медленно снова - свобода.
Как впервые, когда рассчитался в МЭИ,
Сдал казенное кладовщику дяде Васе,
Уложил в чемодан причиндалы свои,
Встал ни свет ни заря и пошел восвояси.
Дети спали. Физорг починял силомер.
Повариха дремала в объятьях завхоза.
До свидания, лагерь. Прощай, пионер,
Торопливо глотающий крупные слезы.

Сергей Гандлевский родился в 1952 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского университета. Работал дворником, рабочим сцены, школьным учителем, научным сотрудником музея Коломенское, экспедиционным рабочим на Памире, в Кара-Кумах, Сибири. Сейчас работает сторожем, занимается стихотворными переводами. Живет в Москве. В советской печати не публиковался.

Олег ГРИГОРЬЕВ

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

(рассказ детеныша)

Только спать легли, а уже подъем, даже сон чем кончается,не увидел. Ой, как спать хочется, даже глаза склеились: завернуться в клубочек и сон про себя досматривать. А с тебя уже одеяло колючее стягивают, чтобы холодно тебе спящему было, и за пятки больно щекотятся.

- Кхи-ты-чхи! - Вот и чихнул. Утром всегда так чихается,потому что солнце в нос через стекло разбитое светит. Вон как в носу свистит, даже сопли качаются.

А Ленька-какун уже ботинки напялил. И смотрят его ботинки в разные стороны, не на те ноги напялены потому что. Шнурки болтаются и лямка висит, а рубаха шиворот-навыворот одета - значит, снова Леньку бить будут, всегда его кто-нибудь душит, вот и сегодня тоже.

Наступил Ленька на шнурок и - шлеп животом как лягушка. Поднялся, а тут ему на лямку встали,и опять на полу лягушачий шлеп послышался.

А на нем уже Юрка злодей сидит. Потянул его за рот - чуть губа не оторвалась, потому что мягкая. А Ленька его схватил за ухо резиновое, растянулось оно, а потом на место стрельнуло, дрожит теперь. Тогда Юрка за живот его душить начал, так что сопли пошли.

Ну их. Я быстренько сандали одел и к умывальнику отправился. Здесь воспитатели чистить зубы нас заставляют, для этого щетки волосатые выдают.

А зачем зубы чистить? Все равно они скоро выпадут, и заместо них другие вырастут. Вот те и надо чистить. У меня уже вырос один такой, а другие еще шатаются. Буду его одного чистить. Ух ты, паста какая вкусная! Вначале съем одного червяка, а другого

Рисунок Доротеи Шемякиной

на щетку можно. Мухи из умывальника льются. Куда они только не забираются, эти мухи. В нос забираются и в уши дырявые. Сидит одна и поет в моем ухе, а уходить не собирается. Но я гвоздем ее оттуда вытащил, который здесь заместо вешалки всем глаза царапает. Не воткну его обратно, в трусы воткну. Пускай как сабля острая на боку висит, пригодится потом наверное.

А мухи всё льются и льются. Не буду я умываться мухами,мыльные пузыри делать буду. Вон какие большие летают, только плохо, что мухи на них натыкаются. Все пузыри мои так полопались. Оторвал я за это одной мухе голову,а она и без головы полетела,вредная. Я ее чуть в нос не проглотил. Всякие на свете мухи бывают: жужжащие, кусающие или просто летают которые. И никуда от них не спрячешься. Даже по завтраку нашему ходят. Завтрак это не потому что завтра, так бы он сегодником назывался. Но его все равно называют завтраком. Значит,сегодня это уже завтра, а завтра послезавтрашним будет. Но и тогда по завтраку мухи ходить не перестанут. Всегда они будут жужжать и в кашу садиться.

Кашу на стол принесли. Некрасивая каша, в точках вся и вареньем обмазана, чтобы есть ее было можно.

Варенье я сразу же языком слизал, так что мухи теперь на губы перескочили.

Невкусная мне каша попалась. У Юрки вкусная, вот он ее и лопает. А я лопать не буду. Меня заставляют, а я все равно же не буду. Не хочу я кашу, значит и есть не могу. Эту машу канную,кашу-ка - слово-то какое непонятное, совсем его без варенья не интересно есть. Шлепать надо по нему ложкой.

А в каше уже мухи застряли. Мы их пальцами скорее спасаем, а кашу на стол ляпаем, как будто идет корова с лепешками.

Ленька вилкой в носу заковырял, а изо рта слюнявые пузыри пускает. Воспитательница - шлеп его по губам, вот он и ревет теперь. Из носа, из глаз, изо рта текут у него слезы, и все прямо в кашу заместо варенья.

А вокруг стола курицы бродят. Петухов нет, а кто-то все время кукарекает.

Тут нам яйца сразу принесли,раздают по очереди. Одной девчонке яйцо с тухлым цыпленочком досталось. Все ей завидуют, а она плачет.

Цыпленочка нюхать тоже по очереди стали. - Ну-кась дайте-ка и я понюхаю. Фу, как здорово! Даже яйцо мое лопнуло и по скатерти расползлось. Тогда мне новое принесли, не простое,а вареное.

Желтки в вареных немного вкуснее, а вот белки мы - ать! - в курицу рябу, которая ходит здесь, швыряем.

Прыгнула она на стол, кисели наши все сломала - настоящее кисельное море с плавающими скорлупками получилось.

После еды помыли уши, а потом гулять ушли. Вся дорога в коровьих лепешках заляпана. Любят коровы ходить и пачкать везде. Вот и сейчас идут. Целое стадо рогатое. Идут и бубенчиками побрякивают, а между ног у них титьки болтаются.

Девчонки сразу же реветь стали. Всегда они плачут,когда коровы идут. И мальчишки некоторые тоже плачут. Вот бояки! только я один коров не боюсь. Если у коровы рога отломаны, то ее и бояться нечего. Я рогов боюсь, а не коровы: вот как посадит тебя

на рога, так и умрешь - страх один! Мы сразу же через канаву глубокую прыгнули, чтобы коровы достать не могли.

А они уже мимо идут, и лепешки от них зеленые падают. Идут и на нас оглядываются. Вдруг один бык на корову ногами передними встал. Заревела корова и в сторону дернулась, а он рычит и на задних копытах за ней идет, прямо как лошадь в цирке. Даже воспитательнице смешно, а нам страшно сделалось.

А другая корова ноги расставила и писать начала, так что брызги меня закапали. Сама плачет и цветы нюхает, а у самой вода как из шланга льется.

Вначале я думал - коровы молоком писают, а оказывается, водой коричневой.

Потом, наконец, ушли эти коровищи, хвостами размахивая,и мы дальше отправились. Вокруг только пни, да березы поломанные,а в березах солдаты ходят и палкой железной землю щупают - мину ищут.

Недавно война здесь шла и пули валялись кислые. Мы их в рот ложили, потому что вкусные они, и сосали с пальцами вместе.

Потом на полянку пришли. Трава здесь тоже кислая. Кувыркаться стали. Так я через голову перекувырнулся, что даже пулю в живот проглотил. Но ничего, потом она все равно из меня выйдет. Много чего я проглатывал: и шарики, и винтики, и гвоздики разные, и все это потом обратно выходило. А однажды мамину серьгу проглотил. Мама все в горшок мой смотрела, но серьга так и не вышла. Значит,теперь в животе моем лежит. Много в моем животе разных штучек, как в копилке все равно что. Подпрыгнешь - даже побрякивает и урчит что-то.

А из леса к нам солдаты пришли. Если мину найдете - говорят - так о камень ее не стукайте, а не то подзорваться можно, костей не соберешь. И воспитателю наказывают в лес никого не пускать. Стали мы по поляне бегать, кузнечиков прыгающих ловить. Огромного я кузнечину поймал, зеленый весь,только брюхо желтое, а в конце сабля торчит. Шевелит он усиками и слюни коричневые пускает.

Между кузнечиками мы драку устроили. Мой кузнечик всем другим головы разжевывал, пока какой-то кузнец не разжевал его самого.

А Ленька стрекозу поймал и живьем ее съел,говорит,что вкусная. За столом ничего не ест, а как гулять идем - все в рот пихает. Вот и траву на поляне всю уже съел,заячьей капустой называющуюся. Так объелся, что живот распух, крепким стал, как у лягушки, которую Юрка злодей через соломинку качает. Накачал,а потом за ноги располовинил. Значит,дождь теперь лягушачий будет.

Потянул я Юрку за шиворот, и мы с ним в кустики поползли, чтобы в лес незаметно отправиться. Неинтересно нам с Юркой на поляне сидеть, вот мы и удрали потихонечку.

Юрка - это один мой друг. Он злодей, он мучитель. Он может в рот положить целого червяка и нисколечко не испугается. Ленька тоже червяков в рот ложит, но он потому что дурак, а Юрка по храбрости. Он у нас самый храбрый в детском садике. По борьбе первый я, а Юрка потом, но червяков живьем ложить в рот я боюсь, значит, Юрка меня храбрее. А еще у него уши резиновые. Дергает

его воспитатель за уши, а они у него только растягиваются, и не больно ему нисколечко. А еще он писает выше, чем я, в уборной до потолка до самого, поэтому он и друг мой.

Зашли мы в лес, а там березы поломанные валяются. Спотыкаться и падать стали. Юрка чуть в яму не улетел, где проволока колючая смотана. Здесь бомбы рвались, вот и ямы от них такие круглые. Потом смотрим - кучища стоит, и в кучище что-то шевелится. Это муравейник такой большой, муравьи в нем шевелятся желтые.

Муравьи домой дохлую стрекозу тащат, наверное самолет из нее делать хочут. Стали отнимать у них стрекозу, а они не дают, ртами ее к себе тащат и кусаются. Раздавили тогда их ногами, так что грязь осталась, и дальше идем. А дальше другой муравейник, только поменьше чуть-чуть, и муравьи в нем черные маленькие. Между муравейниками война идет из-за гусеницы волосатой. Черные к себе ее за волосы тащат, а желтые к себе за мясо. Вот у них и война пошла. Копошатся, грызут друг друга, только головы валяются, и клещами жуют, а гусеница ни с места. Они ее как канат перетягивают, и никто перетянуть не может. Тогда мы за маленьких, за черных заступились. Юрка веткой гусеницу поддел и на их муравейник забросил, чтобы ели ее. А желтый мы палками стали воротить, разворотили весь, а там кости и череп собачий с клыками белеется. Хватают муравьи свои яйца в зубы и в голову собаки прямо в глаза уползают, от света в темноту прячут яйца. Вот гады какие, собаку сожрали целую и на ней муравейник устроили. Стали мы писать в них, настоящий потоп в муравейнике устроили. Всё на них выписали. А потом Юрка стал череп собачий вытаскивать, наклонился и выдергивает его оттуда. А череп не выдергивается: крепко к собаке приделан. Еще дернул и шлеп животом в муравейник. Хотел подняться, да руки в глубину ушли. А муравьи его так и облепили, так и едят всего. И меня уже кусают, лезут по ногам и в мясо зубами впиваются. А Юрка все еще в муравейнике сидит. Вскочил потом, закричал, и в сторону мы с ним бросились. Упал он на землю и кататься стал, пока муравьи от него не отпали, а не то загрызли бы, как собаку. Отбились от муравьев, на поляну возвращаемся. Стыдно Юрке, что он кричал, идет обкусанный и листья пинает. Вдруг пнул, и что-то железное послышалось. Смотрим, а это минища круглая, вся блестит и с буквами нарисованными. Здесь же бутылка валяется. Схватил Юрка бутылку и о пень шмякнул, так что стекляшки посыпались. Потом и мину схватил и тоже о пень. Вот дурак, хорошо что не подзорвалась, а то бы что нам воспитательница тогда наделала? Я скорее к солдатам побежал - мина, кричу, мина железная. Бросили солдаты палки, за мной к мине бегут. Выхватил один мину у Юрки и читает, что на ней написано. Потом инструмент кривой из кармана достал, вскрывать ее осторожненько начал.

У меня от страха даже мурашки по спине забегали. Вскрывает он, а все следят в тишине, вот-вот подзорвется. Потом вскрыл, наконец, руками железку отогнул и понюхал. Сели тут солдаты в кружочек и есть стали со смехом все, что в мине положено. Всё съели - разминировали значит. А Юрку, муравьями искусанного, за шкварник взяли и, тряся в воздухе, к воспитателю принесли, чтобы мины больше о пень не шмякал. Схватила его воспитательница

за ухо и потянула как за резину какую-то, потом напротив себя посадила и не пускает ни на шаг теперь. Я скорее с ребятами остальными смешался, чтобы и мне не попало. Играть с ними стал. А без Юрки скучно. Совсем неинтересно дети играют. Девчонки венки из цветов плетут, мальчишки в петушка или курицу травой играют, другие из носа сопли вытягивают, меряют, у кого длинней. Совсем мне не интересно так.

А ну-ка, что это Лариска косматая за кустами делает? Ушла на поляну и с кем-то белым, живым разговаривает. Пойду к Лариске, она хоть девчонка, а все равно хорошая. Совсем как мальчишка настоящая. Не царапается никогда, не кусается и щекотки не боится нисколечко. Всегда лохматая ходит, лохмудрей ее называют, а еще оцарапана больше всех, потому что ползает где не надо. Однажды она в яму залезла, в воронку, где вороны ходят, а вылезла оттуда вся о проволоку колючую изорванная, так оцарапалась, что кровь из нее ручьем текла. Ей за это уколы втыкали, а царапины до сих пор назади сидят. В мертвый час она их всегда мне показывает, задерет ноги и показывает, даже трогать дает. А бегает она быстрее всякой курицы. В пятнашки только я и Юрка ее догоняем. И совсем не ябедничает и не плачет, когда мамы от нас уезжают.

Зашел я за кустики, смотрю, а Лариска с козой безрогой возится. Запуталась коза веревкой за палку и распутаться не может. Объела все кругом и губами к траве необъеденной тянется, да веревка не пускает. Стали мы веревку разматывать. Водим козу вокруг палки и разматываем, чтобы с голоду не сдохла и не блеяла больше. К рогатой бы и не подошли, а безрогую и бояться нечего. Распутали и гладить стали. Я даже забрался на нее как на лошадь, только слез сейчас же. Очень у нее спина острая. А Лариска все ее гладит, поцеловала даже в морду ее хорошую. Белая была козочка, красивая, только титьки уж слишком длинные, висят - чуть до самой земли не касаются, так и хочется дернуть за них. Наклонилась Лариска и дернула, даже молоко оттуда забрызгало. А козочка стоит и с места не движется, только ушами подрягивает и жует что-то, а из глаз зеленые слезы повисли. Тогда и я под нее заполз, а Лариска все сиськи дергает, на глаза мне и в нос молоко течет. Вскочил я и скорей за Лариской помчался, чтобы мордой ее в титьку ткнуть. Быстро за ней бегу, а она еще быстрее, тогда я - ать! подножку ей сзади, так что она перекувырнулась и коленом голым о камень ударилась. Лежит и корчится от боли как гусеница, а из колена кровь течет. Жалко мне ее стало, - не плачь - говорю - это камень проклятый виноват во всем, сейчас я его выверну и в кусты заброшу. Отвернул камень, а там черви едят кого-то, в клубке переплетаются. Оказались на солнце и в землю впились. Шлепнул я камень в них - одна жижа красная брызнула.

А Лариска сидит на корточках и рану рассматривает, кровь из нее так и течет и на землю капает, проливается. А я знаю, что делать нужно. Если кровь идет, надо сразу же языком лизать, тогда остановится кровь и присохнет. А Лариске и не достать никак языком до колена, сидит она и только плачет тихонечко.

Тогда я сам зализывать стал. Взял ее ногу и кровь языком лижу. Кровь у нее соленая, противная, так и хлюпает во рту, чуть

не тошнит меня. Сплюнул ее скорее, а к ранке листок прислюнявил тоненький - не могу я чужую кровь переносить - совсем противная. За руку Лариску взял,и пошли мы,где дети все. А здесь тоже приключение случилось. Леньку оса в щеку кусила, так что щека у него на грушу теперь похожая. Окружили его дети и грушу щупают. А вокруг на поляне бабочки порхают, совсем как бумажки конфетные. Одна рядом села, черная вся, а на крыльях божии коровки нарисованы. Отпустил я Лариску, к бабочке приближаюсь. Такая она красивая, что даже страшно мне.

Сидит она и язычок закрученный показывает, так что у меня самого язычище вытянулся. Тихонечко я подкрадываюсь на цыпочках, и тут прыг на нее животом и примял. Бьется она подо мной как птичка, а я лежу и что делать дальше,не знаю. Потом хвать ее в кулак, смотрю, а вместо бабочки червячок раздавленный, по бокам его крылья лохматые болтаются. Вся краска с них на меня перешла, и остался от нее настоящим только язычок закрученный. Бросил ее в сторону, а сам в траву сел. Обидно стало. Всегда так,потянулся я однажды за золотинкой, схватил, а это плевок такой. Вот пойду сейчас и кучу малу всем устрою. Вон сколько народу собралось, все Ленькину грушу щупают.

Схватил я одну девчонку́ за голову и в Леньку ее носом курносым ткнул, а она не на Леньку, а на меня упала, так что я сам носом в землю воткнулся. А тут на нее и Ленька брякнулся, а на Леньку детский садик весь. Куча-мала, кричат, куча-мала! Всегда я на кучу-малу сверху прыгаю, а вначале только толкаю всех, а тут и сам внизу очутился. Страшно внизу сидеть, темно и дышать нечем, а сверху все наваливаются и давят, да еще ботинком кто-то в лицо пинает. Хорошо что воспитательница всех за ноги растащила, а не то ведь так и задохнулся бы, в животе рычит даже. А воспитательница всех в пары ставит. Значит,кончилась прогулка наша, назад в детский сад возвращаемся. Пошли мы не той дорогой, где коровы встретились, другой совсем, но и тут все равно в лепешку вляпались. Идем неспеша, по сторонам глазеем. Вокруг заборы стоят, за заборами дети галдящие. Лагеря вокруг пионерские и детские садики разные. А один детский садик здесь удивительный очень. Самый удивительный в мире,наверное. Уродики там кривые живут, рахитами их воспитатели называют. Не будете есть,говорят, и тоже в рахитиков превратитесь. А они стоят за забориком и на нас глазами косыми поглядывают. А сопли у них до колена свесились, языком их лижут и об забор утираются. Ушами трясут и хихикают и под нос себе что-то бубнят нехорошее.

Любопытно нам их разглядывать. Горбатые все,корявые как сучки, носы картошками на лицо повешены. У одного вместо пальцев точки виднеются, у другого ухо к плечу приклеено, а еще один - так совсем ходить не умеющий, на коляске его катают,а он плюется в разные стороны.

Лариска даже видела здесь уродика,с двумя головами который. Я не видел такого, а очень бы интересно на него посмотреть. Воспитательница говорит,что зря их живыми тут держат. Умерщвлять, говорит, их надо, а не то только хлеб зря жуют. В войну, говорит, все рабочие голодные ходили, даже крыс, говорит, переели всех и галоши отваривали, а этих всех разных кривых идиотиков и

сумасшедших - многих безо всякой пользы кормили. Раз, говорит, не приносишь пользу, значит, и жить, говорит, нельзя. А я совсем по-другому думаю. Правильно, думаю, что этих рахитиков кормят. Пускай живут на удивление. Вон какие смешные. Заползли на заборик и кричат нам - бу-бу-бу. А с двумя головами который - это совсем любопытно даже. Ну-кась где он? Что-то не видно. Наверное в доме сидит и гулять стыдится. А если бы у меня две головы выросли, я бы хвастался перед всеми, а не прятался. Ходил бы себе по улицам как Тянитолкай из Африки и головами бы своими со всеми здоровался.

А воспитательница даже и посмотреть на них не дает. Всех подальше скорее уводит. Идем мы и под ноги смотрим, чтобы опять в лепешку не вляпаться. У всех в руках жук сидит или саранча какая, а у меня и нет ничего. Но я все равно кого-нибудь изловлю, обязательно кого-то поймаю, потому что иду я последним самым и отставать мне можно. Ага, вот они,жучки мои бронзовые, на розе красной уселись, божии коровки между ними ползают, а они сверкают на солнце,как золото. Скорей бы все дальше вперед ушли от этого забора колючего. Только бы не заметил никто, что роза из него выглядывает. Вот так, отошли немного. Теперь хватать ее быстро нужно с жуками вместе. Ой-ей-ей! что это? Схватил я розу, а она как будто тоже из проволоки колючей сделана, впилась в руку мою, пальцы все иголками исколола, а жуки на землю в крапиву попа́дали. Скорее в крапиву лезу, чтобы достать их. Щупаю землю, а жуков и нет, только черные гусеницы по крапиве ползают, и в бок что-то острое царапает. Оглянулся тогда - ужас какой! Ручища длинная волосатая из-за забора тянется. Пальцы сжимает,как будто ищет что-то, и зацепить меня ногтищами хочет, да не дотянется. И никого за забором из-за веток не видно. Оторвал я скорее крапивину,хлысть по руке, - убралась сейчас же. А сам наутек бежать к группе своей уходящей. Хорошо что меня не сцапали, а то что бы тогда? Нарочно ведь сцапать хотели, чтобы розы не рвал. А ну их, только зря окрапивился. Вот и гвоздь пригодился волдыри расчесывать. Надо было им эту руку проклятую к забору пригвоздить, не пугала чтобы. Но и так ей хорошо досталось от крапивины: ничего что пальцы себе обжег, зато ее всю изжалил.

А бронзовиков и не жалко нисколечко. Вон сколько лепешек коровьих валяется,и в каждой лепешке целая страна жуков - всё навозники.

Всякие на свете жуки бывают: дровосеки, пни едящие,усачи рогатые, щелкунчики, плавунчики и даже жуки могильщики, под дохлыми кошками живут которые. И все они как звери злющие: царапаются, кусаются, один в кожу вопьется, другой кровь высосет, а какой-нибудь так в палец вцепится, что совсем лучше без пальцев жить. А навозники - жуки самые добрые, я их больше всех люблю. Пожарники тоже хорошие, но они мягкие, а навозники крепкие, совсем как бронзовики, только с бронзовиками играть неинтересно. Схватишь его, а он, притвора, сразу же мертвым притворяется. А навозник никогда притворяться не будет. Налетит на тебя как пуля и сразу же ползать начинает.

Вот один мимо меня прожужжал. Сел на лепешку и в глубину уполз, но я его оттуда гвоздем выковырял. Вошки на его животике

ползают. Летают на нем, как человечки на самолетике. Я их гвоздем соскреб, потому что противные. Но некоторые все равно у него остались. Заползли к нему в подмышки и сидят теперь. Не буду же я лапки отрывать ему. Навозника я сразу же на ниточку привязал, которая из майки вытягивается. Потянул ее - тянется, еще потянул - еще вытянулась, так бы всю майку распустил, да оборвал, когда нитка длинная стала. К другому ниткиному концу гвоздик приделал. Теперь, когда ночь, буду гвоздь в землю втыкать, чтобы жук по травке ходил и еду себе добывал, как та козочка. Дернул я за нитку, жук свои крылья раскрыл и летит с гуденьем, а я за ним бегу и за нитку держусь. Так и очутились мы в детском садике - я бегущий, а он летящий. Потом на голову опустился, ползет за шиворот.

А тут уж ведра и лейки зазвякали, вода в них колышется. Значит, опять процедура какая-то, из лейки водой поливать нас будут. Побежал я в дом скорей, жука под подушку запрятал и назад воротился. А воспитатели всем уже раздеваться велят, майки с себя снимать и трусы последние. Майку я снял, а трусы не хочется. Противно, когда ты голый и мухи кусают, да еще когда девчонки хихикают.

Им-то, девчонкам, что, а вот мальчишкам как? И мальчишкам, оказывается, тоже ничего. Все уже раздетые голыми прыгают, только я один в трусах стою. А Лариска вредная так и смотрит на меня глазищами, и все смотрят, потому что я - это трус. Раз в трусах - значит, трус. Очень мне противно и стыдно делается. Лучше бы уж совсем этого солнца не было, чем раздетым бегать под ним. Но потом все-таки и я разделся, даже Лариска запрыгала от радости, стала пальцем на меня всем показывать. Вот гадина, а я ей еще кровь зализывал.

Воспитатели думают, что мы маленькие и ничего не понимаем, но мы-то с Юркой знаем, что девчонки какие-то не такие. Только не знаем мы, почему они так сделаны. Да и вообще мы не знаем, как делается человек. Мама сказала, что она под деревом меня нашла. Значит, я как яблоко на дереве вырос, а потом на землю упал. А к дереву я за пуп прикреплялся. Ведь у яблока тоже посередине пуп растет, которым он за ветку держится. Вот и у людей так же устроено. Это мне мама так сказала. А Юрка говорит, что это все враки сплошные. Он говорит, что дети выходят откуда-то из мам, из животов наверное. Разрежут живот, и оттуда дети выходят голенькие. Но я ему тоже не верю, злодею. Зачем же тогда человеку пуп, если дети из животов выходят? Вон он у Юрки длинный какой. И еще страшно это, когда живот режут. Наверное, все как-то по-другому делается.

А меня уже как куклу какую-то за голову взяли и из лейки водой поливают. А тут как раз дождь лягушачий закапал. Зачем же водой поливаться, если дождик и сам как из лейки льет?

Стали мы под дождиком как лягушата прыгать. Интересно это - облаков нету, а дождик идет откуда-то. Над головой солнце сплошное светит, а вокруг золотые капли падают. Они, наверное, от солнца отрываются и летят к нам на землю. Очень это хорошо по лужам прыгать в каплях солнца. Так хорошо, что даже трусов одевать не хочется. А в лицо уже радуга засветила. Интересно бы на нее за-

браться. Перепачкались бы все в краску наверное, а потом бы нас купаться повели. А дождик так и булькает, так и бьет по голове, весь мир золотыми каплями обвешан.

Вдруг что-то как грохнет, потом как треснет над головой, и засверкало все и потемнело вдруг, и солнце за тучищу спряталось. Испугались мы, в кучу сбились, жмемся спинами, а девчонки уже визжат.

Схватили мы одежду и, друг на друга наталкиваясь, в дом побежали с криками, так и ворвались в комнату без штанов. Совсем как команда бесштанная.

А здесь уже суп на столе испаряется,кисели в стаканах стоят. Обед сегодня с улицы в дом перенесли, не будем же мы суп с дождем есть.

Притихли все, в штаны одеваются. Сели за стол и первой ложкой себе рот весь ошпарили, так что кожа во рту сошла. Ленька в суп кисель подбавил, а не то соленый больно. Я тоже киселя хотел влить, да воспитательница его отбирает. Значит,после второго получим, а вначале суп хлебайте. Выхлебали первое, а за первым второе пошло, не в то горло попало. Кашляют все, а воспитатель по спинам колотит, потом опять кисели вернула,запивать чтобы селедку соленую.

Медленно мы кисели растягиваем, знаем, что после третьего мертвый час нас ждет.

Мертвый час - это не так страшно, как в первый раз нам послышалось. В мертвый час не умирают, а спят потому что. Это нарочно нам такой час придумали. Вначале я не знал про него. Думал, что ночь одна светлая, а другая темная бывает,а оказывается,все не так, оказывается,нарочно нас днем спать заставляют, чтобы мы не мешали воспитателям. Они ведь тоже между собой играть любят.

Лег я в кровать, а навозника моего и нету. Тогда я за ниточку потянул, и он опять очутился в кровати. Тут воспитательница с горшками пришла. На горшок всех зовет. Очень я хотел к горшку, но пойти побоялся. Увидит она жука моего и убьет на месте, или в горшок бросит, злодейка, куда накакали. Поэтому я лежать остался. Засунулся под простыню с головой и смотрю, как жук по мне ползает. Щекотит меня ноготками и в нос ползет,но толстый слишком, в ноздрю никак пролезть не может.

А за простыней вдруг шум послышался. Выглянул я, смотрю - Ленька на горшке заснул совсем. А Юрке не терпится,прыгает Юрка на месте и с горшка его спихивает, а не то опять описать грозится. А Леньке,может быть,нужно так долго сидеть, чтобы во сне в кровать не обкакаться. Потом ушел все-таки Ленька. Юрка его место занял. Не по-большому занял,по-маленькому - только брызги летят в разные стороны. А за ним и Лариска пошла. Не хочет Лариска по-девчоночьи садиться, тоже мальчишкой хочет быть. Расставила ноги, задрала рубаху и стоя сверху начала, да все по ноге течет. Тут воспитательница за горшками своими вернулась. Взяла горшки и,гремя ими, из комнаты вышла. Одни мы теперь остались. Вот здорово!

Юрка с постели вскочил, стал всех подушкой по голове лупить. В мертвый час мы всегда всех подушками лупим, но в этот раз я не дерусь,потому что жук у меня,навозник. Убьют еще.

Тогда и Юрка на место лег. Пальцем в носу ковыряет. До тех пор ковырял, пока кровь не пошла. Другие дети мух на окне раздавливают, а еще вытащат из подушки перо и в заднее место им втыкают. Некоторые зубы во рту расшатывают или чешут болячки, а остальные палец соленый в рот засунули и спять давно.

А по крыше дождик ходит и гром гремит. Две девчонки в одеяло с головой закутались и плачут там как кошки. Только Лариска одна хихикает. Дрыгает ногами и царапины показывает. Совсем ей не страшно, что гром гремит. И мне не страшно, хоть я под самым окном лежу. Комары по стеклу танцуют, мухи ходят вниз головой,а одна совсем с ума сошла - стала о стекло колотиться.

Вот и мне спать захотелось. Зажал я навозника в кулак, зажмурился и спать начал. Вдруг дверь скрипнула, опять воспитательница с горшками пришла, стала трясти меня и к горшку звать. Рядом с ней Лариска стоит. Задрала рубашку и все царапины мне показывает, а сама не хихикает, а плачет тихонько. А воспитательница ждет все, когда я начну, трясет за плечо и пальцем в горшок показывает. А я хочу очень, а начать не могу, даже страшно от этого, а она все трясет, ногтищами в плечо вцепилась. Не могу я писать, когда на меня смотрят, не льется из меня вода, и все тут.

А вот когда ушла, тут я и начал. Писал до тех пор, пока совсем не проснулся. Смотрю - страх какой! Я в кровати, рядом никакой воспитательницы нет,и тогда уже до конца стал дописывать. Все равно уже мало осталось.

Навозника своего я в голове нашел. Боялся,что раздавил,а он ничего себе, шевелится,только вошки желтые куда-то девались.

Я ему пальцем погрозил. Ведь это я из-за него описался. Так я никогда не писаюсь. Все писаются, а я нет. А вот с навозником я описался. В наказанье я его под подушку в наволочку запрятал, а наволочку на пуговицы стеклянные застегнул.

За окном уже дождь прошел, и солнце светит, а с окна паучище страшный на паутине свесился. Вот и хорошо,что я так проснулся, а не то бы кровь всю высосал. Хватит в описанности лежать. Вылез я из кровати, по комнате пошел. Вокруг тишина. Юрка спит, голову свесив. В ухо ему муравей заполз, а изо рта язык вылез и слюни на пол тянутся. Лариска лежит перевернутая, ноги на подушке, голова в ногах. Лежит и царапины во сне расчесывает.

[На этом пришедшая из самиздата рукопись обрывается]

Олегу Григорьеву сейчас около 37 лет. Закончил художественную школу при Ленинградской академии художеств. В советской печати появилась одна его книжка стихов и рассказов для детей "Чудаки". В начале 60-х годов я был одним из слушателей рассказа "Летний день", который автор читал друзьям по единственной имевшейся у него рукописной копии. Много раз за эти годы я вспоминал удивительно яркий и необыкновенный рассказ. У кого-то из друзей чудом сохранился экземпляр рассказа, и вот он дошел до нас, почти через два десятилетия - к сожалению, без конца. Но мы рады познакомить наших читателей хотя бы с той частью рукописи, что имеем.

А.Х.

Александр ОЧЕРЕТЯНСКИЙ

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ОСТАНОВКА

* * *

торжественно воспетое ничто
невесть зачем возвышенное нечто
страх постоянный изнурительный сосущий
и жалость к самому себе
и ненависть и ненависть слепая
и затяжные приступы тоски

беспомощность с оглядкой на мечту
каким-то чудом ухитрилась сохранить
свое наивное о жизни представление

* * *

- непредвиденная остановка -

ногой пнуть кусок (желательно) белого хлеба
пройти десять двадцать тридцать метров
остановиться
подумать
вернуться
поднять (двумя пальцами)
опустить в урну
мечтательно улыбнуться
отряхнуть руки
(дело сделано)
продолжать движение
(в том же темпе)
к намеченной цели

* * *

Мгновение под прессом между "от" и "до"
вчера и завтра завтра и всегда
в отчаянной последней может быть попытке удержаться от
падения убийства крика
его день день день каждый день день
от начала до конца висит больного жизнь на
волоске больной
находка для хирурга идиот
его конечно не поймет
он сам себе и врач и опухоль и скальпель протяженность

* * *

цветы
любовь
желание

быть лучше
быть чище красивее умней
осознанная жажда естества

разъять на части
лицемерить
засыпать пеплом
слезы лить
с энтузиазмом
делающим честь
любому прирожденному актеру

* * *

шум гам всегда в себе уверенных
людей торговля травля трескотня траги-
комедия жизнеспособных ситуаций
тревога трусость тишина
могильный холм
медлительный покой
мгновенный всплеск
мечтательность символика уход
подъем и спад лимон
однажды выжатый воскресший
вновь о себе о своей жизни заявивший невпопад
при виде празднично накрытого стола

* * *

дедушка с внучкой бабушка с газетой поэт
с кислой физиономией гражданин
с бутылкой пива воробьи
с веселым щебетом дворник
с метлой тишина

неопределенность монументальное
спокойствие отрешенность желание не
желательной лени тоска прострация утро
воскресное утро без будущего без
прошлого день первый день последний начало
конца надежда стойкость расшалившиеся
нервы неумение незнание неверие слабость
наличие сил
дар божий

* * *

одно прерывистое непрерывное целое
(жест чувство слово состояние)
тягучий шелест полный силы
железа лист железа кровельного лист слабо
закрепленный лист в буран в метель лист в бурю
в снегопад в непрекращающийся вой остервенелый
НЕ ЛИСТ ЗЕЛЕНЫЙ лист железа кровель
ного лист упорно монотонно шелестит стучит гро
хочет глухо поднимаясь опускаясь падает скреже
щет вновь не успокаиваясь передразнивая ветер
всей своей тяжестью всем грохотом всем сущест
вом своим оживший Змей Горыныч сказочный герой -
гипноз в соединении с фрагментом необнародован
ной музыки стерильно белого без примесей пятна

Александру Очеретянскому 33 года. Пишет с семнадцати лет, преимущественно стихи, однако в СССР никогда не печатался, несмотря на неоднократные попытки. Эмигрировал в конце 1979 года и сейчас живет в Нью-Йорке.

Михаил ГЕНДЕЛЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Ангелов сокрытолицых усталые кони влекли -
там -
за вѐками у горизонта -
его ресницы разъяв,
выкатывался Аллаха тигриный лик,
и гладила шкуру пустыни рука в перстнях.

День обокрал менялу,
за угол ночи свернул,
алой подкладкой плеща -
вот его след простыл...
Степенная пара грегорианских минут,
оборотясь к пустыне, свою бормочет латынь.

Мрак на тусклые угли наступит,
дурак хромой,
чертыхнется,
чтоб оступиться опять.
Долго еще Иерусалим будет раскачиваться над тьмой
на каменных неизносимых цепях.

Иерусалим 1978

* * *

Затем, Мария, что нейдут волхвы -
я поднесу по случаю явленья
вам - гороскоп соломенной вдовы -
и звезд - Ему, подобранных в селеньи,
или на холмах, где столь даль светла,
что из глазниц преполненных сочится,
или в долине, где перепела
свистали - а туман еще дымится,
и колокольцев отдаленнейших отар
невинный звон доносится: Мария!
И не поправив, эхо повторило
в тумане сонном в колокол удар.

Иерусалим 1979

* * *

Пес к ней приблизился руки лизать смирный -
белые она подставляла руки.
Посередине площади пили мы вермут -
это к разлуке - я говорил - это к разлуке.

Она повторяла: "К разлуке, и непременно.
Да вы и всё понимаете сами".
Но не пошли ей за это судьбы надменной.
Хотя и это наверное благо. Амен.

И говорю: "В Мертвом море есть мертвые броды.
Перейдя, и заказывают эту отраву,
И само море разливает мертвую воду,
настоянную по рецептам Вараввы".

"Что ж,будем пить и веселиться будем, - дама сказала, -
а если уж с джином - то жизнь эта точно к хамсину".
Псы собрались на площади перед вокзалом -
все как один оближут ей руки.

Жестоко, что дама приснилась в белом и немолодая.
Очередь псов собирается с нами выпить за верность.
Что сейчас будет - я угадаю:
будет хамсин на пути к Инферно.

Часов пробивается стебель в петлице вокзала.
Что ж, кавалеру и точное время разлуки - благо,
знаете сами.
"То есть - мы расстаемся, - она сказала, -
и, пожалуйста, вермута даме".

Что теперь делать с пьяною - не представимо.
Агнец пусть ей приснится, и будем гулять попарно
перед вокзалом "Инферно", где на проходящих мимо
небо шипит на плевки потолком пекарни.

И кавалеры все разумеют на идиш, как в Польше -
вот где уж точно не буду, по крайней мере,
я и вообще никогда больше, наверно, не буду,
кроме тех мест, где возит автобус на мертвое море.

Да,мы,погружаясь в Инферно,лишь возвращаемся аду.
Дамы, наверно, желают, чтобы случилось чудо,
но мертвое море колышет мерно Мертвую воду,
скверно, но я отсюда уже никогда не уеду.

И будем пить вермут и можжевеловку с запахом
северной жизни.
Дама сказала, что она больше не в силах и хочет сына.
Ах, если верность имеет значение в джине -
будем считать, что верен рецепт хамсина.

Ну а теперь о любви, о любви коварной,
ну а пожалуй - лучше за самый вермут.
Ну а теперь, когда мы подошли к Инферно,
выпьем за пса и будем вести себя смирно.

Содом 1978

Михаил Генделев родился в 1950 году в Ленинграде. Получил медицинское образование. Автор множества стихотворений и поэм. В России не опубликовал ни строки. В 1977 году уехал и сейчас живет в Иерусалиме. Военный врач Армии Обороны Израиля. В 1979 году вышла книга его стихов 1972-76 г.г. "Въезд в Иерусалим".

Рид ГРАЧЕВ

АДАМЧИК

РАССКАЗ

1

Адамчика подхватило с боков, мягко поддало сзади, и он очутился на асфальте. Он отпрыгнул. Мимо пронеслись люди,запахивая пальто, исчезли в тумане. Адамчик проводил их взглядом, покачал головой и сказал: "Ничего не понимаю!".

Автобус напустил на него душное облако, Адамчик чихнул и пошел подпрыгивая, шарахаясь от края тротуара к домам,легко и бесшумно, как летучая мышь. Он шел и думал, пытался понять, отчего так уютно было в автобусе и что происходит с людьми, когда они выпрыгивают на тротуар. Люди меняются, но как, где они лучше - в автобусе или на улице, - этого Адамчик не может понять.

Голова его ясна, он уже давно проснулся. Сонные лица в автобусе казались ему смешными. Он протискивался к двери, с удовольствием расталкивал податливые бока, потом пригрелся, прижатый к ватной спине, упругой, похожей на матрас. И вдруг - толчок, скрип двери, холодная сырость...

Однажды он ехал на работу вместе с тетей Верой,браковщицей. Она не заметила Адамчика, дремала, клевала носом воротник, а он стоял рядом и созорничал: ткнул тетю Веру в бок кулаком. Тетя Вера подняла голову, открыла глаза и так ласково улыбнулась,что Адамчику захотелось толкнуть ее еще раз, когда она закроет глаза.

Но та же самая тетя Вера, только включили конвейер, стала кричать: "Эй, там, осадка, давай ровнее!"

Адамчик знает, что брак на осадке непоправимый: осадишь неровно пружины - придется переделывать весь матрас. Но зачем кричать? - И он продолжал лихо накидывать шпагат на пружины,забав-

ляясь тем, что одни получаются коротышками,другие - долговязыми кривулями. Он видит сверху горловины пружин, похожие на кричащие рты, перекошенные, захлебывающиеся в крике, и сам вдруг закричал: "А-а-а-а!"

На него зашикали женщины: "Ишь, глотку дерет с утра!" А с дальнего конца конвейера кричала, надрывалась тетя Вера: "Осадка, ровнее! Ромка, смотри, буду рамки снимать!"

- А-а-а! Ух! - отвечал Адамчик, прыгая от одного конца рамки к другому, где надо пробивать гвозди. Тогда прибежала тетя Вера, оттолкнула его от конвейера, быстро, ловко стала осаживать пружины сама. Адамчик постоял, тронул ее за плечо: "Тетка Верка, пусти!"

Она подняла лицо от конвейера и посмотрела на Адамчика такими злющими глазами, что он вспомнил мать: она так же кричит на него, когда он поздно приходит домой. И у нее такое же красное и злое лицо.

Адамчик сказал: "Пусти, ну!" - и стал сжимать пружины так сильно, что витки прикоснулись один к другому и сделали пружины жесткими, как гвозди. Тетя Вера посмотрела немного, как он работает, тихонько отошла. Адамчик глянул искоса ей вслед и пробормотал: "Ничего не понимаю". Непонятно было то, как может лицо тети Веры так хорошо улыбаться в автобусе и быть таким злым на работе. Будто две разных тети Веры. А ругалась она за дело, потому что пружины надо осаживать ровно.

А тетя Вера кричала на кого-то в дальнем конце конвейера, очень далеко, и Адамчик перестал думать о ней, довольный тем, что она далеко, и напуганный расстоянием между двумя ее лицами - улыбающимся и злым. В этом расстоянии умещалось тридцать матрасных рамок и много женщин вдоль конвейера, сигнальный щит с белой стрелкой и тревожные вспышки сигнальных ламп. Адамчик знает, как трудно сделать одну рамку, как долго обрастает она шпагатной перевязью, холстом, взлохмаченной рогожей, ватой, прежде чем стать гладким полосатым матрасом.

Ему кажется, что думать так же долго и так же трудно.

2

Адамчик шел домой. Скользил по накатанным ледяным дорожкам, шарахался к витринам, пугая прохожих. В стекле отражался симпатичный молодой человек в серо-зеленом немецком пальто,в красном кашне и серой вязаной шапочке с козырьком. Адамчик поджимал губы, хмурился, казался себе серьезным. Он нес получку и думал о том, что мать потребует деньги за комнату. Поглаживая его по голове и щекоча ребра, она будет просить денег, а он, конечно, не даст, и тогда она устроит скандал на всю квартиру и будет кричать о том, что выгонит из дому.

Смотреть на свое отражение и одновременно думать о важных вещах неудобно, поэтому Адамчик шел боком, прыгал, забыв о том, что хотел быть серьезным, и очень скоро налетел на женщину, которая несла яблоки. Яблоки покатились по скользкому асфальту, как будто удирая одно от другого. Адамчик посмотрел и засмеялся.

Женщина крикнула:

- Хулиган!

Из школы выбегали третьеклассники. Они закричали хором: "Хулиган, хулиган!" - и стали помогать женщине собирать яблоки.

Адамчик обиделся. Под рукой у него появилась сбитая на затылок шапка с торчащим ухом и он осадил шапку вниз и немного от себя, как пружину. Мальчик упал, полежал немного на тротуаре и горько заплакал. Его розовый носик жалобно хлюпал. Адамчик нагнулся и поднял мальчика, потом шапку. Отряхнул ее о колено, надвинул на затылок. После этого мальчик изловчился и стукнул Адамчика в нос. Кругом закричали: "Хулиган, хулиган!"

И Адамчику ничего не оставалось делать, как уйти - чем быстрее, тем лучше.

Других происшествий по дороге не было, и Адамчик обстоятельно подумал о том, что раньше, года два назад, было все-таки лучше, можно было отдавать получку матери, иногда она даже готовила обед. Он хотел вспомнить, когда стал платить матери за ночлег, но не смог - казалось, что очень давно, когда он был еще маленький. Время, которое он помнил, делилось по крупным событиям. Начиналось оно с портрета Адамова, висящего в комнате на стене. Когда-то Адамов был отец, папа, но Адамчик помнил его как Адамова в солдатской гимнастерке на портрете. Потом шло время школы. Было где-то время матери и сестры Тани, оно тоже было давно и напоминало о себе снимком на той же стене. Потом началось время фабрики, и с тех пор все пошло колесом. Адамчик перестал понимать время.

Адамчик звонил у двери. Ему долго не открывали и тогда, когда он стал стучать. Он стучал ногами и руками, сидел на окне и снова стучал. Пришла соседка, удивилась: "Вы же переехали!"

- Куда? - спросил Адамчик.

Соседка посоветовала: "Сходи в жакт!"

В жакте паспортистка грозно улыбалась: "Пришел, шалопай! Мать не жалеешь, замучил совсем! Куда выехала? Так она же с тобой разъехалась. Ты же в общежитии живешь!"

- Ничего не понимаю! - сказал Адамчик и выбежал на улицу.

Он хотел есть и зашел в гастроном. Ленивой походкой прошел он вдоль прилавков, подмигивая молоденьким продавщицам. Продавщицы презрительно фыркали. В кондитерском отделе над горкой конфет в блестящей разноцветной фольге стояла крупная цифра. Адамчик выбил чек и сказал продавщице: "Самых дорогих!"

Девушка, ссыпая конфеты в кулек, поджимала губы.

В конце вечерней смены Адамчик пробрался в цех, выждал, пока все уйдут, и развалился на куче лыка. По радио передавали джаз, Адамчик покачивал ногой, глядел в потолок, давил между пальцами теплые конфеты, набивал полный рот и медленно глотал пахучий шоколад. Потом он подмигнул неподвижной стрелке на сигнальном щите, повернулся на бок и уснул.

Утром уборщица долго удивлялась, глядя на Адамчика, спящего на желтом лыке среди разноцветных бумажек, сияющих драгоценными камнями.

3

В конце месяца был аврал. На конвейере работали по восемь часов. Начальник цеха ежедневно отчитывался о выработке. Белая стрелка на щите двигалась чуточку быстрее,и чуть чаще вспыхивали красные сигнальные лампы. Это давало десять лишних матрасов в день.

Адамчик прыгал между краями рамки не быстрее, чем обычно. Он даже успевал присаживаться на ящик из-под гвоздей. Тетя Вера сама встала к конвейеру и не ругалась, если осадка была неровная.

После работы Адамчик болтался по цеху, катался смеха ради на конвейере, дразнил старушек. Начальник цеха поймал его за руку, остановил, снисходительно посмотрел сверху вниз: "Баклуши бьешь? А двадцать рамочек связать можешь?"

- Могу, - сказал Адамчик и встал к прессу.

Он стремительно богател. После шести часов работы ему платили вдвое - сверхурочные и на несовершеннолетие. "За молодость!" - говорил, подмигивая, начальник цеха и дружелюбно притрагивался к плечу. Скоро он стал самым богатым человеком в цехе.

По ночам, лежа на куче лыка, Адамчик пересчитывал деньги и мечтал купить мотоцикл.

На переплете получился прорыв, заболела бригадир Клава. Рядом с Адамчиком мастер поставил большую девушку в платье с открытой спиной. Раньше она была ученицей, копошилась на верстаке. Адамчик смотрел на нее издали, замечал неловкие движения, мокрые, сплошь голубые глаза, придавленный носик. Адамчик фыркал: "Плакса!"

Девушка очень старалась, но у нее не получалось, не успевала. Прибегал мастер, сердито сопел, на ходу конвейера прибивал гвозди. Адамчик поглядывал искоса, болтал ногами, сидя на ящике.

Во время первого перерыва девушка села на ящик и стала разглядывать свои пальцы. Адамчик подошел сзади, увидел свежие кровяные мозоли. Он посмотрел на свои руки. На ладонях была гладкая блестящая кожа - профессиональная кожа матрасников. Руки девушки отказывались грубеть.

- А ты перевяжи лентой, - неожиданно посоветовал Адамчик, вместо того, чтобы столкнуть девушку и забрать ящик.

- Да от этого только хуже, - вздохнула девушка.

- Не успеваешь? - спросил Адамчик.

- Нет, - сказала девушка, - почти успеваю. Только гвозди пока не успеваю. А ты почему две смены работаешь?

- А что делать? - похоже вздохнул Адамчик. - Мать из дому выгнала.

- Где же ты ночуешь? - спросила девушка.

- А здесь, в цехе. - Адамчик небрежно почесал в затылке.

- Нестриженый! - сказала девушка. - Хоть бы постригся! А почему она тебя выгнала?

- Да, говорит, хулиганю...

- А что она делает? - спросила девушка громко, чтобы слышали другие женщины.

- Не знаю, - тихо ответил Адамчик, - пенсию получает...

Вспыхнула красная лампа. Сквозь перестук молотков Адамчик с надеждой слушал, как перекатывается по конвейеру новость: "Адамчик в цехе ночует". "Ромку мать из дому выгнала..." "Что это за матери теперь..." "Начальнику нужно сказать..."

Девушка не отставала больше до конца смены. Рамки подъезжали к ней с аккуратно вбитыми в борт гвоздями. Адамчик не успевал присаживаться на ящик.

Новость докатилась до конца конвейера, перескочила в конторку, и начальник цеха в пересменку сказал Адамчику: "Что же ты молчал? Это же просто делается: вызовем и прописать заставим".

Мать пришла во время работы, долго кричала в конторке, начальник вызвал Адамчика, объяснил ему, что надо перестать хулиганить и начать уважать мать. Мать оставила новый адрес.

В комнате она сказала: "Десятка в сутки,а то в цех ночевать пойдешь".

Адамчик сощурился: "Трешка, а то снова начальник вызовет!"

Сошлись на пяти рублях.

На следующий день девушка по-прежнему отставала. Напрасно она вздыхала и поднимала над конвейером красные опухшие руки. Адамчик не смотрел в ее сторону. Он ждал, чтобы она заговорила, но девушке было не до него.

4

Адамчик бродил по галерее Апраксина двора, держался руками за карманы. В карманах пиджака лежали деньги. Он с презрением отворачивался от глупых манекенов, довольных своими пальто и костюмами. Он давно уже мог войти в магазин, но не решался,стоял у входа. Люди выводили на улицу мотоциклы, оглядывались по сторонам, улыбались как манекены - счастливые, искали сочувствия. Подмигивали Адамчику, и он с готовностью улыбался. "Ну, - взбадривал он себя, - ну же!"

Он набрал полные легкие воздуху и нагнул голову, чтобы нырнуть под арку, но в тот же миг кто-то положил руку ему на плечо. Адамчик оскалился. Перед ним стоял человек, чем-то похожий на начальника цеха, немолодой, полный, серьезный. Главное,в хорошем костюме - не выпивоха. Костюм успокоил Адамчика.

- По дешевке, - с ходу сказал человек. - Ничего не поделаешь, уезжаю в Воркуту. Давно уже стою, жду покупателя поприличней. Смотри, совсем новый.

Человек взял Адамчика под руку и подвел к мотоциклу, стоящему у края тротуара.

- Смотри, на ходу, с номером. Права у тебя есть?

У Адамчика заблестели глаза. "Нет..." - вздохнул он.

- Ну, ничего, - успокоил человек. - Сдашь, получишь. Смотри пробег - всего полторы тысячи, только мотор приработался.

Он перекинул ногу через седло, ноги оказались длинные,в легких кожаных туфлях. Сидя, нажал несколько раз педаль стартера. Мотор мягко затарахтел на малых оборотах. Адамчик погладил теплое крыло.

- Выкладывай четыре, - спокойно сказал человек и слез с мотоцикла.

Пока Адамчик считал деньги, человек достал из кармана бумаги и протянул ему: "Держи документы. Вот квитанция. Куплен в этом магазине..."

Левой рукой он принял у Адамчика деньги и сам положил ему бумаги в карман пиджака.

Под ухом Адамчика взревел мотоцикл. Перед глазами качнулся светлый пиджак с голубым значком.

- Стой! - крикнул Адамчик и боднул человека в живот.

- Что - ты! - сказал человек, хватаясь за живот. - А! Что?

- Вот... - сказал Адамчик, махая руками. - Вот...

Там, где только что стоял мотоцикл, расползались по асфальту маленькие масляные пятна.

- Не уйдет! - уверенно сказал человек и стиснул Адамчику плечо. - Смотри! Он куда?

- Не знаю... - ватным голосом проговорил Адамчик.

- А, понял! Туда! - радостно крикнул человек и показал рукой в сторону улицы Дзержинского. - Бежим!

И кинулся вперед, расталкивая прохожих. Адамчик бежал следом, перед глазами мелькали новые кожаные подошвы. Подошвы удалялись.

На перекрестке человек легко развернулся, взметнулись голубые полы пиджака. Он промчался, выбрасывая далеко вперед длинные ноги,и махнул на бегу Адамчику рукой, подзывая к себе.

Когда Адамчик добежал до угла, человека уже не было видно.

- Эй, - крикнул Адамчик. - Человек!

Мелькали чужие розовые лица.

- Челове-е-ек! - кричал Адамчик.

Его хватали за руки.

- Человек! А-а! Человек!!!

Нависал над плечом жаркий автобус.

- Челове-е-ек... - хрипел, замедляя шаги, Адамчик. По лицу текли, обжигая кожу, слезы и пот.

- Да стой ты, чудак!

Прохладными руками его держала нарядная обойщица Валя. Из общежития рядом с фабрикой выходили нарядные девушки. Окружили Адамчика, засмеялись. Поправляли ему воротник рубашки, вытирали платочком лицо.

Адамчик молча вырывался, кусал губу, чтобы остановить слезы.

- Подрался, Адамчик, ну скажи! - приставала Валя. - Ну, не плачь, пойдем с нами в Русский музей.

Его подхватили под руку и потащили, смеясь.

- Пустите, ну! - Адамчик оскалился и ругнулся матом.

- Что ты? - испуганно спросила Валя. - При девчатах...

- Пустите... - шепотом сказал Адамчик и заплакал.

Он вернулся к магазину. Постоял, кусая губы, перед аркой. Люди выводили на асфальт мотоциклы. Оглядывались. Счастливые искали сочувствия. Блестел металл. Фары ловили солнечные зайчики.

На асфальте подсыхали расплывшиеся масляные пятнышки. Адамчик кусал губы.

- Кореш, велосипед с моторчиком не надо?

Адамчик смерил подростка глазами. Мятые брюки, стоптанные сандалии. Подросток вороватo оглядывался на прохожих, придерживал пиджак ладонью, будто держал велосипед за пазухой.

- По дешевке? - спросил Адамчик.

- За шестьсот, - радостно подтвердил подросток.

Адамчик примерился и выбросил кулак. Удар пришелся точно в челюсть.

- Ой, - сказал подросток и закрыл лицо руками.

- По дешевке, по дешевке! - объяснил Адамчик, стараясь попасть в нос, в розовый кончик ладонями.

- В ухо дай, в ухо!

Вокруг собралась толпа. Подросток отнял ладони от лица и заплакал. Дергался кончик носа, подрагивали большие уши.

- Бежим! - сказал Адамчик, хватая его за руку.

- Ты думал - я жулик, - оправдывался на бегу подросток, - а я не жулик, нет, вот увидишь. На мотоцикл коплю, немного осталось.

- Ты смотри, с рук не покупай, - мрачно посоветовал Адамчик.

Подросток, задыхаясь от волнения, вывел во двор велосипед. Крутанул педаль. Моторчик затрещал на весь двор, синий дым поплыл к солнцу.

- Керосинка, - фыркнул Адамчик.

- Ракета, - поправил подросток. - Сорок миль в час. Только газ сразу не включай, передачу сорвешь.

Адамчик отсчитал деньги и вскочил в седло.

- Стой! - крикнул подросток.

Адамчик, не слезая с седла, осторожно оглянулся.

- Чего тебе?

- Купи зажигалку... Сорок.

- Давай, - сказал Адамчик.

У подростка загорелись глаза.

Адамчик оттолкнулся.

- Стой, - крикнул подросток. - Купи шарфик.

- Давай, - сказал Адамчик.

- Тридцать.

Адамчик запихнул полосатый шарф в карман и сделал круг по двору.

- Стой, где ты работаешь? - кричал вслед подросток. - Как зовут?

- На мебельной, - крикнул Адамчик. - Роман.

- А я в Гостином, - кричал подросток. - Генкой зовут, Ге-е-енкой!

Отъехав немного, Адамчик остановился, слез с седла, потрогал обод, свечу, горячие ребра цилиндра. Зажигалка зажигалась, шарфик был мягкий, полосатый и заграничный.

- Ничего не понимаю... - буркнул Адамчик и затарахтел к дому, с удовольствием нюхая синий дым.

5

Вечерами на маленькой асфальтовой площадке около Медного всадника кружились бесплотные тени. Сливались в дрожащие круги

спицы, тонко шуршали колеса. Тени сталкивались и разбегались, круто поворачивались и вились рядом, почти касаясь друг друга, как вечерняя мошкара.

Адамчик всматривался. Зыбким движением колес управляли смуглые литые ноги. Ноги сливались с педалями в стремительном коротком разбеге, легко взлетали вверх, на вилку руля, свешивались, безучастные, по одну сторону седла. Тени выпрямлялись, вскрикивали. Легкие машины становились на дыбы, прижимались к асфальту в опасных крутых разворотах. Это был пилотаж высшего класса.

Сырой ветерок от воды забирался под майку. Адамчик ежился, завидовал.

Он снял моторчик и стал тренироваться во дворе. Тяжелая дорожная машина падала, вырывалась из рук. Отказывалась сделать обыкновенную маленькую восьмерку вокруг колеса. Адамчик научился падать через руль на руки, чтобы не разбивать лицо и колени, ходил, раскрашенный лазоревыми пятнами. К концу лета он научился делать маленький круг, сидя спиной к рулю. Вечерами разглядывал ноги, разминал мышцы. Ровные, смуглые от природы и от солнца, без единой царапины ноги властно опускались во сне на педали. Вертелся прозрачный диск. Свистели шины. Наклонялось тело, - машина делала крутой разворот, как на треке. Адамчик метался во сне и падал в темноту.

Он пристроился в хвосте колонны, лениво, уверенно выезжавшей на площадку. По краям, у ограды сада, у набережной медленно плыли лица зрителей. Колебались светлые платья. Сердце Адамчика тревожно стучало. Восьмерки, повороты, крутые виражи. Делалось горячо внутри. Ноги плавно поднимались, перелетали на одну сторону, свешивались, сильные, безучастные.

Широкие круги спиной к рулю, резкие проходы перед чужим колесом. На площадке становилось свободнее, Адамчику хотелось лететь. Он проносился мимо светлых платьев, прямой, гордый, раскинув летящие руки. Прислушивался к восхищенному шепоту.

Поворот почти под прямым углом. Впереди, на сиреневой скале, тяжелый коричневый всадник взлетел на огромном коне, выкинул руки, останавливая Адамчика.

Адамчик вскрикнул, откинулся назад и взлетел на дыбы. Внутри горело, рвалось, кричало. Он выкинул руку, чтобы уравновесить движение,и приближался к всаднику, приближался. Он смотрел на зрителей, победитель, герой. Внутри кричало так, как должны сейчас кричать светлые платья, спокойные ноги над цветниками.

Всадник повелительно качнул рукой. Качнулся сенат, опрокинулось розовое небо и придавило Адамчика к асфальту крутящимся колесом. Обожгло руку. Над головой просвистела машина.

Адамчик приподнялся на локтях, обвел взглядом светлые платья. Никто не смеялся.

Он ушел подальше к набережной. Злобно вдавил ногу в педаль. Пронесся мимо всадника, не глядя. Горело лицо. Ветер сушил маленькие злые слезинки.

Легкие машины прошли гуськом. Бронзовые ноги лениво нажимали на педали. Адамчик согнулся над рулем. Равнодушно удалялись ноги, перетянутые ремешками. Адамчик оскалился.

Впереди, рассевая свет, возникли четыре фигуры. Адамчик откинулся. Поздно. Беззащитные руки взлетают косо. Нельзя. Адамчик резко бросил тело в сторону.

Теплые ладони, темные руки, черные лица, белые воротнички. За спиной уже свистели. Черные безволосые лица. Белые улыбки.

Милиционер вежливо взялся за разбитый локоть Адамчика. Перед глазами бабочкой вспорхнула квитанционная книжка. Адамчик оскалился.

Черные люди засмеялись.

- Руски молодец, кхарашо! - сказал один. - Жантий гар!

- О, не,не, - сказал второй, - нон, не нада, пожалуйста. - И показал милиционеру, чтоб тот спрятал книжку.

- Вас понял! - сказал милиционер и отошел в сторонку.

Адамчик осторожно оглянулся.

Черные люди снова засмеялись.

- Вит,вит, вело! - Черный человек помахал в воздухе руками, показывая, как нажимают на педали. - Работа, рабочи?

- Да, да. - Адамчик улыбнулся и закивал головой. - А вы кто? кто? - Он ткнул пальцем в черный пиджак человека.

- О, мы - Сют, Африк, Африка! - ответил черный человек. - До свиданя.

Все черные люди пожали по очереди руки Адамчика.

Адамчик медленно пошел сзади. У клумбы стоял милиционер.

- Кто они? - спросил Адамчик тихо.

- Чего тебе? - сказал милиционер.

- Ну, кто эти ребята, негры?

- Ребята... - милиционер засмеялся. - Это министры, а не ребята...

- Министры... - пробормотал Адамчик. - Они же молодые...

- Вот и молодые, - обидно сказал милиционер. - Не то что шалопаи. Жмут на педали и по сторонам не посмотрят.

Министры входили в вестибюль "Астории".

- Ничего не понимаю, - прошептал Адамчик, глядя им вслед.

6

- Кореш, стой.

Адамчик оглянулся. У ворот фабрики стоял Генка, пряча в воротник вздрагивающие уши.

- Привет!

- Привет.

- Пошли?

- Пошли.

- Хана, - сказал Генка. - Все.

- Купил мотоцикл? - спросил Адамчик.

- Хана, - вздохнул Генка. - Обчистили. Позарился на дешевку.

- С рук покупал?

- С рук... - вздохнул Генка. - Все, заметано. Люди - гады.

- Гады, - согласился Адамчик.

- Слушай, продай зажигалку...

- Какую? - спросил Адамчик.

- Ту самую.

- Бери, - согласился Адамчик.

Генка отсчитал деньги.

- Слушай, - сказал он, - купи кепи.

Адамчик потрогал заграничную подкладку.

- Восемьдесят.

- Давай...

Свидания назначали в день получки, в садике при Адмиралтействе, у фонтана.

- Купи ремень! - говорил Генка. - Купи цепочку. Продай кепи. Купи пистолет.

Пистолет оказался воздушный. Стрелял пульками, как ружья в тире.

Адамчик с первого выстрела разбил фонарь. Стекло приятно звенело на асфальте.

- Продай пистолет! - попросил Генка.

- Не продам! - ответил Адамчик и нацелился Генке в глаз.

По дворам ходили вместе. Стреляли по очереди. Стекла разлетались по-разному. Лучше всего оказалось стрелять сбоку, вскользь. Стекло вылетало начисто. Но это было трудно, пули часто попадали в переплет.

Распахивались окна. Стучали двери. Сверху неопасно кричали.

- У-у-у! Эх! - отвечал Адамчик.

Генка вторил: "Гады-ы-ы! Эх!"

Приятнее всего было убегать.

Жизнь была веселая.

- У-у-у! Эх! - кричал на конвейере Адамчик.

С другого края надрывалась тетя Вера: "Осадка, ровнее. Буду рамки снимать!"

- Тетка Верка, купи зажигалку! - кричал Адамчик. - Продай зуб!

Свиданья по-прежнему назначались у фонтана. Адамчик приходил раньше от нечего делать. Бегал вокруг фонтана,чтобы согреться. У скамеек ползали разноцветные дети. Адамчик останавливался, смеялся.

- Не трогай, пожалуйста, моих чертежей, - попросил его тихий голос. Адамчик посмотрел вниз. Он стоял на круге,похожем на велосипедное колесо.

- Это не я первый сказал, - объяснил толстый мальчик в сером пальто. - Это в древности сказал Архимед.

Адамчик прыгнул в сторону, глядя на розовые щеки. Черные глаза мальчика виновато мигнули.

- А что это? - спросил Адамчик.

- Это - очень интересная теорема, и я пытаюсь ее решить, - объяснил мальчик.

- Получается? - спросил Адамчик.

- Пока нет. Хочешь мне помочь? Из точки А к центру окружности проведена прямая...

Мальчик нагнулся со скамейки и показал резной палочкой радиус на чертеже.

- Стильная трость, - сказал Адамчик.

Мальчик поднял глаза и виновато улыбнулся.

- Прости, ты что-то сказал?

- Где тросточку достал? - спросил Адамчик.

- А-а, я вырезал ее сам. Тебе нравится?

- Да, - сказал Адамчик. - А у меня есть пистолет. Вот...

Мальчик подержал пистолет в руках.

- Воздушный, - сказал он. - На десять метров бьет точно в цель.

- У тебя есть? - спросил Адамчик.

- Нет, - виновато признался мальчик.

- Купи, - неожиданно предложил Адамчик.

- Видишь ли, - сказал мальчик, - у меня нет денег, я ведь еще не работаю, и потом, я не знаю, что с ним делать.

- Стекла бить, - подсказал Адамчик.

- А зачем бить стекла? - смущаясь спросил мальчик. - Ведь сделать стекло трудно, - я был на экскурсии на заводе. И еще, когда я нечаянно разбил форточку, в комнате было очень холодно... А ты уже работаешь?

- Давно, - сказал Адамчик. - Продай тросточку.

- Возьми, пожалуйста, - сказал мальчик. - Я сделаю себе другую.

- За так? - спросил Адамчик.

- Я тебе дарю, в честь знакомства, - сказал мальчик. - И, прости пожалуйста, я очень тебя прошу: не бей, пожалуйста, стекла. А теперь до свидания. Я дежурю по кухне. Надо разогреть ужин.

- Сам стряпаешь? - крикнул вдогонку Адамчик.

Мальчик остановился и объяснил: "Мы стряпаем по очереди: неделю папа, потом мама, потом я. До свидания". Мальчик улыбнулся и махнул рукой.

- Ничего не понимаю... - сказал Адамчик, размахивая резной тростью.

- Эй, стой!

От калитки бежал Генка. Он запыхался. Уши таинственно дрожали.

- Слушай, - сказал он, - продай пистолет. Ведьму нашу на работе хочу напугать.

- А зачем? - спросил Адамчик.

- Ну, ведьма, - объяснил Генка. - Надо ее попугать. Стильная тросточка... Продай?

- На пистолет, - сказал Адамчик, размахивая тросточкой.

- За сколько? - спросил Генка.

- Ни за сколько, - объяснил Адамчик. - За так. В знак... знакомства. А теперь до свидания. Стекла только не бей... без меня.

- Стой! - крикнул Генка. - Купи портсигар!

Адамчик надвинул Генке на лоб иностранную кепку:

- Эх, ты, уши...

7

После восьми вечера по улице Дзержинского ходят девочки. Прозрачными стайками перелетают с тротуара на тротуар и весело пищат. Адамчик притаился в проезде у фабрики.

Девочки вылетали на свет, останавливались, шептались, осторожно поглядывали в темноту, делали глазки - кокетничали сами с собой.

Адамчик думал, что с ним, и поправлял шарф. Потом догадался, что стоит в тени, вышел под фонарь. Девочки перестали останавливаться. Они проносились мимо молча и только потом немного смеялись, а иногда и оглядывались.

Адамчик поправлял шарф. Девочки убегали.

Наконец, две девочки остановились рядом с ним и стали по очереди завязывать шнурки. Одна загораживала от прохожих другую. Одна была беленькая, другая - рыженькая. У одной была синяя вязаная шапочка, у другой - красная.

Адамчик помахал рукой. Девочки хихикнули.

Когда он поравнялся с ними, девочки подняли головы и внимательно посмотрели ему в глаза. Он остановился, а девочки медленно прошли вперед, так медленно, что Адамчик двинулся следом.

Девочки шли быстрее: Адамчик разгонялся. В глазах мелькали шапочки. Девочки останавливались в тени, и Адамчик проскакивал вперед. Девочки смеялись и догоняли его. Шли сзади. Ему казалось, что они дышат и шепчутся под ухом. Оглядывался. Девочек не было. Впереди раздавался смех. У него кружилась голова. Он хотел догнать шапочки и стукнуть. Нет, даже не стукнуть. В ушах рассыпался смех.

Сворачивая во двор, девочки помахали Адамчику. Он долго еще стоял во дворе, но смеха больше не слышал.

Тогда он вышел и стал читать газету. В глазах прыгали жирные черные слова: "тунеядцев-паразитов", "арестованы".

На улице стало очень плохо, но Адамчик не знал, куда пойти. Хотелось кого-нибудь стукнуть - просто так, ни за что.

- Газетку читаешь?

Адамчик оглянулся. Лучший обойщик Юрка, взрослый и красивый, приятно улыбался.

- Плохое настроение, малыш?

Адамчик кивнул.

- А у меня хорошее, - похвастался Юрка. - У меня всегда хорошее, правда? Пойдем к Яше, поставлю стаканчик!

- Да не хочу! - сказал Адамчик, но Юрка взял его под руку и повел.

- Ты не читай газеты, - говорил по дороге Юрка. - Я так совсем не читаю, чтобы настроение не портить. Вечно кого-то ругают. Читаешь - будто сам виноват.

- Новенький, - сказал Яша, наливая в стаканы портвейн. - Первый раз вижу.

- Это наш, - объяснил Юрка, - Адамчик.

- Ну, что ж, доброго пути! - сказал Яша, подвигая стаканы. - Будем встречаться лет двадцать, если не случится войны.

Адамчик выпил портвейн и поморщился.

- Не нравится? - спросил Юрка.

- Не люблю... - признался Адамчик.

- А я люблю, - сказал Юрка, поглаживая горло. - Что у тебя такая кислая морда?

- Не знаю... - сказал Адамчик.

- Наверно от природы. Все люди от природы или веселые, как я, или кислые. Хоть на улице посмотри. Одни идут улыбаются,другие чуть не ревут.

Юрка заказал еще стакан и выпил, глядя на Адамчика.

- Везет мне, малыш, - весело сказал он. - Уж так везет,только не умею пользоваться. В тот месяц двенадцать матрацев поднял, по три часа работы. Посчитай, сколько,если по восемьдесят.

- Девятьсот шестьдесят! - сообщил Адамчик.

- Вот именно! И работы такой - сколько хочешь!

- Халтура... - мрачно сказал Адамчик.

- Ну, я не брезгую. И девки меня любят. На той неделе пять адресов записал, сейчас к одной пойду.

- Беленькая? - спосил Адамчик.

- Наоборот, черненькая. А ты беленьких любишь?

- Не знаю, - сказал Адамчик. - Никаких...

- Так и знал, - что кислятина, - сказал Юрка. - Ну, ладно, пока молодой, дело поправимое. Давай руку.

Он обхватил запястье Адамчика пальцами,нащупал пульс и объяснил:

- У меня импульсы. Сам Куни сказал. Я ему матрас поднимал. Вот сейчас скажу, что ты думаешь... Так, погоди,что-то не улавливаю...

- А я не думаю, - сказал Адамчик.

- Так ты давай думай, а то не получится! - Юрка крепче сжал Адамчику запястье и наклонился, будто прислушиваясь.

- Не получается, - вяло сказал Адамчик. - Ты другое обещал.

- А, развеселить! Ну, давай. Смотри мне в глаза!

Адамчик смотрел на хитрые Юркины глаза, на лоб с залысинами, на сочные губы. Захотелось стукнуть, как на улице.

- Ну, чувствуешь что-нибудь? - спросил Юрка. - Да смотри мне в глаза! Улыбайся! Ну, чувствуешь?

- Ничего не чувствую, - сказал Адамчик. - Пусти.

8

Адамчик молчал. Кричала с дальнего конца конвейера тетя Вера, но он все равно молчал. Пружины качались, немо разевали рты. Низенькие, высокие, кривые, прямые пружины уползали в красных вспышках сигнальной лампы, и Адамчик набрасывался на следующие.

- Осадка! Ромка! С ума спятил! - надрывалась тетя Вера.

В перерыве она подбежала к Адамчику, хрипела, махала руками, молча грозилась. Наливалась краснотой - вот-вот лопнет. Адамчик зло щурился.

- К начальнику пойдешь! - выдавила тетя Вера и убежала,возмущенно тряся головой.

- Что ж ты, парень молодой, сильный, и так не творчески работаешь? - сказал начальник цеха.

Адамчик смотрел на кошку. Кошка нюхала арифмометр.

- Не понимаю тебя, - говорил начальник цеха. - То стараешься, а то из рук вон. Что с тобой происходит, скажи на милость?

Кошка терлась боком об арифмометр.

Адамчик засмеялся и сказал:

- Не знаю.

- А кто же за тебя знать будет? - спросил начальник. - Что же ты смеешься? Я с тобой как со взрослым разговариваю.

- Ничего, - сказал Адамчик. - Кошка...

- Ну что мне с тобой делать? - спросил начальник.

- Ничего, - подсказал Адамчик, глядя, как кошка трогает лапой карандаш на столе.

- Ничего-ничего, - сказал начальник. - Вот переведу в подсобники, так по-другому заговоришь.

- Не переведете, - успокоил его Адамчик. - На конвейере стоять некому.

- Погоди-погоди, и до тебя доберусь, - угрюмо сказал начальник.

- Погожу, - согласился Адамчик.

Кошка на столе нюхала чернила и морщилась.

Адамчик фыркнул.

- Ступай, дурохвост...

Тетя Вера шутя, но сильно стукнула Адамчика по затылку. Ему стало совсем весело.

- Тетка Верка, зуб выбью! - пообещал Адамчик и засмеялся. Жить снова стало смешно.

- Да постой ты, постой, дурень!

Адамчик остановился. Сунул руки в карманы пальто,качался на каблуках, строил рожи, пока тетя Вера не подошла.

- Слушай, Ромка, я с тобой по-человеческому,как мать... Пойми ты Бога ради: каждый день мастера посылаем матрасы переделывать. Покупатели ругаются, а у меня сердце болит. Людям же на них спать! Да ты пойди посмотреть в магазине - плачут,а берут.

- Пойду, посмотрю! - сказал Адамчик. - Тетка Верка - привет!

В магазине перед полосатыми прямоугольниками прыгали люди, махая руками.

Адамчик смотрел сквозь стекло витрины, улыбался. Люди трогали матрасы, качали головами.

- Все равно купишь, - ехидно думал Адамчик, глядя, как человек стоит у матраса и чешет в затылке.

- Ой, какой хорошенький мальчик!

Адамчик поднял голову.

Молодая тетя с клетчатой сумкой смотрела на него, забавно улыбаясь.

- Почему ты такой хорошенький? - спросила она.

- Не знаю, - сказал Адамчик, улыбаясь, и подумал: "Не тетя, но и не девчонка".

- А я знаю, - сказала она. - У тебя хорошее настроение. Ты стоишь и не знаешь, что тебе делать, правильно?

- Правильно, - согласился Адамчик. - А ты чего тут делаешь?

- О! Какой смелый! Сразу на "ты". А если я старушка? А если я замужем?

- Не старушка... - сказал Адамчик, краснея.

- Не стесняйся, - сказала она. - На "ты" так на "ты". Я веселая. Конфетку хочешь?

Она вынула из сумки горсть конфет в блестящих разноцветных бумажках, высыпала их Адамчику в карман.

Адамчик уставился на белые остроносые туфли и не знал, что делать дальше. Она жевала конфету и давилась от смеха.

- Ну, что теперь будем делать? Я ведь не просто так сюда пришла.

- А зачем? - спросил Адамчик.

- Вон за той полосатой штукой! - Она махнула рукой в сторону витрины.

- За матрасом, - понял Адамчик.

- Вот именно, - сказала она, любуясь его шарфиком.

- Вы артистка? - спросил Адамчик, глядя на легкую шубку.

- Вот и не угадал, - сказала она. - Артистка такое страшилище покупать не станет. У нее больше вкуса и больше денег.

- А кто вы? - спросил Адамчик.

- Я философ, - сказала она. - Только ты не пугайся. Я веселый философ. Ну, пошли.

Она долго ходила в задумчивости у матрасов, потом тронула Адамчика рукой в перчатке за рукав: "Как тебе нравится вот этот бегемот? У него хоть полоски зеленые, а?"

Адамчик потрогал матрас и сказал: "Нет, это брак".

- Ты уверен? - спросила она, поглаживая Адамчика по рукаву. - А вот этот?

Адамчик потрогал и поморщился.

Она вопросительно вскинула брови и, увидев, как Адамчик морщится, тоже поморщилась.

Они ходили от матраса к матрасу, смешно морщились и смешно смеялись, понимая друг друга.

- А ты,я гляжу, специалист! - сказала она.

- По браку, - ответил Адамчик.

- Ой, он остроумный! - Она поправила Адамчику шарф. - Ну,вот этот, наконец?

- Можно, - сказал Адамчик, потрогав туго натянутое полотно.

- Страшный какой крокодил... - сказала она, кусая губы.

- Зато крепкий, - уверил Адамчик.

- На нем можно с ногами?

- Можно.

- И думать на нем можно?

- Можно, - сказал Адамчик.

- В самом деле остроумный! - рассмеялась она. - Теперь разделим обязанности: я плачу, а ты несешь. Согласен? Тут два шага.

- Согласен.

Адамчик подхватил матрас и взвалил его на спину, как грузчик на фабрике.

- Идем, - скомандовала она. - Туда, туда, потом сюда, а потом туда. Донесешь?

- Донесу, - сказал Адамчик.

Она шла быстро, резко махая клетчатой сумкой, Адамчик едва поспевал.

- Тяжело? - спрашивала она. - Отдохни. У, какой некрасивый! У меня даже настроение испортилось. Натянут криво, гвозди торчат. И кто только их делает? Наверное, страшно злые и ленивые люди, а? Ты не устал? Сейчас придем. Сюда, во двор.

- А теперь самое трудное, - говорила она, придерживая дверь. - Теперь на пятый этаж. Философы теперь живут на чердаках. Донесешь?

- Донесу,- сказал Адамчик хриплым голосом.

- Представь себе, что ты - Исус Христос, - говорила она, поднимаясь впереди. - Ты несешь свой крест. А вокруг тебя римляне, иудеи. И ты... не устал?.. И ты несешь его на Голгофу (это гора), а они тебя бьют, смеются над тобой, издеваются. А потом... а потом они распнут тебя... на кресте, то есть на этом крокодиле, распнут меня на этом полосатом... Ой, я болтаю. Хочешь, отдохни? Нет? Ну, тогда неси... неси свой крест, мой хорошенький мальчик с улицы... в красном шарфике...

- Красивая... - думал Адамчик, глядя, как под шубкой плавно переливаются высокие бедра. - Надо адрес записать.

- Стоп, - скомандовала она. - Поставь к стене. Устал, бедненький... - Она сняла перчатку и погладила Адамчика по лицу. Достала из сумки сладко пахнущий платочек, вытерла ему лоб. Потом зазвенела ключами и распахнула дверь. Адамчик заглянул в темный коридор.

- Ой, нет, сюда не надо, - торопливо сказала она. - У нас тут страшно. И где-то должна быть своя рабочая сила.

- Сила, эй! - крикнула она в коридор. - Приехал матрас!

Вдали хлопнула дверь.

- Ой, - сказала она и застучала каблуками в темноту. Адамчик слышал, как она остановилась, и какой-то невнятный шепот, шелест. На площадку вышел сильный парень с гладкой короткой прической, взглянул вопросительно на Адамчика, неумело подхватил матрас за край и поволок его в темноту.

Дверь захлопнулась.

9

- Ромка, в лыжную секцию хочешь? Будешь играть в шашки? Пойдешь с нами в театр музкомедии?

Почти каждый день подходит к нему обойщица Валя, всегда с блокнотом и карандашом в руке. Спрашивает официально. Она теперь комсорг цеха.

- Ну, а пойду, так что? - спрашивает Адамчик.

- Ничего, тогда запишу, - говорит Валя, размахивая блокнотом.

- Ну чего ты ко мне пристала? - кричит Адамчик, пытаясь ущипнуть Валю. - Запиши меня целоваться!

- Да не умеешь, мокрохвостый! - сердито отвечает Валя и убегает, размахивая блокнотом.

- Ухаживает она за тобой! - смеется бригадир Клава. - Смотри, Ромка, женит на себе.

- А пусть! - говорит Адамчик. - Я согласен.

- Да она грамотная, - смеется Клава, - в школу ходит. Она на тебя, неуча, и не посмотрит.

- Посмотрит, - говорит Адамчик, - вот увидишь!

И ходит провожать Валю от проходной до общежития - три минуты шагом, одна бегом.

- Хочешь, Валь, в школу запишусь?

- Мне-то что - записывайся. Сам умнее будешь.

- А хочешь, поцелую?

- Иди,козявка!

- Валя, а что ты в школе проходишь? А скажи что-нибудь умное?

- Знаешь, как эта улица раньше называлась?

- Нет...

- Гороховая...

- Ага...

- Ромка,получишь по рукам. А какой литературный герой здесь жил?

- Скажи.

- Здесь жил Обломов.

- А что он делал? Он у нас работал?

- Ой, Ромочка... Он был барин, а фабрики тогда еще не было.

- Барин... А что он делал?

- Ничего. На матрасе лежал.

- Он думал?

- Нет, кажется, не думал. Просто лежал.

- Валь, а хочешь, я тебе мысль скажу? Знаешь,для чего у человека ногти?

- Нет...

- Для молотка. Чтобы бить. И чтобы не больно.

- Ромочка, как же не больно, когда больно?

- Хитрая, а если бы ногтей не было? Тогда еще больнее...

- Ой, Ромочка, голова садовая... Умница ты моя...

И Валя гладит Адамчика по голове, - совсем не так,как он хочет, обидно.

- Ну, как? - спрашивает на конвейере Клава. - Присох?

- Отстань! - кричит Адамчик. - Стукну!

- Ромочка, мы идем добровольно сдавать кровь! Тебя записать?

- Записывай! - сказал Адамчик.

В институте переливания крови белые стены пугали. Пугала тишина.

- Ой, Ромочка,боюсь! - шептала Валя.

- Ничего, не бойся, - успокаивал Адамчик. - Видишь, написано: безвредно для организма.

Женщина-врач выслушала Адамчика и измерила давление.

- Молодец! - сказала она. - Только почему ты такой худой? Мама не кормит?

- Кормит... - сказал Адамчик. - А худому нельзя?

- Отчего же нельзя - можно, - сказала врач. - Вот давление у тебя низковато для возраста. Бегаешь много, мало спишь?

- Мало, - признался Адамчик.

- Почему? - спросила врач.

- А я думаю, - сказал Адамчик. - Мысли по ночам появляются.

- Появляются... - Врач улыбнулась. - Ночью надо спать, а не думать. От этого кровь портится... Может быть, не будем сегодня, в следующий раз, а?

- Давайте сегодня, - сказал Адамчик. - Я хочу.

- Кто первый? - спросила сестра с марлевой повязкой на лице.

Девушки смущенно зашептались. Адамчик увидел, как ему подмигнула Валя,и шагнул вперед.

Он лег на жесткую кушетку, просунул руку в круглое окошко. Скосив глаза, увидел, как сестра охватила руку жгутом. Адамчику стало не по себе от прикосновения жгута. Он увидел холодные внимательные глаза сестры над рукой, шевельнулся.

- А где тот человек, которому кровь?

- Спокойно! - сказала сестра. - Сжимай руку,разжимай... Вот так. Человека нет.

Стеклянная колба медленно наполнялась красным. Кровь поднималась от деления к делению,и колба постепенно становилась сизой.

- Как комар, - подумал Адамчик и засмеялся.

Он вышел, держа на виду забинтованную руку.

- Страшно? - спросила Валя.

- Нисколечко, - сказал Адамчик. - Как комар укусит! Не бойся. Только кровь не человеку, а в бутылку.

Внутри было легко. Немного кружилась голова.

Потом всем выдали талоны на обед. Адамчик шел впереди, подпрыгивая.

- А кому эта кровь? - спросил он Валю.

- Кто заболеет, - объяснила Валя.

- А кто заболеет?

- Ну, любой человек.

- Совсем любой?

- Твоя кровь всем подходит, - сказала Валя. - Врачиха говорила.

- Любому человеку?

- Отстань, Ромка, любому.

- И тебе?

- И мне.

- Здорово, - сказал Адамчик.

За столом он отложил ложку, откинулся на стуле,закрыл глаза.

- Ты что? - спросила Валя.

- Мутит. Спать хочу!

- Ромочка, ты поешь, пройдет, - говорили девушки. - Смотри, суп какой вкусный.

- Не хочу, - сказал Адамчик, - спать хочу.

Валя перегнулась через столик, приложила ко лбу жесткие прохладные пальцы.

- Ой, девочки, у него температура!

Прохладные пальцы скользнули по лицу. Адамчик открыл глаза.

- Ничего, порядок.

Хотелось, чтобы прохладные пальцы лежали на лбу,но Валя уже ела суп.

- Эх ты, герой... - сказала Валя.

Донорам полагалось два дня отгула. Один день Адамчик спал, второй думал. На третий день Валя ходила вдоль конвейера с бумагами в руке. Адамчик косился, осаживая пружины как попало.

Валя протянула листок: "Держи, Ромочка, - благодарность. Институт благодарит".

- За что? - спросил Адамчик.

- За кровь!

- Ладно, - сказал Адамчик. - Обойдемся.

Листок с красными буквами дрожал перед глазами.

- Убери, ну! - крикнул Адамчик. - Нужна мне твоя бумага!

- Что, сорвалось? - спросила бригадир Клава.

10

- Друг! - кричит Адамчик у конвейера. - Эй,дру-у-уг! Эх,эх, друг!

До чего приятное слово - "друг". Как хорошо его кричать. Можно тихонько сначала и громко потом, можно сразу как рявкнуть: "Друг!". Можно петь: "Дру-у-у-у-уг!"

И вот и сам друг, как из-под земли: кепка с хвостиком,шикарное пальто, улыбается, а во рту нет одного зуба, и такое лицо - только у друга может быть такое лицо - нос башмачком,серые глаза, длинные ресницы - красивый друг! А как улыбается - рот до ушей. Хорошо. Эх, друг!

Другу надо показать ловкость. Пусть смотрит: вот как надо работать: гвоздики молотком раз-раз-раз, осадочка - пружинки одна к одной - ровненькие, и опять молоточком раз-раз-раз.

- Друг! - поет Адамчик у конвейера. - Дру-у-у-уг!

Какие у него теплые руки. А сильный какой! Две недели назад поступил в цех, а уже выполняет норму. Правда, Адамчик помогал ему, бегал от конвейера к ученическому верстаку, успевал и там и у себя. Чего не сделаешь для друга.

- Друг! Эх, дру-у-у-у-уг!

Начальник хитрый - нарочно ставит их в разные смены, и они работают за компанию по две смены и выполняют норму на двести пятьдесят процентов, и у них куча денег, и можно все триста,если не разговаривать. Но как же не разговаривать. Ведь они расстаются каждый день на целую ночь! А сколько надо рассказать!

- Слушай, друг, меня один кирюха обжулил, когда я мотоцикл покупал!

- А у меня есть мотороллер.

- Друг, видишь, Юрка пошел? У него импульсы!

- А у меня папа офицер. Полковник.

- С погонами?

- В отставке...

- А мы с одним корешом били стекла из пистолета.

- А я - из духового ружья. Потом бросил - жалко.

- И я бросил. А тетка Верка хорошая, когда не кричит!

- А начальник?

- Начальник тоже ничего мужик! Дает заработать.

- Ты читал "Бумеранг не возвращается"? Прочти,мировая книжка.

- Я тут с одной познакомился - мировая девочка!

- Замужем? Тогда плохо. У меня девочка - во!

- Познакомишь?

- Спрашиваешь! Между прочим, у нее подруга. Тоже ничего.

- А у меня кровь любому человеку подходит! И тебе. Вот если бы ты разбился, тебе бы мою кровь перелили. У нас бы и кровь была общая. Здорово?

- Спрашиваешь!..

- Друг, друг ,эй, дру-у-у-уг!

Друг ждет на морозе в проходной.

Друг катает на мотороллере. Дает порулить.

Друг стоит рядом и заглядывает в лицо, и улыбается, у него такие сильные теплые руки.

И вот эта молния, что висит над верстакам. Она про кого? Про него и про друга. Это они выполняют норму на двести пятьдесят процентов и могут на все триста,если не разговаривают. Но как же не разговаривать?

- Друг, а странно, что я тебя раньше не знал! А здорово,что мы тут вместе оказались? Правда?

- Спрашиваешь...

У друга разряд по самбо.

Друг в воскресенье устраивает свой день рождения. Родители в Сочи. Квартира свободна, если не считать соседку. Злая старуха!

11

"...Мариа, Мариа, Мариа..."

Качается перед глазами узкий черный носок ботинка. Это ботинок друга. А у друга перед глазами качается ботинок Адамчика, такой же черный и узкий - вместе покупали английские ботинки.

Адамчик в кресле,и друг в кресле. У обоих - сигареты между средним и безымянным пальцами. Дым бежит к высокому потолку.

"Мариа, Мариа, Мариа..."

- Друг, что же они не идут?

- Сейчас придут...

- Они какие?

- Моя беленькая. Похожа на колдунью. Видел?

- Спрашиваешь...

- Я ее знаешь как люблю!

- Как?

- Давно. Уже... три месяца.

"Мариа... Мариа... Мариа... а-а-а..."

- Как ты с ней познакомился?

- На пляже. Она грушу ела.

...Мариа, Мариа, Мариа-а-а-а...

Любит... Ха-ха-ха-ха. Лю-убит...

- Как ты с ней познакомился?

- На пляже. Она грушу ела.

- А ты?

- А я подошел.

- И все?

- И все.

- Здорово... А вторая?

- Рыженькая. А кожа белая. Красивая - вот увидишь.

...Мама-ой-керо, Мама-йо-керо...

- Они!

- Нет, старуха...

- Валерик! Валерик!

...Ма-ма-йо-керо-ма-ма-ма-ма...

- Ну, что вам?

- Выключи радио, у меня голова болит... О, вином пахнет...
- Ну и что? У меня день рождения!
- Смотри,отцу расскажу...
- Ну, и говори!
Звонок.
- Друг, они!
- Причешись!
- У тебя пепел на пиджаке...
- Порядок?
- Порядок. Друг, у меня руки потеют...
Старуха стоит у двери. У старухи злые глаза. Как она смотрит... как улыбается... как не хочет уходить.
- Здравствуйте...
- Здравствуйте...
- Знакомьтесь. Валя, Светка, Роман.
Рыженькая красивая. Еще красивей, чем Светка. Кожа белая-белая. Краснеет. Вся краснеет. Глаза голубые.
Одна шапочка синяя, другая белая. Белый пух. Боязно дотронуться.
- А мы где-то встречались...
- Правда? Хи-и...
Замолчали. Смотрит старуха. Злыми глазами смотрит старуха с гнилыми зубами. Улыбается.
Опустив головы, тихо-тихо мимо двери, на цыпочках. Как они покраснели. Друг уверенно кашляет. Старуха закрывает дверь.
Музыка теперь погромче.
...Кирина консустрес...
- Выпьем?
- Ой, много... Мама узнает. А у Вали братишка. А я еще анатомию не учила.
- Рома, Ро-ма... Расскажи что-нибудь.
- А что?
- Что-нибудь... Какие у тебя брови красивые. Густые... У меня был один знакомый мальчик... Нет, теперь нет...
...Кирина, кири-на консустрес...
- А я не умею танцевать... Друг немного учил.
У глаз плывут рыжие волосы. Не то что рыжие - соломенные. Не соломенные - золотые.
- А у тебя волосы как... золотые.
- Да... Какие у тебя мягкие губы...
- Щекотно...
- Пусть щекотно, да?
- Да...
- Хочешь яблоко? Откуси...
- А теперь я...
Прохладные пальчики. Скользят, скользят...
- У тебя лоб... теплый.
- Хорошо...
- Ой! Что там? Кто это там? Там?
Стук за дверью. Грохот. Топот. Дверь открывается сама. Старуха. Старуха!!!
- Валерик, я так больше не могу!

- Уходи, ведьма! Не мешай жить! Уходи, ну!
- Валерик, так не разговаривают со...
- Убирайся! Ромка, помоги!
- Не надо, Валерик!
- Ничего, пусть остынет в прихожей!
- Пусть остынет, пусть остынет! Ха-ха!
- Вот видите! Дерется! Он дерется,дерется! Вот... дерется...
Глухо, из-за двери:
- Отпусти руку, отпусти руку, а-а-а...
Топот, толчки, будто по узкому коридору тащат матрас. Хлопнула дверь. Тихо.
Тихо-тихо...
- Валя, что там?
- Валерку увели. Старуха и еще какие-то... С повязками. Рома, ты куда?
- Куда ты, Рома?
- Не ходи, уже увели... А вы что тут делали? А, Свет? А я знаю: вы целовались, целовались, да? Давайте, музыку поставим! Ох, я пьяная, пьяная... Валерку увели. А мы музыку поставим! Пока нет старухи!
...Мариа, Мариа, Мариа-а-а...
- Рома, потанцуем? Ты куда, Рома? Куда, а?
- Пусти, - сказал Адамчик. - Ну, пусти...
Он спускался по лестнице, а музыка играла.

12

Горела одна лампочка. Вдоль прохода лежали подушки. Подушки стояли, подушки сидели. Их было много.
Адамчик шел по проходу, а подушки все сидели,все стояли,все лежали стопками,горками одна на другой. Адамчик пнул подушку и оглянулся. Сзади были подушки. И с боков. И впереди. Нарядные мягкие подушки для диванов. Для диванов-кроватей, для канапе, для кушеток, для лежанок. Для кресел-кроватей, для тахты. Подушки выставляли в проход мягкие локти. Подушки толкались.
И где-то за подушками, за горами, за стопами - вжик-тук. Вжик-тук-тук. И еще: тук-тук.
- Гриша, - подумал Адамчик, расталкивая подушки.
Подушки падали мягко одна за другой, показалась голова Гриши и ухмыльнулась. Улыбнулась. Показались руки Гриши и верстак. Рамки.
Вжик - проволоку вдоль, натянул,согнул,забил. Тук-тук.Вжик - проволоку поперек - натянул, согнул. Тук. Вдоль-поперек. Вдоль-поперек. Решетка.
- Основа, - подумал Адамчик. - Ловко.
- Ыувэ, - сказал Гриша, улыбаясь. - Лы-лы-ык... Охо-ох-хо...
- Все работаешь? - спросил Адамчик.
- Ээмуак. Ыга-аэ.
- Посидим, поговорим?
- Ээв-аыг...
- Закурим?
- Мыы-ны.

- Много заработал?
- А-ав, ам-мааны.
- Хорошо тебе?
- Азыыа ныэммыы. Дыу-выы?
- Понял, друга забрали... А он ничего им. Он хороший. А они его.
- Эбууу, - сказал Гриша и пошевелил ушами.
- Не веришь. Они тоже не верят. Там, понимаешь,старуха. Старуха, понял? Страшила. Она кричала и лезла. И мешала. Понял?..
- Ыаынин - сказал Гриша, улыбаясь. Вставил проволоку: вжик-тук. И еще одну - вжик-тук-тук.
- ...А он ее толкнул. А она там привела каких-то. Этих. Они ему руки закручивали, а он кусался. Понял?
- Нууныы, - сказал Гриша и сморщил лицо.
- А вот что теперь делать? Я все думаю, думаю... Думаю, понял?
- Э-ээак, - сказал Гриша.
Вжик - тук-тук.
- И все думаю и думаю... Может, на другую фабрику пойти? На другую, понял? Может, там по-другому, а? Не так?
- Э-ээв нааэг мыын яяявег зныыы, - сказал Гриша. - Охм вщ-вщ-вщю-у. Дынн. Амаанхыы. Вафабнбынбе. Ваа-вынн. Вза-вынн. - И он постучал себе пальцем по груди, выгибаясь, улыбаясь,радуясь.
- Ты молодец, - понял Адамчик. - Ты, Гриша, парень хоть куда. Счастливо оставаться.
- Юнуну-хии, - сказал Гриша, выпячивая губы, и похлопал глазами.
- Нет, - сказал Адамчик, - работай. Я пойду.
Он поднял подушку и положил ее на другие. Подушка закрыла верстак и рамку. Вторая подушка закрыла толстопалые руки Гриши. Третья закрыла его грудь. Над подушками торчала лопоухая голова Гриши. Она шевелила толстыми губами, дергала ушами,сводила брови и делала складки на лбу и на щеках. Губы мычали. Глаза хлопали.
Адамчик посмотрел на голову, поднял еще одну подушку и закрыл Гришу.
- Вжик-тук.

* * *

На улице Дзержинского лежит туман. В тумане едет автобус. В автобусе качается от стены к стене большое сонное тело.

Тело дремлет. Его душа потягивается, легонько шевелится под мокрым потолком. Невидимая, там переливается неясная грусть. Прозрачная нежность слабыми толчками бьется в оконные стекла.

И доброе заспанное лицо, большое, общее хранит на себе следы ночной уверенности в том, что тело едино, что у него одна голова, один разум и одно сердце.

Адамчик уверенно расталкивает ватные бока, пробираясь к выходу.

Должно быть, он толкается слишком сильно, потому что кое-кто поднимает голову, смотрит яснеющими глазами.

Еще не остановился автобус, а тела больше нет. Расколотое, гудящее, оно торопливо втягивает в себя нежность и грусть, жалость к собственной слабости.

Так улитка поджимает свои беззащитные рожки.

Автобус останавливается. Распахивается дверь. На улицу выходят пассажиры, уже готовые к тому, чтобы стать пешеходами, прохожими, людьми разного возраста.

Адамчик спрыгивает и бежит в тумане, шарахаясь от встречных легко и бесшумно, как летучая мышь.

В начале шестидесятых я не мог себе даже представить, что мне придется готовить в набор, вычитывать и править "Адамчика". Этот рассказ Рида Грачева вместе с рассказами раннего Голявкина, вместе с "Летчиком Тютчевым" Вахтина, "Митиной оглядкой" Шефа, "Дверью" Битова, стихами Горбовского, Уфлянда и Бродского были для меня той корзинкой, которую набираешь сам и несешь потом до конца. Наверняка есть проза занимательней, стихи глубокомысленней и женщины красивей тех, что ты любил.

Риду Грачеву должно быть сейчас около 45 лет. Автор одной крошечной книги (Р.Грачев. Где твой дом. Рассказы. Изд. "Советский писатель" М.-Л. №?˝§, стр. 124), лучший русский переводчик и комментатор Сент-Экзюпери, он написал много прекрасной прозы, которая лежит в столе или ходит небезопасно по рукам наших читателей. Судьба протащила его по всем советским мытарствам - от детдома до психушек. Давно уже ничего не слышно о нем из Ленинграда.

В.М.

Софья СОКОЛОВА

ПЕРЕД ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

РАССКАЗ

- Это ваша слава и ваше бессмертие. Смысл и оправдание вашей жизни. Помните это! Одумайтесь, пока не поздно!

Как давно это было!

Если б он послушал тогда!

А теперь эта дверь, в которую никак не позвонить...

Обычная дверь, чуть облезшая серая краска, звонок,в который он сейчас позвонит. Еще минута, отдышится и позвонит. Обязательно позвонит. Так он решил еще утром. Утром, когда он лежал без сна и думал. Долго думал. Он всегда просыпается теперь рано, часов в пять... Снова начинается этот бессмысленный холодный серый день: и куда его девать, он не знает. Раньше,когда он работал, никогда не просыпался он так рано, с трудом поднимался в семь. А теперь как назло... Толчок. Он открывает глаза. Часы показывают пять. Надо попробовать еще уснуть. Он закрывает глаза. Старается дышать поглубже. Поворачивается на правый бок,потом на левый. Сна нет.

Эх, если б он послушал тогда!

А человеку ведь так немного нужно. Нужно, чтоб в целом мире его любил хотя бы один-единственный человек. И этим можно жить. И этого достаточно.

Птица спорхнула с ветки. Белый снег посыпался на землю. На ладони - тонкие дрожащие ножки. Миг - и хлеб с ладони исчез.

- Птичка-синичка,синичка-сестричка! - весело запрыгала Аня.

- Вот видишь! Это они только зимой такие ручные, потому что есть хотят. А летом она бы и не подлетела.

А потом Аня все росла и росла. И странно - все больше становилась похожа - нет, не на жену и не на него,а на ту далекую, давно забытую девочку, в которую когда-то, мальчишкой, он был безнадежно влюблен. Та девочка сидела с ним на одной парте,и он ничего не мог ей сказать. Да и сам-то он не мог понять тогда, что с ним происходит. Теперь же со все возрастающим изумлением и нежностью всматривался он в черты дочери - да,удивительно похожа.

В тот вечер Аня стояла перед ним прямая, резкая, с узкими злыми глазами.

- Как ты мог?! Ведь человек погиб! На тебе его кровь! Ты - убийца!

Убийца! Разве он виноват? Разве он знал, что так обернется потом? И срок-то небольшой - три года, за распространение антисоветской клеветы. Обычный срок. А вот погиб. Какой-то там протест в лагере. Карцер. А после него - гнойная пневмония. И умер. Чахлый, видно, совсем был. Но ведь человек может умереть и на воле: простудился, и все - конец. И кирпич тоже может свалиться на голову. Бац! - и нет человека. Разве он виноват, что свалился кирпич? Разве он толкнул его? Или вот соседка,прекрасная женщина, всех любила - и вдруг инсульт. Лежит без сознания, в параличе - и так много месяцев. За что ей такая мука? Кто виноват в этом? Кто виноват, что тот оказался такой хилый - ведь вроде все выдерживали.

- Убийца, убийца, убийца! - Как уйти от этого звенящего голоса, от этого надрыва.

- Ты мне испортил всю жизнь. Как мне жить теперь? Все гордятся своими отцами, а я должна стыдиться. Ты дал мне эту жизнь, ты и возьми ее обратно. Убей и меня, ты, убийца! - И зарыдала. Потом ушла, хлопнув дверью. И теперь вот эта, другая дверь. Дверь с облезлой серой краской, в которую никак не позвонить.

А позвонить нужно...

Потому что дальше так жить нельзя. Это он решил сегодня утром. Жена умерла, он один. Совсем один. И каждый раз просыпаться с этим леденящим сознанием - еще один длинный,бессмысленный, ненужный день.

А он чем виноват? Ведь он выполнял свой долг. Ведь это - его работа. Просто работа. Как любая другая. И он - честный работник. Как Аня не понимает этого?! Есть приказ; и он не может его нарушать.

Тот человек был опасен. Он читал то, что никто не должен читать; и это - опасное - он давал и другим.

Он должен был пресечь! Нужно оберегать других от этой заразы! Нужно! Но почему нужно? Кто сказал, что нужно?

Фу, снова мысли стали путаться.

Он всегда верил в то, что делал. Была инструкция,спускаемая сверху, - кого сажать в данный момент. И он всегда выполнял ее. Но теперь... после той смерти. Ну, это потому, что он сейчас ничем не занят, он на пенсии, жены уже нет и он один. Эх, если б Аня вернулась... И никак не позвонить... не решиться.

Если б Аня вернулась, тогда бы все было по-другому. Он бы объяснил. Она ведь узнала-то только после той передачи по радио.

Вроде случайно включила, а тут как раз сообщение о смерти и его фамилия.

Но разве он виноват в этом? Это те, кто посадил его в карцер, несмотря на легкие - вот они и виноваты. А он, он - нет.Он ведь только следователь, не тюремщик. И три года, он уверен, не такой уж большой срок. Сам-то он не сидел, но был уверен. Ведь сидели же другие и... ничего. Выходили. И когда Аня пристрастилась к этим передачам? Все больше терялась связь с ней. У него работа, часто вечерняя, срочная, ну, а у нее свои дела. И он ничего о них не знает.

А ведь когда-то им так хорошо было вдвоем,так легко... вместе ездили за город, ходили в цирк.

Он хорошо помнит, как однажды в цирке Аня долго, восхищенно следила за трюками маленькой наездницы в блестящем серебристом костюмчике. Девочке этой было лет десять, как и Ане тогда,и выступала она вместе с отцом. Аня долго упрашивала его, чтоб он как-нибудь познакомил ее с этой девочкой, и ему пришлось в конце концов согласиться. В антракте, показав свою красную книжечку, он беспрепятственно прошел с дочерью за кулисы.

Они долго шли длинными коридорами, а потом, проходя мимо какой-то полукомнаты-полузала, вдруг увидели ту девочку.

Она стояла, испуганно сжавшись, возле своего отца,а тот что-то гневно ей внушал. Потом внезапно он схватил хлыст, которым бил лошадей, и этим хлыстом ударил девочку, потом еще и еще.Аня тогда вскрикнула и бросилась к отцу:

- Папа, скажи, чтоб он перестал! Что же ты стоишь?! Арестуй его!

Это ваша слава и ваше бессмертие. Ваше будущее. -

И ведь именно он тогда на допросе говорил это. Он, тот, кто погиб потом.

- Дети - ваше бессмертие, если вы - атеист и не верите в Бога. Эти ваши бумажки, дела, приговоры - какая это все ерунда! Не об этом будете думать вы в свой самый последний решающий час - час перед смертью. Вы будете пробегать мысленно всю свою жизнь, и не эти инструкции, лежащие сейчас на вашем столе,будете вы вспоминать! Вы будете думать только о своем ребенке,о своей дочери. А ведь может и так случиться - она не захочет прийти попрощаться с вами.

И это говорил человек, который должен был сесть в тюрьму на три года!

Он ответил тогда ему:

- А вы подумайте лучше о себе - вам грозит три года!

И тут он заметил в глазах сидящего перед ним человека - искру жалости к себе. Тогда это показалось ему просто смешным. Эх, почему он не прислушался тогда...

Когда же они перестали понимать друг друга? Или тогда,когда она в первый раз спросила:

- За что ты его? Неужели только за то, что он прочел книгу, в которой была эта фраза: "Линия, разделяющая добро и зло, про-

ходит не между государствами, не между классами, не между партиями, она проходит через каждое человеческое сердце и через все человеческие сердца"?

А он крикнул, сорвавшись:

- Да как ты смеешь, как ты смеешь?! Где ты берешь эти книги? Если надо будет, я и тебя посажу, не думай. Не посмотрю,что ты мне дочь.

Аня глянула на него тогда не с упреком, нет... не с презрением... а как бы... как бы... ну, как бы впервые увидела его.

Неужели тогда... Тогда началось то, что случилось потом.

А теперь он стоит перед этой дверью и хочет позвонить. Нет, не хочет. Он не хочет этого. Он совсем этого не хочет. Он боится звонить. Но он должен это сделать. Иначе - как же он сейчас вернется к себе домой? Ведь снова один. И теперь уж навсегда. Если он сейчас не решится, тогда уж навсегда. Нужно решиться. Сейчас.

Когда раздался звонок и выглянул муж Ани, он на мгновение почувствовал облегчение - еще несколько секунд до Ани. Еще есть надежда.

- Вы же знаете, Аня не хочет вас видеть. У нее нет отца - так она и сказала.

- Но ведь я люблю ее, люблю. - Он пытался что-то внушить совсем чужому ему человеку,пытался через него,через свой голос,обращенный к нему, протянуть какую-то невидимую ниточку к ней, к Ане. - И у меня никого нет в целом мире.

Никого.

Он стоял перед закрытой дверью. Самое страшное было позади. Встреча с дочерью так и не состоялась.

Он повернулся лицом к лестнице. Лестница была крутая,неудобная. И как он взбирался по ней наверх, когда и вниз-то идти так тяжело. Нужно медленно-медленно переставлять ноги, держась за перила. Чтоб не упасть.

А на улице трамвай. И куда ехать на нем? И зачем?

Он медленно проезжал мимо большого серого здания на Литейном, здания,которому он отдал почти двадцать лет жизни, к которому он привык, давно считал уже своим вторым домом, которое он любил по-своему - и тут, совсем неожиданно для себя, молча погрозил ему кулаком.

Публиковаться Софья Соколова начала в Париже, и сразу же в переводах. Ее рассказ "Летающие ящеры" вошел в альманах "Женщина и Россия", изданный на французском языке издательством "Des femmes". *Соколова удачно выступила и как публицист в журнале "Мария". Ее статья "Слабый пол? Да, мужчины" относится к находкам номера. Только что я прочел ее автобиографию, еще нигде не опубликованную. Это лирическое эссе о жизни и творчестве без единой даты и анкетного наименования. Она утверждает: "...мне кажется, самое интересное в биографии любого человека - не даты*

его рождения, учебы, женитьбы или замужества, не внешние события его жизни, а именно тот духовный переворот, который с ним произошел". Первый такой переворот произошел с Соколовой, когда она начала писать рассказы.

Многие годы она работала радиоинженером, была замужем, воспитывала сына. "И я думала тогда - неужели цель человеческой жизни состоит в том, чтобы спроектировать телевизор с бо́льшим экраном? И неужели для этого и был создан человек и ради этого он живет? И я не поверила в это. А вокруг меня все были заняты очередными проблемами".

Думаю, всем знакомы эти ежедневные, тянущиеся больше 60 лет проблемы и заботы, что и где достать. В принципе, дух гражданской войны не умер. И осатанев от всей этой жизни, радиоинженер и начинающий писатель Софья Соколова однажды решила эмигрировать. Она получила разрешение, уволилась с работы, сдала свою кооперативную квартиру, оформила все бумаги и заплатила бешеные деньги за визы и за билеты на самолет для себя с сыном. И вдруг... в последнюю ночь перед вылетом, в аэропорту, она все кардинально перерешила и заявила, что остается. Я с огромным удивлением слушал ее объяснения, размышляя: "Что это - слабость души или наоборот, необычайная сила характера?" - И это был новый поворот в ее жизни.

Софья Соколова приняла активное участие в организации женских самиздатских журналов и в женском движении. После эмиграции ее подруг, Т. Горичевой, Т. Мамоновой, Н. Малаховской, Ю. Вознесенской, Софья Соколова осталась в Ленинграде продолжать начатую совместно деятельность. Результат - четырехчасовой обыск и пятичасовой допрос 24 сентября 1980 г. и известие о том, что заведено уголовное дело "О женских журналах". Остается надеяться, что и этот опасный "поворот" Софья Соколова сможет преодолеть.

В. Нечаев

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ДВОЙНИКА

НА ПОЛЯХ СТИХОВ ЕЛЕНЫ ШВАРЦ

1. Есть

Тексты: *"Подражание Буало"*
"Башня, в ней клетки"

...Запрещение (Трулльским собором) варить мясо на алтаре - еще один шаг христианства от священнодействия к освящению действ. Другой такой шаг - от презрения к "книжникам" к запрещению чтенья Писания. Просвирня уже стряпуха, но сами просфоры (до освящения) уже не кусочки теста, а нечто вроде ловушек... Система символов деградирует и дичает, ее - одновременно - охватывают бешенство и столбняк: "Omne corpus fugiendum est" ("Кролик,беги!"). "Je est un autre" Рембо - типичное выражение этого бешенства. Слова встали дыбом: лес пустых символов и возможностей, ощеренных в пустоту - в заповедник реальностей и значений. Нарушена ориентировка: дереализация (синдром "гибели мира") и деперсонализация (нарушение "схемы тела",отчуждение,чувство присутствия постороннего). Слова заслоняют друг друга: "Je est un...","Je est...", "Je..." - и сливаются в неразличимое "яяяяяяя!..", переходящее в истошное: "Яяяяяяяяяяяяя!.."

Есть! На этот глагол когда-то была возложена функция связки (Аристотель: "быть" не означает, собственно, ничего и играет лишь соединительную роль). Встречаясь чаще других,глагол "быть" превратился в именное понятие,которое можно трактовать как *вещь, сущее, подлинно сущее, истинное бытие.*

Поэт есть...

Но глагол "есть" такой же, как все, и не всегда он играл эту роль: быть всем, ничего не знача. Первоначально значение связано с понятием *роста.*

Именное предложение - это прямая речь с намерением убедить и не сообщает никакого факта в его конкретности. Оно именно по-

тому и способно определять "вечные истины", что в нем нет какой бы то ни было глагольной формы, конкретизирующей выражение.

В русском языке глагол-связка отсутствует. В древнесемитских "быть" не было вообще, и пауза между членами предложения не имела графического выражения. Пауза разделяла слова, чтобы их различить, сопоставить... Но это знак предикации, и в официальных речах пауза набухает. В переводных философских текстах "есть" занимает свой пост, и в утверждении

Строфа она есть клетка...

противоречие интонации и построения вызывает судорожную усмешку.

Вероятно, именно "есть" - ГЛАГОЛ, недоступный для "грешного языка" и призванный "жечь сердца" посредством "мудрого жала". Сентенции жала настаивают на внимании, исключая возможность ответа. Одно повторение какого-то из ее *Есть* кощунственно: сопелке ли подражать кифаре! "Мы и о поэте-подражателе скажем, что он в душе каждого в отдельности внушает скверный политический образ мыслей". (Платон).

Обожествленье Глагола приводит к возвеличению Уха, и Гегель в "Эстетике" объявляет слух самым интеллектуальным из чувств.

Поэт есть глаз...,

но

...связанный с ревущим божеством.

(Лик и/или мык)

Поэт есть глаз, узнаешь ты потом,
Мгновенье связанный с ревущим божеством,

Глаз выдранный, на ниточке кровавой,
На миг вместивший мира боль и славу.

"Подражание Буало"

Не такого ли подражания опасался автор "Законов"? Между тем в этих строчках почти полный комплект форм, удостоенных у него звания "прекрасных сами по себе". И тут же! - обойма экзистенциализма (не философии, а одной из возможностей "быть"): пророчество - мученичество - свидетельство... художника ИЗ-ЗА...

Но многоязычие этих двустиший - не для наслаиванья смыслов, а для того, чтобы ничего не сказать:

Свет слепоты - ночного отблеск бденья...

Глаз - круглое гиперщупальце - навсегда отделен от того, что он созерцает.

Поэт всегда себе садовник есть и садик.

Его свобода - пребразованное страдание разделения. Но и сам он висит "на ниточке". Он "есть... себе", но - как марионетка. И он свободен лишь при готовности к действию, но эта иллюзия исчезает, как только ниточка дернется и действо начнется. Не случайно экзистенциалисты так часто обращаются к драме. Но это драма реплик и фраз, трескучее французское электричество, бегущее по цепи "боль - слава". Это - "слова" (Сартр), и при всей изощренности такой текст легче всего укладывается в программу для ЭВМ.

В его разодранном размере, где Дионис живет,
Как будто прыгал и кусался несытый кот.

Но - "дионисийство" ритуально, ритуал автоматичен:

Идет направо - песнь заводит,
Налево - сказку говорит.

И мы рычим и мы клокочем
Платок накинут - замолчим.

Это автоматизм инстинкта; интуиция только система ниток, которые дергает кукловод (сократовский демон),

...а петь нас Бог учил.

Бессознательное запрограммировано.

Усердный читатель Бергсона, Пруст бесконечными повторениями - слой за слоем - возводил "кафедральный собор" эпопеи, но его архитектоника такова, что любой из кирпичиков - краеугольный, а мнимая монолитность этой, поистине "вавилонской", башни была бы чревата обвалом (она и обваливается в любое мгновение: ее временной монолит - бесконечный обвал мгновений!), если бы ее созидателю не светила звезда, чье отражение - основной элемент построения, которое "существует" лишь потому, что бесконечное число раз отрицает себя в своих элементах, в свою очередь "созданных" взаимоотрицанием своих составляющих - двух равносторонних треугольников.

Этот "пустой" каркас отрицаний стянут тремя перевернутыми крестами, *вырастающими* из точек пересечения (отрицания-соединения) треугольников, а их перекладины в центре конструкции соединяются в еще один треугольник с "недремлющим оком Гора".

И вот - собор. Его элементы не взяты со склада или из сейфа с шифром, - они "появляются" в ходе строительства, хотя совершенно доступны - видимы - и до него. Но: *будут смотреть и не увидят...*

Пристальный взгляд в упор не различает. Плоская плотная аппликация "вещи" на сетчатке неподвижного глаза заслоняет и затемняет саму "вещь". Чтобы ее увидеть, надо сдвинуть ее отражение.

Мне нравятся стихи, что на трамвай похожи -
Звеня и дребезжа, они летят, и все же -

Хоть косо в стеклах их отражены
Дворы, дворцы и слабый свет луны -

Свет слепоты - ночного отблеск бденья
И грубых рифм короткие поленья.

Чтобы увидеть, надо взглянуть под таким углом, что наше вйдение на мгновение совпадет с вйдением глаза в сердце звезды.

"Первоначальный" текст - внутренний опыт поэта - не может быть прочтен непосредственно: он "существует", но не "открыт", и чтобы стать открытым, должен быть переписан, как генетический код, чей язык изменяется *при* передаче, а копия напоминает нега-

тивную пленку. (Удивительней всего то, что генетический код вырожденный - одна аминокислота может кодироваться несколькими кодонами - и несмотря на это, код универсален: все до сих пор исследуемые организмы обладают одним и тем же механизмом чтения. "Безъязыкие языки" нашего собственного организма указывают направление критики, которой должен подвергнуться традиционный язык и основанное на нем фонетическое письмо.)

...Утрированное великолепие классической "мысли пленной":

Строфа она есть клетка с птицей
Мысль пленная щебечет в ней -

Она вздыхает как орлица
Иль смотрит грозно как царица,
То щелкает как соловей.

Они стоят на клетке клетка - как бы собор,
Который сам поет как хор.

Отказ от серьезности принципиален. Однозначной многозначительности платоновско-христианской традиции европейской культуры противопоставить понимание мира как совокупности текстов, не имеющих абсолютного смысла.

Господство фонетического письма ("щелкает","щебечет"),утверждающего приоритет Речи-Глагола перед письмом как техническим приспособлением ("клетка", "ловушка"),задерживает и затрудняет расшатывание системы традиционных ценностей, совокупность которых составляет понятие смысла.

Я б выпустила вас на волю
Но небо крапинкою соли
Мерцает в выси - ни дверей, ни окон
Нет в этой башне - свернутой как кокон.

"Свидетель" есть. Свидетельствование невозможно. Поэтому экзистенциалистский культ молчания противоречит практике экзистенциалистов. Их экзистенция реализуется в странном процессе,подозрительно напоминающем судебный. Но макина деус не опускается с неба, а вертится нудным органчиком где-то внутри единственного героя процесса. "Миг присутствия", призванный обеспечивать "полноту бытия", слипается бесконечною лентой и затвердевает в неразличимом дроблении романтического героя,некоего другого "Я":

И мной самой - какая впрочем жалость -
Раскидан мозг по маленьким головкам.

Построение экзистенциалистской драмы тождественно построению платоновских диалогов: в них тот же суд alter ego Платона - Сократа, разбрасывающего свой "мозг" по птичьим головкам незадачливых оппонентов, а всякое различение "субъективности и объективности бытия" становится невозможным при постулировании самого "бытия" в виде его разнообразных (обманчиво разнообразных!) возможностей. Противоположность "я - истина" снимается в понятии "истинное бытие", так как для экзистенциалистов истинно только "личное бытие", а Платон, потеряв в лабиринте Сократа, воз-

вратился на круги своя ("Апология"), чтобы "построить крепость" для найденной Истины... вокруг самого себя: "Нет ничего удивительного в том очень радостном чувстве, которое испытываю я,взирая на мои собственные речи в целом... я не нашел бы,думаю, лучшего образца, чем именно этот". Воистину:

Поэт собой любим, до похвалы он жаден.
Поэт всегда себе садовник есть и садик.

Итак, мысль - истинная мысль - истина - истинное бытие - бытие личности - я ——————————— *есть*... себе.

Поэт всегда себе... есть...

Читатель оказывается в положении обезьяны, которая при виде ружейного дула, увешанного бананами, не в состоянии ни уклониться от выстрела, ни оборвать бананы и самым дурацким образом начинает чесаться, зевать, и если вдруг не заснет от растерянности, то уж закатит такую истерику, что всполошит весь лес.

...Прежде всего - грамматика. Может быть, обезьяна помнит школьные правила (скорей всего, обезьянничает). "Ладно, - думает обезьяна по-русски, - можно себе рождаться и помирать. Можно владеть, так сказать, собой... Можно (думает себе обезьяна уже с некоторой настороженностью) даже иметь себе... себя. При желании. Впрочем,кажется,это уже не совсем по-русски..." Тут обезьяна начинает чесаться и *говорить на языках:* "Da, bin ich Dichter!.."

Наконец, из пассивного состояния, то бишь залога, обезьяна перелезает в средний залог и, как истинный медиум, заинтересованно засыпает в нем.

Тогда-то из-за бытия вымахивает напористый дух Активного залога и барабанит:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты - вечности заложник
У времени в плену.

От чего обезьяна тотчас же просыпается для дальнейшей активной деятельности, заключающейся в истерическом недоумении: "Как быть?", за которым проглядывает не менее истерическое "быть или не быть?"

Трагическое трико Гамлета так освещено прожекторами,что выглядит двухцветным трико шута, а то и пестрым трико жонглера,небрежно залатанным виттенбергскими выписками из Монтеня.

Поэт всегда себе садовник есть и садик.

Классическое "серединное положение" героя представляется здесь его выпячиванием и, не лишая его всего комплекса "возвышенных" (то есть - театральных) черт (характерное - комично!), дискредитирует на/в глазах "почтенной публики".

Мыслящий тростник, что называется, *срезан!* Но его ропот не умолкает в простой тростниковой флейте, уродующей богов. Поверенные олимпийцев (их декоративных символов) поспешно формули-

руют обвинение: "Инструмент, способствующий не столько развитию этических свойств человека, сколько его оргиастических наклонностей" (Аристотель) и вердикт: "Запретить!" (Платон).

Неистовство и простота всего в основе, -

декларировал ли нечто подобное Депрео с его запятой, словно бы взявший для своего рифмованного законодательства эпиграф: "Зачинщиками нестройного беззакония стали поэты, одаренные по природе, но не сведующие о том, что в музах справедливо и законно. В вакхическом восторге более должного одержимые наслаждением, смешивали они френы с гимнами, пеаны с дифирамбами, на кифарах подражали флейте,все соединяли вместе". (Платон,"Законы",I,III).

Монолитная башня "непосредственно-данного бытия" разъедается крапинкой соли *мерцающего* в выси неба: "есть", в сущности, только то, что будет, точнее, что *может быть*, и в то же время патетика вопроса "как быть?" приобретает комически-озабоченные (бытовые) интонации, так что и тут "есть" только то, чего *уже нет*, - и фундамент покачивается - как бы тоже мерцает...

Гармония чистых форм получает определенный и небезобидный *смысл*, едва сходит с листов философских "трактатов" и становится соединением реальных ритмов: их унификация приводит к *бессмысленному* разрушению. "Нестройное беззаконие" ритмов нашего тела, поразительная "разлаженность" его механизма - единственная для него "возможность быть". Испытанный способ разбить сердце - заставить его биться в унисон с остальными.

Но я открою клеток дверцы
- они вскричат как иноверцы
на безъязыких языках
толкаясь вылетят они
и защебечут захлопочут
заскверещат и загогочут
и горл своих колышат брыжи
и перья розовые сыплют
пометом белоснежным брызжут
клюют друг друга и звенят.

...Смотр (пере-смотр?) "основных законов" традиционной культуры в обоих текстах, которым уже поэтому можно было бы посвятить монографию, не противоречит этому принципу "полевых записей" - записей на полях, имеющих, впрочем, собственные поля для записей о записях на полях, идея которых подсказана в первую очередь "Четвертой прозой", а также всей совокупностью различаемых до сих пор текстов.

Некоторое неудобство создают то и дело съезжающие маски "объективности формы" и "субъективности содержания", но и само "неудобство" тоже одна из масок, быстрая смена которых может дать некоторое представление о "скрывающемся" за ними "лице" (или "лицах"), но - именно *представление*, то есть еще один театр других сменяющихся масок, открыто предполагающих зрителя, но ни в коем случае не соглядатая (последнему не только ничего не удастся *под*смотреть за кулисами ["свет слепоты"], но и наверняка придется прикрыть свое инкогнито, так как в него полетят всех грубых рифм короткие поленья)...

Есть, есть основные законы, но дело в том - во-первых - что они *переписаны*, а во-вторых, в том, что они функционируют в текстах не (или не только) как законы, а как конструктивные элементы текстов. И тут законам приходится нелегко, так как нередко они выступают как всеобщие в не совсем подобающей для этого роли *придаточных предложений*.

Родной язык - как старый верный пес,
Когда ты свой, то дергай хоть за хвост.

Но - пес взбесился, слова встали дыбом, и вдоль них уже не проведешь ладошкой смысла... Вот "реквизит" одиннадцати двустиший "о поэзии": трамвай (чудище) - дворы, дворцы - свет луны, свет слепоты, отблеск бденья - поленья - садовник, садик - кот - пес - хвост - волк - дева страшная - суп вчерашний - глаз - (бык) - ниточка...

Даже метонимическая горизонталь "горбата":

Как у того, кто измышлял составы крови.

И дело ничуть не в "специфике поэтического языка". Все эти *как* подчеркнуто условны (типа "как дурак") и не украшают (не прикрывают), напротив: язык ---> ПЕС, муза ---> ВОЛК.

Второй текст ("о поэзии" же) написан через пять лет и *представляет* именно то, "о чем говорит" свернутый кокон метафор - БАШНЮ.

Система Гармонии - Орфей, окруженный хором зверей, - "вытянута за язык" и свернута в кокон. Точность совершающихся операций и энергичная сухость их описания указывают: эксперимент! И в этом эксперименте Гармония не изначальна, а изначальна одна из рабочих гипотез ("как бы собор", "как хор"): введенная в эксперимент, она сразу за дверцами клеток формальной организации рассеивается ("разлетается") на несобираемые воедино движения ("клюют друг друга и звенят"), и этот хаос тоже не изначален: это хаос Гармонии, он "является" доказательством неизначальности Гармонии клеток.

Классическое завершение эксперимента было бы таково: испуганный экспериментатор рассовал бы всех птиц по клеткам, смазал царапины и повторил бы тот вывод, который сделал Платон в "Законах":

"Самое главное положение такое: никто никогда не должен быть без начальства... ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен иметь привычку действовать по собственному усмотрению... а безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных..."

Но, во-первых, для этого "вывода" не нужен эксперимент, и, очевидно, подобные экспериментаторы - "как правило" - ограничивались тем, что сажали птиц в клетки, а не выпускали из них. Во-вторых, объективность выводов подобных экспериментов доказывалась как раз тем, что единственным объектом эксперимента был... сам экспериментатор: он "начальствовал" потому, что отводил себе скромную роль воплотителя основного начала, подобно тому как

система клеток "*лишь* воплощала" Гармонию. Так пренебрежение буквой привело христианство к особому буквализму - некоему материалистскому мистицизму, а отрицание объективной реальности заставило европейских рыцарей духа фетишизировать "непосредственно-данное бытие".

Очевидно, что только тот эксперимент может быть назван "чистым", методика которого учитывает, что субъект непременно является составной частью объектов эксперимента именно потому, что проводит эксперимент. Объективность - не в мнимом неучастии в каком-либо действии,а в различении реальных факторов этого действия.

Они моею кровью напитались
Они мне вены вскрыли ловко
И мной самой - какая впрочем жалость
Раскидан мозг по маленьким головкам
Осколки глаз я вставила им в очи
И мы поем, а петь нас Бог учил
И мы рычим и мы клокочем
Платок накинут - замолчим.

Эксперимент завершен.

Итак, птиц, разделенных Гармонией клеток, соединил хаос свободы. До этого "как бы собор" их клеток "сам поет как хор". Но стоит открыть дверцы - псалмы сразу забыты:

они вскричат как иноверцы
на безъязыких языках

и

защебечут захлопочут
заскверещат и загогочут...

Покинут собор, покинут язык, и вместо хора - гогот. Птицы соединены, но их Гармония, Гармония клеток в башне, рассеяна. И в этот хаос формальной гармонии рассеивается еще одно единство, так как в действительности нет "двух гармоний",и разрушение гармонии клеток - разрушение гармонии башни. Птицы вскрывают вены и пьют кровь, но одновременно

и мной самой...
раскидан мозг по маленьким головкам.

Но разъятые части мозга - отдельный и целый мозг в каждой головке; осколки глаз - целые очи птиц. Два обвала гармонии - гармонии "формы" и гармонии "содержания",гармонии "плоти" и гармонии "духа", гармонии клеток в башне и гармонии башни с клетками - предваряют такое пение, которому "Бог учил",

И мы поем...

Но этот мнимо анонимный голос ("мы" - замаскированное "я") так и не появляется: на него лишь указано.

"Освободив" глагол *быть* от значения и придав его новой функции связывать субъект с предикатом ни с чем не связанное значе-

ние, бодрые европейцы сами оказались связанными по рукам и ногам и, безнадежно запутавшись в своих трех залогах, стали заложниками своего языка и своего времени, так что сама вечность кажется им кутузкой, а жизнь - мучительной профанацией "истинного бытия".

Пафос "права на настоящее время" человека как "суммы его возможностей" не преодолевает вульгарную концепцию времени (Парменид - Платон - метафизики...) и вырождается в солдафонское: *"Есть!"*

"Великое русское слово" (Ахматова) "сразу попало в отделку голландским шкиперам и стало уделом школы и канцелярии, которые и наложили на него печать безответной служилости" (И. Анненский).

Нужно как следует дернуть "старого верного пса" за хвост...

...Смещенье акцента с пресловутых "возможностей" на само "бытие" - *слово*. Каждый из текстов - письменный театр слов-персонажей, и именно в этом их "основной смысл".

"Среди многообразных особенностей или, может быть, недоразвитостей, а иногда и искажений нашей духовной природы, которыми мы обязаны русской истории, меня всегда занимала одна - узость нашего взгляда на слово...

Мы слишком привыкли смотреть на слово сверху вниз, как на нечто бесцветно-служилое,точно бы это была какая-нибудь стенография или эсперанто, а не эстетически ценное явление из области древнейшего и тончайшего из искусств, где живут мировые типы со всей красотой их эмоционального и живописного выражения.

Наследие аскетов, взгляд на телесную оболочку лишь со стороны ее греховного соблазна и бренности, аналогически переносится нами и на слово - исконного слугу мысли." (И. Анненский). Прямая цитата на этот раз уместнее скрытой...

Формула европейской культуры

Строфа она есть клетка с птицей
Мысль пленная щебечет в ней -

сформулирована здесь так, что подвергает сомнению самое себя,то есть "играет" саму себя - "щебечет", а не "глаголет".

Очевидно, текст в целом не кажется для его мысли узилищем, и образ тюрьмы только один из игровых образов письменных знаков, разлетающихся по сцене (тексту), как птицы (мысли) по свернутой коконом башне, а сам образ их разлетания тоже включен в игру, где полисемия текста-театра замещена рассеиванием смысла-зрелища.

В полученной из самиздата статье имя автора отсутствовало. По всей видимости, публикуемый отрывок "Есть" *представляет собой начало более обширного текста "на полях" стихов одного из наиболее интересных ленинградских поэтов Елены Шварц (см. "Эхо" №№ 2, 1978; 1, 1979; 1, 1980).*

Анри ВОЛОХОНСКИЙ и Алексей ХВОСТЕНКО

ЛАБИРИНТ
или
ОСТРОВ ЛЖЕЦОВ

КОМИЧЕСКАЯ ДРАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИНОС - царь Крита.
ПАСИФАЯ - жена Миноса, царица Крита.
ТИРС И АЭД - слепые старцы, советники Миноса.
ДЕДАЛ - строитель Лабиринта.
ИКАР - сын Дедала.
АРИАДНА - дочь Миноса и Пасифаи.
ТЕСЕЙ - герой из Афин.
СИЗИФ

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

КНОСС - столица Крита.

Действие первое

Тронный зал.
Минос, Тирс, Аэд, Дедал.
Минос на троне, советники по бокам от него, Дедал перед Миносом.

МИНОС: Займемся государственными делами.
ДЕДАЛ: О великий царь! Дай мне корабль.
МИНОС: Что это за такое новое государственное дело - корабль! Зачем ему корабль, Аэд?
ДЕДАЛ: Ты же обещал мне корабль, о великий царь!
МИНОС: Тирс, мы что - обещали ему корабль?
ТИРС: Не вижу в корабле никакой государственной необходимости.

МИНОС: Дедал, ты видишь - он не видит. (*Аэду.*) А ты, мой певец, видишь?

АЭД: Нет, Минос, не вижу.

ДЕДАЛ: Да ты посмотри на них. Они же собственного носа не видят. Когда ты заведешь себе зрячих советников, о великий царь?

МИНОС: Дедал, ты такой искусный мастер, а до сих пор не уразумел, что утрата одного чувства ведет за собой крайнее обострение всех прочих. Не отвлекай меня. Не заставляй меня толковать. Мы же должны заниматься государственными делами.

ТИРС: Правильно, Минос. Истина. Пусть ответит.

АЭД: Он же обещал тебе Лабиринт. Отвечай, Дедал!

МИНОС: Да-да. Ответь. Я тебя спрашиваю.

ДЕДАЛ: Ты тоже мне обещал, о великий царь.

МИНОС: Обещал, обещал. Где обещанное?

ТИРС: Минос! Это же чистое вымогательство!

АЭД: Прямая торговля!

ДЕДАЛ: Великий царь! Благодаря моему искусному мастерству, моему талантливому умению, силой моего технического гения твой остров превратился в неприступный редут. Сплошная стена окружает его. Он на замкѐ. Башни, бойницы, контрфорсы, арсеналы, аркбутаны и земляные укрепления, все наглухо заделано, задраено, просмолено, забито, законопачено и механизировано. Даже птица не пролетит на Крит без нашего ведома. Меркурий мне свидетель! Чего тебе еще надо, великий царь? Дай мне корабль.

ТИРС: Тем не менее кое-какие проблемы еще остались нерешенными.

АЭД: Проклятые вопросы.

МИНОС: Отвечай на вопросы, Дедал.

ДЕДАЛ: О Меркурий!

ТИРС: Напрасно ты призываешь в свидетели это непрямодушное божество, Дедал. Нас ты не проведешь.

АЭД: Нас не проведешь.

МИНОС: Их не проведешь.

АЭД: Нас не обманешь. Ответь-ка царю, Дедал! Ты ему что обещал?

ТИРС: Ты ему давно обещал!

ДЕДАЛ: Все, что я обещал, я исполнил.

ТИРС: Так где же он?

АЭД: Где, где?

МИНОС: Где?

ДЕДАЛ: Что где?

ТИРС: Где Лабиринт?

АЭД: Он тебя спрашивает, где Лабиринт?

МИНОС: Где Лабиринт?

ТИРС: Спроси его, где Лабиринт.

МИНОС: Где Лабиринт, я тебя спрашиваю!

ДЕДАЛ: Здесь.

АЭД: Как это - здесь?

ДЕДАЛ: Тут.

ТИРС: Что значит - тут?

МИНОС: Тут или здесь?

ДЕДАЛ: Здесь, в твоем дворце, великий царь. Тут. Вот. (*Хлопает в ладоши. Входит Икар с рулоном под мышкой.*) Подойди,Икар. (*Берет рулон и протягивает Миносу.*) Вот твой Лабиринт!

МИНОС: Наш Лабиринт? Он говорит, что это наш Лабиринт.

АЭД: Посмотрим.

ТИРС: Посмотрим.

АЭД: Посмотри, Минос.

ТИРС: Смотри, Минос, чтобы он не сбил тебя с толку.

МИНОС: Что это значит, Дедал?

ДЕДАЛ: Это план Лабиринта.

ТИРС: Опять план?

АЭД: Очередной проект?

ДЕДАЛ: Нет, это план д е й с т в у ю щ е г о Лабиринта.

МИНОС: А как же он действует?

ДЕДАЛ: Я покажу.

МИНОС: Я надеюсь.

ДЕДАЛ: Икар, разверни.

Икар расстилает на полу план Лабиринта.

МИНОС: Что это?

ДЕДАЛ: Это план Лабиринта.

АЭД: Неужели это правда?

ТИРС: Посмотри, посмотри, Минос.

МИНОС: Смотрю. Как же он у тебя действует?

ДЕДАЛ: Отойди, Икар. (*Миносу.*) О великий царь! Перед тобой план Лабиринта. Величайшего из действующих лабиринтов. Хитрейшего, эффективнейшего, наиболее запутанного и перепутанного. Его ходы, коридоры и лазы, его тупики, колодцы и пещеры,его обвалы, завалы и волчьи ямы, его силки, капканы и западни не имеют себе равных. Обман в нем стоит на обмане. Это такой Лабиринт, что не только выбраться из него невозможно, но даже проникнуть в него, по сути дела, нельзя. Такой удивительный Лабиринт.

ТИРС: А как нам в этом убедиться?

АЭД: Нас должны в этом убедить.

МИНОС: Убеди нас, Дедал!

ДЕДАЛ: Ты можешь убедиться. Заключи себя мысленно в любую пещеру. Покинь свой трон, великий царь. (*Подводит Миноса к своему чертежу.*) Поставь себя сюда.

МИНОС (*подозрительно*): Нет, я,пожалуй, расположусь иначе. Вот так.

ДЕДАЛ (*вглядываясь*): Но здесь бездонный колодец.

МИНОС: Тогда здесь.

ДЕДАЛ: А это каменный мешок.

МИНОС (*недовольно*): Ладно, я помещу себя сюда. Здесь.

ДЕДАЛ: Ты здесь, великий царь. Куда же ты теперь пойдешь?

МИНОС: Я иду сюда.

ДЕДАЛ: Тут глухая стена.

МИНОС: Тогда сюда.

ДЕДАЛ: Здесь другая стена.

МИНОС: Хорошо, иду назад.

ДЕДАЛ (*не без злорадства*): Так...

МИНОС: Теперь направо...

ДЕДАЛ: Замечательно...
МИНОС: Двигаюсь по пунктирной линии...
ДЕДАЛ: Великолепно.
МИНОС: И...
ДЕДАЛ: ...попадаешь в медвежий капкан.

Все ахают.

МИНОС: Хорошо. Начнем с начала.
ДЕДАЛ: Вернись в исходную точку.
МИНОС: Вернулся и иду.
ДЕДАЛ: Сюда?
МИНОС: Иду, теперь сюда...
ДЕДАЛ: Дальше.
МИНОС: Дальше. Вступаю в этот заштрихованный круг и...
ДЕДАЛ: ...и попадаешь в яму с нечистотами.

Снова общее: Ах!

МИНОС: Я обойду ее слева.
ДЕДАЛ: И наткнешься на отравленный кол.

Общее: Увы!

МИНОС (*вглядываясь в план*): Да тут же у тебя лестница.
ДЕДАЛ: Обманная. Думаешь, что поднимаешься,а сам опускаешься. Прямо на кол.
МИНОС: Даже не знаю, что делать.
ДЕДАЛ: Никто не знает.
ТИРС: А Он знает?
ДЕДАЛ: Никто не знает.
МИНОС: А где же чудовище?
ДЕДАЛ: Никто не знает.
АЭД: И ты не знаешь?
ДЕДАЛ: Никто не знает.
МИНОС: Кто же тогда знает, если ты не знаешь?
ДЕДАЛ: И я не знаю. Я окружил его со всех сторон.
ТИРС: В каком смысле?
ДЕДАЛ: Я окружил его со всех сторон. Я принял Минотавра за исходную точку. Я положил, что он в центре. В центре проблемы. А затем я стал окружать его всевозможными лазейками, гонять из одной ловушки в другую, из другой дальше и так далее.
ТИРС: Так что теперь он может быть уже и не в центре?
ДЕДАЛ: В известном смысле он всегда в центре. (*Миносу.*) Дай мне корабль.

Вбегает Пасифая.

ПАСИФАЯ: Корабль, корабль!
МИНОС: Где я возьму тебе корабль? Корабли сожжены.
ДЕДАЛ: Я сам построю его в два счета.
ПАСИФАЯ: Он будет здесь! В два счета!
ТИРС: Строительство кораблей противоречит государственной безопасности.
МИНОС: (*Тирсу*): Ты уже докладывал. (*Пасифае.*) Уйди,Пасифая, не мешай нашим государственным занятиям.

ПАСИФАЯ: Он здесь, он здесь! Он уже входит в гавань!

ДЕДАЛ: Корабль? Ты говоришь, корабль?

ПАСИФАЯ: Корабль, корабль, корабль, корабль!

АЭД: А-а-а. Это, наверно, корабль...

ТИРС: Корабль, корабль, корабль. Мы же пригласили героя из Афин.

МИНОС: Действительно. Это, наверно, он. Пойди, Пасифая,приготовься к торжественной встрече.

Пасифая уходит, вбегает Ариадна.

АРИАДНА: Корабль! Я вижу корабль! Отец, это за мной!

МИНОС: Уйди, Ариадна. Это Тесей из Афин. Знаменитый герой.

АЭД: Он будет сражаться с Минотавром.

МИНОС: Уйди, Ариадна, приготовь себя к встрече с чудовищем.

ТИРС: С героем.

МИНОС: Да-да. С героем. Приготовь себя к торжественной встрече.

АРИАДНА: Я готова.

МИНОС: Уйди, Ариадна.

АРИАДНА: Я ухожу. Я хочу, наконец, увидеть героя.

Уходит.

МИНОС: Хорошо, Дедал. Твой план мне нравится. Прикрепи его над нашим царским местом... Как символ нашей полнейшей государственной безопасности. (*Советникам.*) А вы справьте церемонию встречи.

Старцы удаляются.

МИНОС (*им вслед*): Распорядитесь насчет корабля. Не забудьте. Вы понимаете. (*Дедалу.*) Мой дорогой Дедал, мой любимый, мой изобретательнейший мастер! Ты один меня понимаешь. О мой Дедал! Пойдем и мы, поглядим на героя. Пусть Икар приколотит. (*Икару.*) Останься здесь, Икар. Ты слышал? Займись планом.

Уходят Минос и Дедал.

ИКАР (*один, приколачивая чертеж над троном Миноса*): О злая судьба! Герой! Подвиг! Чудовище! Встань туда, пройди сюда, заключи себя тут! Это западня! Корабль! Сплошной обман! Трус на трусе! Герой на герое! Неверность любимых! Предательство! Отцы и дети! Мужья и жены! Минотавр! Обман строится на обмане! О жестокая Ариадна!

Входит Ариадна.

ИКАР (*не замечая ее*): Жестосердная Ариадна! Чудовище! Чудовищная бессердечность! (*Передразнивая Миноса и Ариадну.*) Приготовь себя к встрече! Я всегда готова!

АРИАДНА: Я готова.

ИКАР: Ты готова. Ты всегда готова изменить. Ты забыла наши клятвы.

АРИАДНА: Много ли стоят детские клятвы?

ИКАР: Мы уже давно не дети.

АРИАДНА: Ты еще дитя.

ИКАР: Я не дитя. Я вызову его на поединок.

АРИАДНА: Я запрещаю. Я запрещаю тебе даже думать об этом. Ты обещал. Ты клялся. Уйди. Мы встречаем героя.

Икар уходит. Торжественный шум. Процессия: Минос, Пасифая, советники, Дедал, последним Тесей. Минос занимает свое место, также советники, Дедал у входа, Тесей перед троном.

ТЕСЕЙ: Приветствую тебя, Минос, великий царь Верхнего, Нижнего, Срединного и Всеобщего Крита, в твоей прекрасной столице!
МИНОС: Привет тебе, Великий герой!

действие второе

Перед Лабиринтом. По сторонам входа стеллы с бычьими головами. Тут же жилище Дедала. Дедал один.

ДЕДАЛ (*возбужденно*): Я вот-вот полечу. Дело за немногим. Несколько хороших маховых перьев - и я полечу. Улечу! Покину этот милый островок. Неприступную крепость. Я уже давно заслужил корабль из чистого золота, но от него дождешься. (*Иронически.*) Великий царь. Выдумал Минотавра. Тоже проблема для мыслящего человека. Чудовище!

С грохотом выкатывается камень. Дедал зажимает уши. Появляется Сизиф.

СИЗИФ: Привет, мастер!

Дедал молчит.

СИЗИФ: Вот наказание божие!

Дедал так и стоит, зажав уши. Сизиф уходит с камнем. Появляется Икар.

ИКАР: Отец, отец! Жестокая Ариадна!
ДЕДАЛ (*не слыша Икара, кричит*): Я перерыл ему всю почву! Все недра острова я превратил в сплошной Лабиринт! Кротовая нора, а не остров!
ИКАР (*пытаясь перекричать*): Отец, отец! Жестокая Ариадна!
ДЕДАЛ (*так же*): Термитник, муравейник! Обман на обмане!
ИКАР (*так же*): Обманщица! Она меня обманывает!
ДЕДАЛ (*так же*): Он меня обманывает! Они меня за нос водят. (*Разжимает уши.*)
ИКАР (*истошно орет*): Конец! Всему конец!
ДЕДАЛ (*спокойно*): Чего ты разорался?
ИКАР (*спокойнее, но с надрывом*): Никому нельзя верить!
ДЕДАЛ (*очень снисходительно*): Верить? - Ничего, сынок, мы улетим, улетим отсюда. Просто упорхнем.
ИКАР (*сквозь слезы*): Как птички?
ДЕДАЛ (*показывает ему крылья*): Как птицы. Мы пронесемся над морем, как два орла.
ИКАР: Я люблю ее!
ДЕДАЛ (*привязывая крылья Икару*): Спокойнее, мой мальчик, это подействует! Расправь крылья.
ИКАР: Она бездушна!

ДЕДАЛ: Руки! Руки растопырь!
ИКАР: Я не поверил своим ушам.
ДЕДАЛ: Напряги как следует торс.
ИКАР: Я люблю ее.
ДЕДАЛ: Постой немного, мы летим. Мы вот-вот полетим!

Снова с грохотом вкатывается камень. За ним Сизиф.

ИКАР: Я лечу к ней!
ДЕДАЛ: Стой, ни с места!
СИЗИФ (*Икару*): О, что я вижу. У тебя крылья выросли. Пора жениться.
ДЕДАЛ: Улетим и оставим их с носом.
СИЗИФ: А где клюв?
ДЕДАЛ: Опять наклюкался?
СИЗИФ: Курочка по зернышку клюет. (*Икару.*) Лететь задумал? А как же престарелый отец? Оставишь на мое попечение?
ИКАР: Он тоже летит. Мы все вместе летим. И ее с собой заберем.
ДЕДАЛ: Кого?
ИКАР: Ариадну!
ДЕДАЛ: Ты спятил! У нас только две пары крыльев.
ИКАР: Ты сделаешь еще одну.
ДЕДАЛ: Да я уж и так всех птиц на острове ощипал.
СИЗИФ: А орел, Дедал? Обдери государственного орла!
ДЕДАЛ: Да у него в гербе одни рога. Об этом не может быть и речи. Летим, Икар! Летим немедленно!
ИКАР: Не хочу! Не могу! Не буду!
ДЕДАЛ: Летим!
ИКАР: Не полечу! Я сам сражусь с Минотавром! Я буду героем! Я убью его! Лавры победы не достанутся этому афинскому проходимцу. Я лечу!

Убегает в Лабиринт, махая крыльями.

СИЗИФ: Дедал, ты не замечаешь, что твой орел по уши влюблен? На многих это действует как вино. Он пьян от любви.
ДЕДАЛ: Сам ты пьяница. Он вернется очень скоро,и мы полетим.

Входит Тесей, за ним советники.

АЭД: О победитель чудовищ, о истребитель! Ты находишься перед входом в Лабиринт. В одном из наиболее достопримечательных мест нашего исторического острова. Именно здесь... Впрочем,где-то здесь должен быть его творец и создатель. (*Кричит.*) Дедал! Отзовись!
ДЕДАЛ: Я здесь.
АЭД: Дедал, Тесей, вот Дедал. Эта достопримечательность создана всецело его руками.

Входит Минос с Пасифаей.

МИНОС: Я только что видел Икара с крыльями. В чем дело?
ДЕДАЛ: Не может быть. Тебе померещилось,о великий царь!
МИНОС: Нет, я видел! Мы видели! Пасифая! Ты видела!

ПАСИФАЯ: Я видела! Он летел, как ястреб! Как молодой бог! Он парил! Он мчался, как ветер! Он возносился, как туча! Он заслонял собою солнце!

МИНОС (*недовольно*): Прекрати. Перестань!

ПАСИФАЯ: Да вон же он! О как сверкают его белоснежные крылья! Смотрите! Смотрите!

МИНОС: Что такое? Действительно. Что-то летит. Что летит? Ничего не вижу.

ДЕДАЛ: Птица.

МИНОС: Ничего не вижу.

ПАСИФАЯ: Как он великолепно парит!

МИНОС (*Тесею*): Герой, а ты видишь? Что там летит?

ТЕСЕЙ (*надменно*): Это воробей.

МИНОС: Не может быть.

ТИРС: Здесь прежде водились вороны.

АЭД: И цапли.

ТИРС: И ибисы.

АЭД: И павлины.

ТИРС: Припоминаю павлинов...

АЭД: ...и сов.

ТИРС: Не знамение ли это?

СИЗИФ: Да это же хорошо известная критская утка!

МИНОС: Сизиф! Почему ты здесь? Что тебе наказали боги?

Сизиф, глумливо осклабившись, удаляется с камнем.

ПАСИФАЯ: О Сизиф! Не уходи! Лети за ним следом! Возвращайся скорее!

МИНОС (*Пасифае*): Успокойся. (*Дедалу.*) Дай зрительную трубу. Я желаю убедиться.

Дедал берет трубу, пытается посмотреть.

МИНОС: Дай мне. (*Смотрит.*) О, летит. Машет крыльями. Парит. О, ловко. Недурно. Какой вираж! Но кто же это? (*Рассматривает трубу, затем продолжает наблюдение.*) Как это у него здорово получается! (*Тесею.*) Посмотри, герой, как летают наши орлы!

ТЕСЕЙ (*небрежно*): Это воробей.

МИНОС: Ты не туда смотришь! (*Наблюдая.*) Молодец Икар! Какой сюрприз! Куда же это он летит, Дедал, а? Далеко залетел! О, что это? Он падает! Он падает!

Пасифая и Дедал пытаются заглянуть в трубу.

МИНОС: Прочь! Отойдите! Я вижу! Он падает! О боги! Несчастный! Это конец! (*Дедалу.*) Твой сын утонул. Посмотри. (*Отдает ему трубу.*)

ДЕДАЛ (*изображая отчаяние*): О,горе мне,горе! Мой единственный сын!

МИНОС (*сухо*): Ты же сам говорил, что ни одна птица не улетит с острова без нашего ведома. (*Тесею.*) Вот видишь, герой, не так-то просто покинуть наш укрепленный остров.

ТИРС: Еще никому это не удавалось.

АЭД: Истинная правда. Никому.

ДЕДАЛ (*продолжая ломать комедию*): О я несчастный! Кто закроет мои глаза? Увы мне! Одинокая старость! Кто согреет меня!

МИНОС: Не плачь, Дедал, я сам закрою твои глаза!

ПАСИФАЯ: Я согрею тебя! Я сейчас согрею тебя! Дай я сначала закрою твои глаза! (*Кидается на шею Дедалу.*) О мой бедный Дедал! О мой одинокий возлюбленный мастер! О моя ласточка! Рыбка моя! Мой хороший! Мой любимый! Мой ненаглядный! Ты мое немеркнущее светило! Дай я согрею тебя! Я согрею твою одинокую старость! Мой маленький! Деточка моя!

МИНОС: Уйди, Пасифая! (*Пытается увести ее.*)

ПАСИФАЯ: Нет, я не покину тебя, мой Дедал! Никогда!

Минос уводит Пасифаю, пытаясь оторвать ее от Дедала, и все трое исчезают.

АЭД: Какое знамение!

ТЕСЕЙ: Что это значит?

ТИРС: Знак свыше. (*Продолжая прерванную речь.*) Мы остановились перед Лабиринтом. (*Отсутствующему Дедалу.*) Дедал, расскажи герою про Лабиринт.

Пауза.

ТИРС (*кричит*): Дедал! Дедал!

Пауза.

ТЕСЕЙ: Его увлекла царственная чета.

ТИРС: Жаль. Ну ладно. Мы сами тебе все покажем. Вот тут, именно здесь, о знаменитый герой из Афин, тебе предстоит совершить свой подвиг. Мы сможем описать его как величайший подвиг нашей эпохи, если тебе это удастся.

АЭД: Я берусь воспеть его. Вперед, герой! Тебя ждет чудовище!

ТИРС: Подожди, герой! Ты еще не готов.

АЭД: Тебя ждет страшный Минотавр.

ТИРС: Не спеши, герой. Это не простое чудовище.

АЭД: Это такое страшилище!

ТИРС: Ужаснейший монстр!

АЭД: Нечто неописуемое.

ТЕСЕЙ: Что ж. Я готов.

ТИРС: Нет, ты еще не готов. Ты еще не посвящен в суть проблемы Минотавра.

ТЕСЕЙ: Мое дело сражаться. Я убью его.

ТИРС: Убить еще не значит победить.

ТЕСЕЙ: Я уничтожу его.

АЭД: Уничтожить еще не значит преодолеть.

ТЕСЕЙ: Я сокрушу его.

ТИРС: И ничего не добьешься.

ТЕСЕЙ: Я раздавлю его.

АЭД: Этого недостаточно.

ТЕСЕЙ: Я обращу его в пыль и развею по ветру.

ТИРС: Вот-вот. Но это еще далеко не то, чего ждет от тебя человечество.

АЭД: Минотавр - это тайна. Загадка. Посмотри туда. (*Показывает в направлении стелл с бычьими головами.*) Ты видишь эти загадочные изображения?

ТЕСЕЙ: Я вижу позолоченные рога.

АЭД: Ты слышишь, Тирс, он видит одни рога.

ТИРС: Рога! О знаменитый герой! Если бы дело было в рогах.

АЭД: Пойми, о знаменитый герой, что рога - это, в сущности, аллегория. Никто из нас никогда не видел Минотавра. Если бы не государственные обстоятельства, можно было бы допустить,что его вообще нет.

ТИРС (*возмущенно*): Как это нет? Что ты говоришь?

АЭД: Я говорю, что это аллегория.

ТЕСЕЙ: Как аллегория? Тогда зачем я здесь?

ТИРС (*Тесею*): Он поэт и во всем видит одни аллегории. Поэтому он слеп.

ТЕСЕЙ: Но и ты слеп. Почему же слеп ты?

ТИРС: Э-э, герой. Слепота бывает настоящая и аллегорическая. Если человек видит во всем аллегорию, он аллегорически слеп. Если же он не видит во всем аллегорию,он аллегорически зряч. Именно такого рода слепотой страдает наш друг Аэд. Это самая настоящая слепота! Что же касается Минотавра, то видеть в нем одну только аллегорию было бы преступной недальновидностью. Наш друг не имел в виду ничего похожего.

АЭД: Под аллегориями я подразумевал аллегорические изображения.

ТИРС: Вот это правильно. Аллегорические изображения. (*Тесею.*) Как видишь, их два. (*Жест в сторону Лабиринта.*) И Минотавров, в сущности, тоже два.

АЭД (*бормочет*): Дважды два.

ТИРС: Их два. Один из них - это тот, о котором ты привык думать. Тот, которого ты как бы видишь своим внутренним взором. Мы здесь называем его Внешним Минотавром.

АЭД: Для непосвященных это и есть известный Критский Минотавр. В таком виде он присутствует на наших праздничных драматических представлениях и даже в детских играх.

ТИРС: Вот-вот. Победа над таким внешним Минотавром остается, конечно, аллегорией. Но есть второй Минотавр. И тебе придется иметь дело с другим. Этот иной Минотавр,это таинственное чудовище...

АЭД: Это страшилище.

ТИРС: Этот кошмарный монстр.

АЭД: Свирепейшая...

ТИРС: ...тварь - это и есть тот несомненный Минотавр, с которым тебе предстоит сразиться. Это воплощенный ужас!!! Имя ему - *СТРАХ!* Это он - настоящий Минотавр! Внутренний Минотавр...

АЭД: Он - везде. Он всегда был и всегда есть. Он - в нем, он в тебе, он во мне. Сразиться с ним - это все равно что сразиться с самим собой.

ТИРС: Готов ли ты сразиться с самим собой?

ТЕСЕЙ: Я готов!

Ужасный грохот. Тесей выхватывает меч. Вкатывается камень. Следом Сизиф. Тесей размахивает мечом. Сизиф прячется за камень. Игра.

СИЗИФ: Ой, убивают! Да что же это такое! Что за наказание! Караул!

ТЕСЕЙ (*оторопев, прячет меч в ножны*): Что это за чучело?

СИЗИФ (*продолжая игру*): За что? Что я тебе сделал? Я ни в чем не виноват! Я уже свое получил! Отстань!

АЭД: Оставь его, Тесей.

СИЗИФ (*жалобно*): Совсем взбесились!

ТЕСЕЙ: Что это за монстр? Что это за чучело? Что за трус?

ТИРС: Оставь его. Он же покойник.

АЭД: Наш практикующий экзистенциалист. Не гневайся.

СИЗИФ: Ты гневаешься. Как тебя зовут?

Тесей молчит.

СИЗИФ: Ты гневаешься.

ТЕСЕЙ (*советникам*): Что это за кошмарный тип?

ТИРС: Не трогай его. Это еще одна достопримечательность. Мертвая душа. Покойничек. Отбывает на нашем острове посмертное наказание. Так что не гневайся.

СИЗИФ: Да-да, не гневайся. Гнев - плохой советчик. Посмотри на меня. Прекрасное положение, которым я тут пользуюсь, как раз и есть результат необдуманного гнева - гнева всевышних. Знаешь - давным-давно, в прошлом... Я был жив, я вращался в прекрасном обществе. Среди богов. Я был окружен богами. И вдруг они на меня ужасно разгневались. И наказали. Вот видишь - теперь, после смерти, они наградили меня камнем. В виде кары. Ужасная кара... Но гнев, как я тебе уже говорил, - плохой советчик. Посмотри, что из этого получилось. - Они обеспечили мне бессмертие на Крите. Смотри на меня - я вольная птица. Ничего не жду, ничего не хочу, ни на что не надеюсь. В гору я его качу. (*Показывает на камень.*) С горы он - своим ходом. (*С удовольствием.*) Пыль столбом! Грохот! Всеобщий восторг! Интересные встречи на этой почве. Вот с тобой, например...

ТИРС: Сизиф! Не кощунствуй!

СИЗИФ (*плаксиво*): Да что с меня возьмешь? У меня всего-то и есть что этот камень. А я его вам не отдам. Что мое - то мое! Свое сами берите, мое мне оставьте. Держите при себе.

ТЕСЕЙ: Черт знает что!

ТИРС: Не кощунствуй!

ТЕСЕЙ: Что такое?

СИЗИФ (*ноет*): Мое наказание, моя награда! Не отдам!

АЭД: Тирс,мы попусту тратим с ним время. Пойдем, Тесей.

ТИРС: Пойдем,герой,мы еще многое должны тебе показать.

ТЕСЕЙ: Не понимаю, что у вас здесь происходит.

ТИРС: Мы тебе объясним.

АЭД: Мы объясним тебе.

Уводят Тесея.

СИЗИФ (*им вслед*): Что у вас тут происходит? Что такое? Кидаются на людей с обнаженным мечом! Как на собак! Я же мифологический герой! Я труженик! Тружусь день и ночь! Это же адская работа! Упираюсь как лошадь! Выматываюсь как собака! Это же каторга! Это же Сизифов труд! Обижают бедного труженика...

Появляется Дедал.

ДЕДАЛ: Это ты-то труженик?

СИЗИФ: Я, мастер, я.

ДЕДАЛ: Ты бы себе хоть крышу над головой построил.

СИЗИФ: Я - вольный каменщик. Ничего не строю. Боги позаботились обо мне. Безоблачное небо Крита над головой - вот моя крыша.

ДЕДАЛ: Говоришь - безоблачное? Скажи-ка лучше, не видал ли ты Икара? Пора бы ему уже и вернуться.

СИЗИФ: Не беспокойся, они его вернут. Видал, как твой царь его утопил? Смотри, они еще устроят ему пышные похороны.

ДЕДАЛ: Мальчишка! Он когда-нибудь доиграется. С Миносом шутки плохи.

СИЗИФ: Да он же пьян от любви.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тронный зал.
Минос, советники. Всё в трауре.

МИНОС (*удовлетворенно*): Все идет как надо. На этот раз у меня получилось неплохо.

АЭД: Более того, о великий царь!

МИНОС: Что скажешь, Тирс?

ТИРС: Великолепно. Лучшего повода для траура нельзя и придумать. Я распорядился развесить повсюду траурные флаги. Бедный Икар!.. Мы все перекрасили в черное.

МИНОС: А что - Дедал?

АЭД: Скорбит в одиночестве.

МИНОС: Ну, это он зря.

АЭД: Он в твоих руках.

МИНОС: Может быть, дадим ему корабль с черными парусами? Да, кстати, что с кораблем?

ТИРС: Им заняты доверенные лица. А этот молодой человек из Афин, оказывается, очень впечатлительный юноша. Он так и рвется в Лабиринт.

МИНОС: Все герои ведут себя одинаково. Но государственные дела не терпят отлагательств. Займемся государственными делами. Я хочу знать, в каком положении наша государственная казна. Говори, Аэд.

АЭД: Твоя казна полна до краев, о великий царь!

МИНОС: Так. А чем она полна до краев? Прошлый раз вы тоже говорили, что она полна до краев. Посмотрели, а она, оказывается, полна до краев бог знает чем.

АЭД: На этот раз она полна до краев деньгами,о великий царь!

МИНОС: Так, а какими деньгами?

АЭД: Золотыми, медными, железными, кожаными и перламутровыми... По недосмотру попало несколько серебряных монет.

МИНОС: Почему так мало?

АЭД: Ты же сам приказал не брать серебра.

МИНОС: Я приказал не брать серебра,если можно взять золотом.

АЭД: Все золото Крита в твоей казне. А серебро из-за нашей крутой меры настолько упало в цене...

МИНОС (*перебивая*): А каких денег в казне больше всего?

АЭД (*с заминкой*): Основной фонд составляет кожа.

МИНОС: Нельзя ли теперь просто обменять кожу на подешевевшее серебро?

АЭД: Но тогда кожаные деньги упадут в цене, а серебро снова подорожает.

МИНОС: А нельзя ли таким же способом поднять цены на кожу?

АЭД: Придется скупить всю кожу на острове.

МИНОС: Так сделаем это.

АЭД: Можно. Только я не советую...

МИНОС: Почему? Что такое?

АЭД: Грызут...

МИНОС: Как?

АЭД: Крысы... Грызут кожаную валюту.

МИНОС: Их следует уничтожить. Тирс,проснись! Когда это прекратится?

ТИРС (*спросонья*): Что прекратится?

МИНОС: Я спрашиваю, когда прекратится эта крысиная возня? Распорядись, чтобы этого больше не было!

ТИРС: О царь! Внутреннее положение в государстве зиждется на совокупности тончайших равновесий. И крысы представляют в этой совокупности пусть малозаметный, зато существенный фактор. Поэтому, если ты помнишь,мы положили их навсегда сохранить. Они поедают разную падаль, трупы... мелкую нечисть,всякую гадость... Они удивительно небрезгливы, легко поддаются дрессировке,согласны на любую работу, беспрекословно выполняют всевозможные поручения... За ничтожное вознаграждение они готовы...

МИНОС: Тирс! Что ты говоришь?!

ТИРС: Я просто хотел дать понять, что все можно списать на крыс. (*Многозначительно.*) Эти неприхотливые создания проникают повсюду. В нужный момент, если понадобится, о великий царь, их смогут обнаружить на корабле нашего гостя.

Знакомый грохот. Вбегает Пасифая, как и все - в трауре.

ПАСИФАЯ: О черный день! Повсюду смерть, хаос! Все рушится! Он сокрушил все на своем пути! Он обрушился на нас как смерч, как внезапная буря! Как землетрясение! Вы слышали этот ужасный грохот... Он пронесся мимо меня как разъяренный бык - весь в огненных вихрях! Он оставлял за собой груды щебня. Его путь был выстлан прахом и гравием. Перед ним двигался огненный столб. Я едва успела отскочить! О наши двери и окна! Увы, наши ворота и ограды! Я еле ноги унесла!

МИНОС: Уйди, Пасифая!

ПАСИФАЯ: Но он раздавил двух твоих стражников!

МИНОС: Уйди, Пасифая!

ПАСИФАЯ: Но он уничтожил твою статую, Минос! Он отбил ей нос!

МИНОС: Что за наказание!

ПАСИФАЯ: Наши драгоценные амфоры! Вино льется рекой!

МИНОС: Мое благоуханное критское вино! Нет, это становится невыносимо! Куда смотрят боги? Давно пора бы им перевести этого пьяницу с нашего острова в какое-нибудь безлюдное место.

АЭД: Пусть они отправят Сизифа на Кипр вместе с его камнем. От него тут одно беспокойство.

ПАСИФАЯ (*в трансе*): Он совершил чудо!

ТИРС (*заинтересованно*): Ты говоришь - чудо?

ПАСИФАЯ (*хрипло*): Чудо. Свершилось чудо, Минос. После того как сизифов камень раздавил двух твоих стражников, сокрушил ворота, не оставил камня на камне от ограды дворца, разбил твою статую, вдребезги разнес винный погреб, прокатился через фонтан с золотыми рыбками - о, мои бедные рыбки! - и понесся по садовой тропинке, ломая скамейки и беседки, занося ручьи песком и разрушая искусственные водопады, - по садовой тропинке - туда - там - на его пути оказалась твоя бедная и дряхлая кормилица. И тут она, глухая и немая от рождения, вдруг заговорила.

ТИРС: Что же она сказала?

ПАСИФАЯ (*так же*): Она только и успела сказать: "Милостивые боги! Какой огромный камень!" (*Кричит в истерике.*) О мои бедные золотые рыбки! Рыбки мои!

МИНОС: Уйди, Пасифая! (*Пасифая продолжает причитать что-то о рыбках.*) Нет,это положительно невыносимо. В тронном зале стало невозможно заниматься. Пойдем, Тирс, спустимся в твою внутреннюю канцелярию.

Уходят, оставив Пасифаю рыдать у опустевшего трона. Она садится на трон и застывает в окаменелой позе. Входит Тесей.

ТЕСЕЙ: Что это значит, Минос? (*Пауза.*) Где царь? (*Пауза.*) Отвечай, Пасифая! (*Пауза.*) Я должен видеть Миноса! (*Пауза.*) Что означает этот траур?

ПАСИФАЯ (*встрепенувшись*): Это траур по тебе, о сын мой! У тебя есть мать? О твоя бедная мать! О зачем я его родила! Тесей, Тесей, мой бедный мальчик! Ты погиб!

ТЕСЕЙ: Опомнись, царица. Оставь свой нелепый страх. Я здесь для того, чтобы всех вас избавить от него. Я уже избавил мир от многих чудовищ. Минотавр - всего лишь еще одно. Эти руки, царица, готовы сломать ему хребет, о Пасифая!

ПАСИФАЯ: О ужас!

ТЕСЕЙ: Я освобожу Крит от этого ужаса! Я сверну ему шею!

ПАСИФАЯ: О страшная бездна!

ТЕСЕЙ: Я низвергну в нее ваше чудовище!

ПАСИФАЯ: О, несчастный! Ты видишь - весь Крит облекся в траур.

ТЕСЕЙ: Я...

ПАСИФАЯ: Стоны, рыдания, причитания и плач. Женщины рвут на себе волосы, мужчины посыпали головы пеплом. Земля содрогается. Реки вышли из берегов. Черные птицы выкликают мрачные пророчества. О я, несчастная! Зачем? Зачем?

ТЕСЕЙ: Опомнись, царица!

ПАСИФАЯ: Повсюду смерть! Всюду хаос! Все рушится! Он крушит все на своем пути! Он обрушивается как смерч, как внезапная буря! Он несется как разъяренный бык, весь в огненных вихрях! Его путь выстлан прахом! Огненный столб кружится перед ним! О черный день! О боги, зачем я его родила?

ТЕСЕЙ: Царица!

ПАСИФАЯ: Беги, мой мальчик!

Сама убегает с визгом "О мои бедные рыбки".

ТЕСЕЙ (*один*): Страх лишил ее разума.

По авансцене проходят Тирс и Аэд, тяжело нагруженные античным вооружением.

ТИРС: Таран готов?

АЭД: Ядра на месте?

ТИРС: Луки натянуты?

АЭД: Копья наточены?

ТИРС: Щиты надраены?

АЭД: Смола кипит?

ТИРС: Дрова горят?

АЭД: Забрала заделаны?

ТИРС: Крючья загнуты?

АЭД: Дреколье уложено?

ТИРС: Все улажено?

Уходят. Появляется Ариадна.

АРИАДНА: Тесей, я должна сообщить тебе нечто важное.

ТЕСЕЙ: О Ариадна!

АРИАДНА: Мой Тесей...

ТЕСЕЙ: Ты видела этих воинов?

АРИАДНА: Послушай, Тесей!

ТЕСЕЙ: Могу себе представить, какая у них армия.

АРИАДНА: Тесей, послушай!

ТЕСЕЙ: Я готов слушать тебя, о прекрасная Ариадна.Послушай, Ариадна!

АРИАДНА: Послушай, Тесей!

ТЕСЕЙ: О, Ариадна! Я счастлив, что встретил тебя на этом острове. Твоя несравненная красота вдохновляет меня на подвиг. Твои прекрасные сверкающие глаза будут освещать мой путь в непроницаемой тьме подземного Лабиринта.

АРИАДНА: Послушай, Тесей!

ТЕСЕЙ: Я совершу этот подвиг во имя тебя. Ты будешь моей наградой, и мне не нужно другой награды, кроме твоей любви.

АРИАДНА: Я ждала много дней.

ТЕСЕЙ: Я спешил к тебе по бурным волнам лазурного моря.

АРИАДНА: Моя душа рвалась к тебе.

ТЕСЕЙ: Я летел к тебе на всех парусах.

АРИАДНА: Я все глаза проглядела.

ТЕСЕЙ: О как они чудно сверкают.

Объятия. Ариадна внезапно отстраняется.

АРИАДНА: Тесей, бежим!

ТЕСЕЙ: Ариадна...

АРИАДНА: Все обман! Все ложь! Они погубят тебя,Тесей! О мой Тесей! Где твой корабль? Бежим, уплывем отсюда немедля!

ТЕСЕЙ: Мы уплывем отсюда сегодня. Крит мне не по душе. Я убью Минотавра, и мы покинем его немедленно.

АРИАДНА: О боги! Какой Минотавр? Все ложь! Ты не понимаешь, это сплошной обман. Ты слышал,что говорят в народе...

ТЕСЕЙ: Говорят разное. Например, что твоя мать родила его.

АРИАДНА: Народные сказки. Все это ложь. Никакого Минотавра нет. Это Дедал построил по их приказанию пещеру ужасов.

ТЕСЕЙ: Я сразил тьму чудовищ, сражу и это.

АРИАДНА: Это ловушка!

ТЕСЕЙ: Я разрушу ее, а предателя повешу на воротах.

АРИАДНА: Ты не знаешь всех его хитростей. Это ведь он изобрел бурав.

ТЕСЕЙ: Никто и ничто не устоит перед этим мечом.

АРИАДНА: Нет, ты их не знаешь. Ты даже не можешь предположить,что тебя ждет. Мы должны бежать сейчас. Они опозорят тебя.

ТЕСЕЙ: Это позор! Герой не может отступать. Мой долг сражаться и победить!

АРИАДНА: О каком долге ты говоришь? Это обман, это призрак, это пустая тень! Умоляю тебя, бежим.

ТЕСЕЙ: Это неслыханно! Хватит! Я немедленно бегу в Лабиринт.

АРИАДНА: Бежим! На корабль!

ТЕСЕЙ: В Лабиринт! (*Убегает.*)

Ариадна бросается следом за ним,но сталкивается с входящими советниками.

АРИАДНА: Стойте, держите его!

АЭД: Кого?

ТИРС: Куда?

АРИАДНА: Он убежал! Он бежит от меня!

АЭД: Никуда он не денется.

ТИРС: Далеко не убежит.

АРИАДНА: Он помчался в Лабиринт!

АЭД: Ай-я-яй, как несвоевременно!

ТИРС: Почему ты его не удержала?

АРИАДНА: Я держала, умоляла, молила его! Остановите его! Я погибла!

АЭД: Увы. Его нужно немедленно остановить.

ТИРС: Нужно сообщить Миносу.

ВСЕ ХОРОМ: Минос! Минос! Минос!

действие четвертое

Перед Лабиринтом.
На сцене размещено вооружение. Тут же Дедал.

ДЕДАЛ: А, самоходная праща. Пневматическая катапульта. (*Гордо.*) Мои изобретения. Неплохо. Недурно. Но в этой голове есть штуки и похитрее. Я вот-вот полечу. (*Размышляя.*) Траур объявил.

Ох, старая лиса! И как это у него всегда так ловко совпадает. Неисчерпаемый кладезь козней! Великий царь хитросплетений! Умеет схватить тень голыми руками. Но Икар ему не достанется. Пора бы ему, правда, и вернуться. Давно пора. (*Кричит в Лабиринт.*) Икар! Выходи! Я здесь один! Путь свободен!

Дедал, продолжая звать Икара, скрывается в Лабиринте. Вбегает Тесей с обнаженным мечом, останавливается перед входом.

ТЕСЕЙ: О всемогущие боги! Помогите мне свершить мое правое дело!

Из Лабиринта выходит Дедал.

ДЕДАЛ: Боги бессильны перед моим искусством.

ТЕСЕЙ: Что?!

ДЕДАЛ: Что перед тобой?

ТЕСЕЙ: Прочь с дороги, изобретатель бурава!

ДЕДАЛ: Бурава - говоришь ты. Я изобрел не только бурав! Посмотри на эту блестящую военную технику. (*Увлекает Тесея к своим приспособлениям.*) Вот, например, катапульта. Одним снарядом она топит корабль. Вот праща. Действует сжатым воздухом. Поражает невидимые цели. Вот таран - самоходное орудие!

ТЕСЕЙ: Это выдумки для трусов! Мое оружие - меч и отвага.

ДЕДАЛ: Меч хорош для таких храбрецов, как ты. Ты думаешь, тебе предстоит обычная схватка с равным по силе? Не заблуждайся! Трусливое чудовище и носу не покажет из Лабиринта! Не надейся!

ТЕСЕЙ: Я выволоку его оттуда!

ДЕДАЛ: Из Лабиринта? Ха-ха! Ты думаешь, я построил Лабиринт ради этой жалкой твари?

ТЕСЕЙ: Так ради чего?

ДЕДАЛ (*торжественно*): Лабиринт - это воплощение великой государственной идеи. Лабиринт - это весь Крит, который я перерыл и превратил в кротовую нору! Его тайники и подвалы, его коридоры и тупики, все его подземные недра - не более чем убежище для этого смешного монстра. Минотавр - ничтожная трусливая тварь! Лабиринт - вот единственная реальность. И с этой реальностью ты не можешь сражаться.

ТЕСЕЙ: Сказки для народа! Мой меч не знает преград!

Бьет мечом по бычьей голове на одной из стелл. Бычья голова раскалывается, обнажая изображение человеческого лица с глумливой улыбкой. Тесей застывает перед изображением.

ДЕДАЛ: Какое варварство!

Входят Минос, советники, Ариадна, Пасифая.

ТЕСЕЙ (*в ярости*): А-а, глумливая тварь! (*Отступая с угрозой от входа.*) Мерзкая образина! Я сдеру с тебя все личины! Я явлю миру твое отвратительное нутро!

Знакомый грохот. Появляется Сизиф, но без камня.

ТЕСЕЙ (*не замечая Сизифа*): Смешаю тебя с прахом!

СИЗИФ (*ломая комедию*): Опять! Опять! За что? Да оставь ты, наконец, меня в покое!

ТЕСЕЙ: Сотру тебя в порошок!

СИЗИФ: Со всех сторон угнетение и разбой!

ТЕСЕЙ: Согну в бараний рог!

Тесей, выкрикивая угрозы, отступает для разбега, и тут раздается ужасающее мычание и рев. Из Лабиринта рогами вперед выскакивает крылатое чудовище,которое проносится мимо Тесея за кулисы.

АЭД: Что это?

ТИРС: Что это было?

АРИАДНА: Минотавр! Минотавр!

МИНОС: Дедал, как это понять?

ДЕДАЛ: Ты меня спрашиваешь? Не я здесь распоряжаюсь траурными церемониями.

Чудовище проносится из-за кулис мимо Тесея в Лабиринт.

СИЗИФ: Какая прыть!

ПАСИФАЯ (*ребячливо*): Минос, ты видел,какие у него перышки?

АРИАДНА: Остановите его!

МИНОС: Дедал, это твоя работа! Ты мне за это ответишь!

ДЕДАЛ: Знаю я, чья это работа!

МИНОС: Ты мне за это заплатишь!

Чудовище с бычьей головой, махая крыльями, выскакивает из Лабиринта и изображает перед Тесеем воинственный танец орла. Тесей нападает. Схватка. Ариадна путается у сражающихся под ногами, подавая Тесею разнообразное оружие.

АЭД: Что это?

ТИРС: Что происходит?

АРИАДНА: Минотавр! Они дерутся!

МИНОС: Полегче, полегче!

АРИАДНА: Тесей, возьми секиру!

СИЗИФ: Двинь его лопатой! Лопатой между рогов!

ПАСИФАЯ: Минос, посмотри! У него же бычья голова!

АРИАДНА: Он убьет его!

ПАСИФАЯ (*хлопая в ладоши*): У него рога, Минос!

ТИРС: Какие у него рога?

ПАСИФАЯ (*в восторге*): Золотые!

ТИРС: Сколько у него ног?

МИНОС: Две.

ТИРС: Копыта?

МИНОС: Обут в кожу.

ТИРС: А хвост?

МИНОС: Хвоста не вижу.

ТИРС: Руки, руки есть?

МИНОС: У него крылья!

ТИРС: Сколько?

МИНОС: Два. Два крыла.

ТИРС: Туловище, туловище какое?

МИНОС: Человеческое. Обычное.

ТИРС: Шея?

МИНОС: Шеи не вижу.

ТИРС: Это он мычит?

МИНОС: Ты что – не слышишь?

АРИАДНА: Лови его сетью!

Тесей теснит чудовище. В безвыходном положении оно кричит: "Сдаюсь!" И срывает с себя маску. Под маской – Икар.

ПАСИФАЯ: Минос,смотри – это наш Икар. Я же тебе говорила.

АЭД: Какая аллегория!

ТИРС: Знамение времени!

ДЕДАЛ (*Миносу*): Мы с тобой в расчете, великий царь! Хочешь посмотреть в трубу?

МИНОС (*Дедалу*): Дедал, мы с тобой прекрасно понимаем друг друга.

СИЗИФ: Тесей, поздравляю тебя с небывалой победой! Неслыханный успех! Какая отвага, какая ловкость, какое умелое владение приемами схватки! Я в восторге! Какая техника!

ТЕСЕЙ (*в ярости*): Я убью тебя!

Бросается на безоружного Икара. Общий хохот заставляет его опомниться.

МИНОС: Тесей, ты не для того здесь, чтобы сражаться с детьми моих подданных.

ТЕСЕЙ: Жалкие комедианты! (*Уходит.*)

Сизиф, сделав пальцами рога, с мычанием надвигается на Миноса.

МИНОС: Полегче, полегче! Почему ты здесь?

СИЗИФ: А где же мне быть, как не здесь?

МИНОС: На Кипре.

СИЗИФ: Минос, я так привык к вашему острову! Я так привязался к Дедалу. (*Тот же жест в сторону Дедала.*) И вот – в изгнание, в безлюдное место, в пустыню... На Кипр! Из-за ничтожной провинности... О жестокосердные! Шуток не понимаете. Да и что я сделал такого? Лишить меня привычной трудовой обстановки! Камень отобрали... (*Валится в ноги Миносу.*) Минос, умоляю, оставь меня здесь! (*Перед Пасифаей.*) Царица, уломай его, проси!.. Я буду тише воды – ниже травы. (*Вскакивает и кричит.*) И вообще я тут ни при чем! Это камень виноват! Я честный труженик! Я единственный подвижник. Только я и изображаю полезную деятельность на твоем острове... За что такое наказание? Верни мне мой камень,Минос!

МИНОС: Это не в моей власти. Моли богов.

СИЗИФ (*сделав руки крылышками*): Жалкие комедианты! (*Уходит, пританцовывая.*)

ПАСИФАЯ: Минос, этот Сизиф такой забавный. Я буду скучать без него. Умерь свой гнев. Пусть он останется.

АЭД: Да, Минос. Пусть он останется с нами. Ведь это наша живая достопримечательность.

МИНОС: Оставьте. Я подумаю. (*Дедалу и Икару.*) Подойди сюда, Икар. И ты, Дедал. Икар, замечательная схватка. Дедал, твой сын держался как храбрый воин. Икар, ты вел себя как мужественный

солдат. Дедал, твой сын обещает стать блестящим офицером. Икар, я награждаю тебя этим высоким званием! Дедал, ты можешь гордиться своим сыном. Икар, ты будешь состоять при нашем государственном совете! (*Ко всем присутствующим.*) Хвала герою!

АЭД: Хвала нашему юному герою!

ДЕДАЛ: Он еще слишком молод. Мальчишку - в государственный совет!

МИНОС: Дедал, ты вечно всем недоволен. Я повелеваю объявить всеобщее ликование!

ТИРС: Но мы уже объявили всеобщий траур.

МИНОС: Дедал, а почему ты не в трауре?

ДЕДАЛ: Я не успеваю переодеваться.

МИНОС: Объявите ликование. Тирс, распорядись! Скажите народу. Смените знаки.

ТИРС: Мой царь! Государственная необходимость диктует нам известные обычаи. Она повелевает избегать слишком резких поворотов. Мы не можем так поступать без ущерба для внутреннего единения. Знаки мы оставим прежние. Ликование возникнет само по себе. Мы разработали эффективные способы для осуществления подобных метаморфоз. Чуть-чуть подтянем флаги, шепнем два слова музыкантам, выкатим две-три лишних бочки, барабанщики понемногу ускоряют ритм, плакальщицы утирают слезы,вступают флейтисты,девушки расплетают траурные венки на благоухающие букеты, воины оставляют строй и, смешавшись с толпой, пускаются в радостный пляс. Все происходит естественно.

ПАСИФАЯ: Какая прелесть! Минос, устроим ликование!

МИНОС: Икар,ты заслужил. Мы объявляем ликование в твою честь!

АЭД: Ликование! Ликование!

Входит Тесей.

ТЕСЕЙ: Рано вы ликуете! Мне нанесено тягчайшее оскорбление. Я объявляю вам войну!

Действие пятое

Тронный зал.
Икар в пышном дворцовом вооружении стоит около трона.
Появляется Ариадна.

АРИАДНА: О Икар,какой шлем,какой щит,какой меч,какое копье, какие перья, какое вооруженье! Как ты красив! (*Икар надменно молчит, Ариадна продолжает.*) Ты выглядишь как настоящий герой. Как ты меня напугал. Эта бычья голова, эти рога! В какой тебя произвели чин? (*Икар не отвечает.*) Скажи, - ты правда был в самом Лабиринте?

ИКАР: Хе, Лабиринт! Отцовские хитрости!

АРИАДНА: А как ты там оказался?

ИКАР: Я влетел туда на крыльях любви...

АРИАДНА: О Икар!

ИКАР: Да, на крыльях любви к прекрасному Криту!

АРИАДНА: Ты блуждал в мрачных подземельях?

ИКАР: Да, в темных пещерах.

АРИАДНА: Ты ходил по темным коридорам?

ИКАР: И упирался в мрачные тупики.

АРИАДНА: И ты попадал в ужасные капканы?

ИКАР (*иронически*): Да,в страшные волчьи ямы. Прямо на отравленные колья. Да за кого ты меня принимаешь? Что ты вообще понимаешь? Это же отцовские хитрости.

АРИАДНА: Расскажи, расскажи,Икар.

ИКАР (*важно*): Вначале я поместил себя в этот заштрихованный квадрат (*показывает копьем на план Лабиринта, висящий над троном*), двинулся по пунктирной линии... Видишь эту пунктирную линию?

АРИАДНА: Ах, Икар!

ИКАР: И вступил на обманную лестницу. Я обогнул ее по ложному ходу, уперся в тупик, спустился в каменный мешок... Да что тут долго рассказывать! Этот наглец из Афин стал меня оскорблять, угрожать мне... Если бы мне не мешали крылья, я бы с ним разделался...

АРИАДНА: Конечно, конечно, Икар. Ты настоящий герой! Весь Крит ликует. Я ликую. Я люблю тебя! Ты ведь любишь меня, Икар?

ИКАР: Оставь, Ариадна.

АРИАДНА: Но ты клялся!

ИКАР: Чего стоят детские клятвы?

АРИАДНА: О жестокосердный Икар!

ИКАР: Я воин. Меня ждет блестящая карьера. У нас война на носу.

Входят Минос, советники, Дедал.

АРИАДНА: Отец, отец, я в восторге!

МИНОС: Уйди, Ариадна!

Ариадна уходит, Минос садится на трон.

МИНОС (*недовольно*): Придется заняться государственными делами. Как все это несвоевременно. Он объявил нам войну. Что скажут мои мудрые советники?

АЭД: Луки натянуты.

ТИРС: Копья наточены.

АЭД: Щиты надраены.

ТИРС: Колья отравлены.

АЭД: Ямы вырыты.

ТИРС: Рвы заполнены.

АЭД: Цепи скованы.

ТИРС: Мечи обнажены.

АЭД: Смола кипит.

ТИРС: Дрова горят.

АЭД: Дым столбом.

ТИРС: Пар шипит.

МИНОС: Довольно,хватит. Не то, не то, не то. А ты, Дедал?

ДЕДАЛ: Все надежно замаскировано, о великий царь. Все укрыто, припрятано и перепрятано по нескольку раз.Все скрыто и засекречено. Ни одного видимого объекта - все невидимо. Все под землей, все наши тайны под водой, концы в воду. Ни одного нату-

рального ориентира. Искусственный ландшафт безупречен. Низменности приподняты, высоты занижены, пустыни покрыты зеленью,леса вырублены и выкорчеваны. Декоративная флора заменила естественную фауну. Климат функционирует непроизвольно.

МИНОС: Благодарю тебя, мой мастер. (*Икару.*) Ты хочешь что-то сказать?

ИКАР: Стереть его в порошок!

МИНОС: Постой,постой. (*Аэду.*) Говори, Аэд.

АЭД: Герой из Афин хочет войти в историю. Он думает,что его война против нас войдет в историю. Он надеется стать исторической личностью. Он полагает, что история складывается из историй об исторических личностях. Очевидным образом сказывается отсутствие исторического опыта. Опыт истории учит нас и свидетельствует о противном. Что бы ни твердили историки, все уроки истории наглядно показывают иную закономерность. Законы истории сами лежат вне исторических событий. Дух истории свободно парит над усилиями отдельной исторической личности и ей исторически неподвластен. Все свидетельствует о том, что эта история совершенно не должна нас касаться.

МИНОС: Ты, Тирс.

ТИРС: Наша задача лежит вне этого плана. Наша проблема не входит в эту антитезу. Наш вопрос не заключен в эту версию. Наша контрверсия углублена в другом направлении. Развить еще не значит усугубить. Убедить еще не значит опровергнуть. Разоблачить - это еще ничего не значит. Весь наш государственный опыт убедительно свидетельствует в нашу пользу.

МИНОС: Дедал.

ДЕДАЛ: Идет война. К войне мы готовы. Мы готовы воевать,отступать и наступать, нападать и обороняться. Мы готовы и к длительным осадам, и к внезапным штурмам. Мы наносим лобовые удары и заранее подготовленные атаки с тыла. Наше военное искусство совершенно и безупречно. Наша техника находится в постоянном движении. Она совершенна, постоянно совершенствуется и непрерывно самоусовершенствуется. Она все время действует. Идет война.

МИНОС (*Икару*): Постой, Икар. (*Совету.*) Постойте, постойте. Он объявил нам войну, он объявил нам войну... войну... а мы... а мы... А мы объявим ему мирные переговоры!

АЭД: Минос, это гениально.

ТИРС: Это восхитительно, ты превзошел всех.

ДЕДАЛ: Мирные переговоры?

МИНОС: Да, мирные переговоры. Мы отправим к нему посольство. Моя дочь будет парламентером. (*Кричит.*) Ариадна!

Входит Ариадна.

АРИАДНА: Я здесь.

МИНОС: Ариадна, мы постановили дать тебе государственное поручение чрезвычайной важности. Ты немедленно найдешь Тесея и объявишь ему мирные переговоры. Он не должен уйти от тебя. Найди его, удержи и приведи! (*Икару.*) Постой, постой,Икар! (*Ариадне.*) Не забудь, что ты наша дочь. Никому ни слова. Держи карман шире. За словом в карман не лезь. Лови его на слове. Слово не воробей. Поймай его. Иди. Постой. Да приведи его сюда.

Ариадна уходит.

ИКАР: Мирные переговоры! Самое подходящее занятие для этого труса. Объявил нам войну. Да его и след уж давно простыл. Удрал. Уплыл.

МИНОС: Мой юный муж совета! Он не птичка, чтобы упорхнуть с Крита. Наши доблестные доверенные лица позаботились об этом. (*Тирсу.*) Тирс, я надеюсь, что все исполнено?

ТИРС: Ты можешь быть спокоен, Минос! От корабля героя мы оставили ему один якорь.

АЭД: От нас не уплывешь.

ИКАР: Он не уйдет от меня!

МИНОС: Конечно, он никуда от тебя не уйдет. Пойди проверь караул.

Икар уходит.

МИНОС: Скажи, Дедал, ты все еще хочешь получить от нас корабль?

Входит Тесей, следом Ариадна.

ТЕСЕЙ: Низкие заговорщики! Где мой корабль?

МИНОС: Где корабль, Аэд? (*Поворачивается к Аэду.*)

ТИРС: Стоит на якоре.

МИНОС (*поворачиваясь к Тирсу*): Где?

АЭД: На якоре. На цепи. Где же еще?

МИНОС (*к Аэду*): Кто посадил его на цепь?

ТИРС: Это морской обычай.

МИНОС: Кто из вас говорит?

ТЕСЕЙ: Я говорю. Я спрашиваю, где мой корабль?

МИНОС: Где его корабль, я спрашиваю?

ТИРС (*Аэду*): Где его корабль?

АЭД (*Тирсу*): Где его корабль?

МИНОС (*Дедалу*): Где корабль?

ДЕДАЛ (*скорбно*): Да нет у меня корабля.

ТЕСЕЙ: Где м о й корабль?

МИНОС: Ах, твой корабль... Подожди, герой, не горячись. Сядь. Спешить некуда.

ТЕСЕЙ: Я требую вернуть мне корабль немедленно!

АЭД: Подожди, подожди, это корабль с косыми парусами?

ТЕСЕЙ: С косыми.

ТИРС: С низкой осадкой?

ТЕСЕЙ: С высокой.

АЭД: А, с высокой. Подожди, подожди, а мачта была?

ТЕСЕЙ: Что?

ТИРС (*примирительно*): Ну как же без мачты.

АЭД: Одна мачта?

ТЕСЕЙ: Одна.

ТИРС: А, одномачтовый корабль с косыми парусами и высокой осадкой.

ТЕСЕЙ: Да-да-да. Мой корабль!

АЭД: Подожди, подожди. Значит так: одномачтовый корабль с косыми парусами и высокой осадкой... (*Тесею.*) Вопросы есть?

ТЕСЕЙ: Да что же это такое?!

МИНОС: Мне все это надоело. Я вас спрашиваю: где его корабль?

ТИРС: Он демонтирован.

ТЕСЕЙ: Как?!

АЭД: Пришлось разобрать.

МИНОС: Объясни. Как разобрали?

АЭД: Сначала спустили паруса.

ТИРС: Сняли мачту.

АЭД: Разобрали палубу.

ТИРС: Убрали борта.

АЭД: Рассыпали каркас...

ТЕСЕЙ: Кто вам позволил?

ТИРС: Жестокая необходимость. Он дал течь, Минос.

АЭД: Крысы. Они проели огромную дыру в днище.

ТЕСЕЙ: Да у меня на корабле никогда не было крыс!

МИНОС: А у нас на Крите их великое множество.

ТЕСЕЙ: Низкие заговорщики! Давайте мне любой корабль!

МИНОС: К сожалению, у нас нет другого корабля. Мы никуда не плаваем. Но ты не отчаивайся. Наши замечательные мастера к твоим услугам. Они позаботятся о тебе. Не правда ли, Дедал?

ДЕДАЛ: О да! Не огорчайся, Тесей. Мы построим тебе корабль. Я сам построю. Мир еще не видал такого чуда. Сооруженный из благороднейших металлов и драгоценнейших пород дерева,он гордо выходит из самой морской пучины. Видишь, как он выходит, Тесей? Вокруг вихри, волны, водовороты - смотри, как он устойчив! Как он легок, с какой спокойной уверенностью преодолевает он ветры и морские течения. Его борт и фальшборт неприступной стеной возвышаются над ватерлинией. Ему не опасны ни мели, ни подводные камни. Его колеса позволяют ему преодолевать любые мелководья и сушу. Он может взлететь на неприступные скалы и утвердиться на их вершинах как могучая крепость. Эта плавучая крепость на колесах покоряет пустыни и неприступные болота. Мощная система защиты делает ее неуязвимой,а защитная маскировка - вообще невидимой. Не слышно ни скрипа весел, ни трепета парусов, ни предсмертного стона раненого соратника. Невидимым, неслышимым, неосязаемым он пересекает все пространства. Он сочетает в себе все достоинства военного корабля с изысканной комфортабельностью благоустроенного жилища. Благоуханная музыка разноцветными волнами струится из скрытых источников. И ты, Тесей, ведешь этот корабль вслед за порывами своего отважного духа.

ТЕСЕЙ: Не надо музыки.

МИНОС: Музыки не надо. Героя нужно вооружить. Тесей,ты воин! Вооружен ли ты, герой? Готов ли ты сражаться?

ТЕСЕЙ: Вот мой меч.

МИНОС: Прими его, Тирс. (*Тесею.*) Готов ли ты наступать?

ТЕСЕЙ: Вот мое копье.

МИНОС: Прими его, Аэд. (*Тесею.*) Готов ли ты защищаться?

ТЕСЕЙ: Вот мой щит и шлем. (*Отдает Миносу.*)

МИНОС (*с пафосом*): Когда выступает герой, мир трепещет, гудят небеса и содрогаются недра. Рушатся скалы, пылают города,горят мосты, и реки меняют русла. Стон и вопли, рыданье и плач,

счастье и ликованье. Герой не знает преград. Он отступает, нападая, он защищается и атакует. Победа ведет его за одну руку, высокий долг - за другую. Ужас мчится впереди него, страх его сопровождает. Мы следуем за героем, подаем ему оружие: наши священные мечи и копья, наши ритуальные топоры и секиры, наши несокрушимые панцыри, наши неуязвимые щиты,наши непробиваемые шлемы. Все наше государственное вооружение служит герою! Наши женщины перевязывают герою раны... Ты идешь, герой! Ты сокрушишь Минотавра!

Ариадна обмахивает платком безоружного Тесея.

МИНОС: Ариадна, проводи героя во внутренние покои. Герою нужен отдых перед решающей битвой.

Ариадна уводит Тесея. Входит Пасифая.

ПАСИФАЯ: Минос, меня послали к тебе все женщины Крита. Они просят мира. Прекрати эту ужасную войну. Опять сидеть в мрачных подземельях на хлебе и воде, отказывать себе во всем необходимом, перевязывать раны, утешать обездоленных,оделять неутешных, переносить все тяготы, осушать море слез! Когда же это наконец прекратится? Мы хотим танцевать! Минос, перестань! Минос,мы тебя умоляем! Хочешь,я встану перед тобой на колени?

МИНОС: Не надо. Уйди, Пасифая. Мы объявили ему мирные переговоры.

действие шестое

Перед Лабиринтом.

В центре стоит Тесей, вооруженный всем, что только можно вообразить. Минос, Дедал, Икар, Пасифая, Ариадна расположились, как в театре. Ритуальные головные уборы мужчин изображают рога. Тирс и Аэд возле Тесея.

АЭД: Последняя праща, Тирс, и все готово. (*Навешивает на Тесея пращу.*) Ничего не забыто?

ТИРС: Топор, секира, топор, секира, топор,секира,шлем,шлем, топор (*бормочет, затем, удовлетворенно, Аэду*) - все в порядке.

ТИРС И АЭД (*вместе*): О боги, мы готовы!

Грохот сизифова камня. Входит Сизиф.

СИЗИФ: Привет, Минос! Я вижу - мирные переговоры прошли успешно: противник вооружен до зубов. Все по местам. Всё на местах. И я снова с вами. Благодарю тебя,Минос. О боги,мы готовы!

ТИРС: Ты готов, герой. Сейчас, по сигналу священного рога ты войдешь в Лабиринт! Ты входишь в Лабиринт простым воином, ты выходишь из Лабиринта народным героем!

ТИРС И АЭД (*вместе*): О боги! Он входит в Лабиринт!

АЭД: Он исчезает во тьме Лабиринта и возвращается как ослепительный свет!

ТИРС И АЭД (*вместе*): О боги! Он возвращается!

ТИРС: Невидимый сам, он сражается с невидимым, но возвращается явно!

ТИРС И АЭД (*вместе*): О боги! Мы видим! (*Занимают места рядом с Миносом.*)

СИЗИФ: О боги! Мы видим! Минос, Минос! Мы видим! Слепцы прозрели! Какая пышная церемония!

Звук рога, барабаны. Тесей на несгибающихся ногах уходит в Лабиринт.

ПАСИФАЯ: Минос, верни его. Довольно бессмысленных жертв!

Тесей возвращается в том же ритме.

ПАСИФАЯ: О Минос!

МИНОС: М-м-м-м...

Снова звук рога. Тесей уходит в Лабиринт.

ПАСИФАЯ: Минос! Он возвращается! Бедный юноша! Я верну его.

СИЗИФ: Минос! Минос! Что же ты ему рогов не оставил? Эй, старцы, несите ему рога! Скорее, скорее, его еще можно догнать!

ПАСИФАЯ: Да-да-да! Вперед! Спасите его!

СИЗИФ: Минос, Минос, Пасифая! Да что же это такое творится? Прямо так - в Лабиринт? Все вам просто! Почему не обстреляли заранее? Где военная техника? Дедал, где твоя кипящая смола?

Тесей выходит из Лабиринта, утратив часть экипировки.

ПАСИФАЯ: Сизиф, как хорошо, что он вернулся. Минос! У тебя же столько техники. Пожалей мальчика!

МИНОС И СОВЕТНИКИ (*вместе*): М-м-м-м-м...

Те же сигналы. Тесей скрывается в Лабиринте.

ПАСИФАЯ: Минос! Во имя наших детей! Верни мне мальчика! Дедал, у тебя ведь тоже есть дети! Остановите это кровопролитие!

СИЗИФ: Минос! Минос! Какое варварство! В цивилизованном мире уже тысячи лет никто не приносит людей в жертву. Что я вижу! Людоеды! Каннибалы! Антропофаги! Троглодиты! Пещерные люди! Ужасные нравы. Я глубоко и искренне возмущен.

ПАСИФАЯ: Минос, давай оставим эти обыкновения. Неприлично. Видишь - все нас просят. Пусть лучше мальчик разводит для нас цветы.

СИЗИФ: Минос! Минос! Хорошая мысль. Цветочки - пусть поливает. Устроили пустыню на благодатном Крите. Сплошные редуты. Человеку присесть негде!

Тесей возвращается, утратив почти все вооружение.

ПАСИФАЯ: О великодушный Минос! (*Тесею.*) Дитя мое, ты вернулся. Я плачу от счастья! Минос, осуши материнские слезы!

МИНОС, СОВЕТНИКИ, ДЕДАЛ И ИКАР (*хором*): М-м-м-м...

Сигнал. Тесей идет в Лабиринт.

ПАСИФАЯ: Я не могу больше этого видеть. Я ухожу. (*Остается.*)

СИЗИФ: Я не в состоянии этого выдержать. (*Икару.*) Уйдем отсюда, мой юный друг, пока твое сердце еще окончательно не очерствело. Покинем этот вертеп! (*Икар не двигается.*) Увы, увы мне! Черствое сердце молчит! О боги, да почему я должен все это ви-

деть. Что за наказание! Не могу на это смотреть! Я ухожу! (*Остается.*) Проливают кровь невинных младенцев... Лучше бы напоили их молоком. Женщины! Он вернется! Дайте ему грудь!

Возвращается безоружный Тесей. Все молчат: мужчины угрожающе, женщины призывно. Сизиф зажимает уши. Сигнал. Тесей уходит в Лабиринт.

СИЗИФ: Низкие злоумышленники! Кровавые комедианты! О почему я не на Кипре? О боги, лишите меня разума, закройте мои глаза! Все пропало!

МИНОС: Все в порядке (*С облегчением снимает рогоносный головной убор, остальные следуют его примеру.*)

СИЗИФ: Всему конец!

МИНОС: Все в порядке. (*Сизифу.*) Хватит. Прекрати этот балаган. (*Поворачиваясь к собранию.*) Наконец-то мы сможем спокойно заняться государственными делами. Все ли у нас готово? Все ли у нас обеспечено и благоустроено? Все ли у нас и вправду так хорошо, как мы предполагаем? Что скажут мои мудрые советники? Что посоветуют наши искусные мастера? Чем порадуют нас наши доблестные женщины? - Наша молодежь, как всегда, впереди. Крит - школа героев! Лучшая школа мужества, институт доблести, университет отваги. Академия долга и верности. Мы видим нашу цель. Мы знаем, куда идем.

Выходит Тесей, едва не падая с ног. К нему бросается Сизиф.

СИЗИФ: Он вернулся! Минос, посмотри, на кого он похож. (*Тесею.*) О мой мальчик! Минос, посмотри на него, его нужно отправить домой! В Афины! Дай ему корабль!

МИНОС (*Дедалу*): Ну что, Дедал, дадим ему корабль? (*Поворачиваясь к Тесею.*) О великий герой! А зачем тебе вообще уезжать с нашего прекрасного острова?

Большой Брод 1967
Тивериада 1980

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андрей Платонович Платонов (1899 - 1951)

Составители А.КИСЕЛЕВ и В.МАРАМЗИН

(Начало в № 4, 1979)

1922

1. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 4, 5 января 1922 г. Равенство в страдании. [*Статья. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
2. там же, № 9, 13 января 1922 г. Закон об электрификации. [*Статья. Подпись: А. П. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз." В последнем не указана подпись.*]*
3. там же, № 10, 14 января 1922 г. Интернационал технического творчества. [*Статья. Подпись: А. Пл. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз".*]*
4. там же, № 12, 17 января 1922 г. Земчека. (Черный Реввоенсовет). [*Статья. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз." В последнем другая дата: 14 января.*]*
5. там же, № 37, 16 февраля 1922 г. Охрана труда в городе. [*Подпись: П. Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки, очерки, статьи".*]* Сельское хозяйство на новом пути. Сессия Губ. сельскохозяйственного совета. [*Статья. Подпись: А. Платонов, пред. энергзема. Свед. из "Рус. сов. проз." и "Материалов", в последнем: О поднятии энергетики сельского хозяйства. Подпись: А. Платонов, пред. Энергозема*]*
6. там же, № 38, 17 февраля 1922 г. Сессия губ. с.-х. совета. Доклад о роли проф. организаций. [*Подпись: П. Свед. из "Рус. сов. проз."*]*

**Звездочкой помечены материалы, которых составители не имели возможности просмотреть (отсутствующие в общедоступных биб-ках газеты, журналы и т. д.)*

7. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 45,25 февраля 1922 г. Машины для орошения полей. [*Статья. Подписи: А. Платонов, пред. губ. комиссии по гидрофикации, С. Попов,член комитета гидротехники. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
8. ж. "Путь коммунизма" (Краснодар) № 1,январь-февраль 1922 г., стр. 19. К звездным Товарищам. [*Стих. См. примеч. к публикации в газ. "Огни" № 2, 11 июля 1921 г.*] стр. 45. Богомольцы. [*Стих. Подпись: Рабочий Андрей Платонов. См. примеч. к публикации в однодневной газ. "Красному фронту" 15 ноября 1920 г.*] стр. 46. Майский субботник. [*Стих. См. примеч. к публикации в газ. "Красная деревня" № 45,1 мая 1920 г.*]
9. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) 12 марта 1922 г. Церковь и голод. [*Подпись: П. Свед. из "Рус. сов. проз.",раздел "Рассказы, сказки, очерки, статьи".*]*
10. там же, 15 марта 1922 г. На советские темы. [*Подпись: А.П. Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки,очерки, статьи".*]*
11. там же, 26 марта 1922 г. Поющие думы: "Человек - цветущее растение..." [*Стих.*] "В мире тихий вечер..." [*Стих.*] "Когда я думаю, я слышу музыку..." [*Стих. Впервые в книге: "Голубая глубина", Краснодар, 1922.*] "Среди нив,певучих в спелости..." [*Стих. Впервые в книге: "Голубая глубина", Краснодар, 1922.*] [*Свед. из "Рус. сов. проз."*]*
12. там же, 1 апреля 1922 г. Внимание великой работе! [*Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки,очерки,статьи".*]*
13. там же, № 91, 26 апреля 1922 г. На фронте зноя. [*Статья. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
14. там же, № 92, 27 апреля 1922 г. Удобрение углекислотой. [*Статья. Свед. из "Материалов".*]*
15. там же, № 2, март-апрель 1922 г., стр. 31. Белый свет. [*Стих. См. примеч. к публикации в книге: Стихи. Воронеж, 1921.*] стр. 32-37. Сатана мысли. (Фантазия). [*Рассказ. Впервые в книге: Потомки солнца, М. 1974, под названием "Потомки солнца"*] стр. 46-48. Гудок. [*Стих. См. примеч. к публикации в ж. "Железный путь" № 10,1919.*] Путь в горы. [*Стих. См. примеч. к публикации в газ. "Красная деревня" № 97, 4 июля 1920 г.*]
16. там же, 9, 10 мая. Пролетарский суд. Если строить, так строить. [*Подпись: П. Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки, очерки, статьи".*]*
17. там же, № 119, 31 мая 1922 г. Из жизни высшей школы. [*Статья. Подпись: А. П. Свед. из "Материалов".*]*
18. ж. "Зори" (Воронеж) № 1, июль 1922 г., стр. 4. "Мир родимый, я тебя не кину..." [*Стих.*] стр. 9. "Мы на канатах прем локомобиль..." [*Стих. Подпись: Елпидифор Баклажанов.*]
19. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 176,6 августа 1922 г. Детские воспоминания. [*Рассказ. Впервые в книге: "Епифанские шлюзы",М. 1927, под названием "Память". Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
20. там же, № 178, 9 августа 1922 г. Рец. на кн. А. Красавика "Noctes Petropolitanae". [*Подпись: А. П. Свед. из "Материалов".*]*

21. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 179, 10 августа 1922 г. Результаты искусственного орошения. [*Статья. Подпись: Отдел гидрофикации при ГЗУ. Свед. из "Материалов". На каком основании установлено авторство, не указано.*]*
22. там же, № 180, 11 августа 1922 г. Электрификация сельского хозяйства. [*Статья. Сведения присланы составителям из Воронежа. В "Материалах" и в "Рус. сов. проз." отсутствует.*]*
23. там же, № 187, 19 августа 1922 г. Инж. А.Куликовский. Электричество в помощь крестьянству. Изд. Наркомзема "Новая деревня". М. 1922. [*Рец. Сведения из "Материалов" и "Рус.сов. проз."*]*
24. там же, № 190, 24 августа 1922 г. По родимому краю. [*Очерк. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
25. там же, 27 августа 1922 г. Ультрамикроб. [*Подпись: П. Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки, очерки, статьи".*]*
26. ж. "Искусство и театр" (Воронеж) № 2, август 1922 г., стр. 2-3. О культуре запряженного света и познанного электричества. [*Статья.*]
27. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 198, 2 сентября 1922 г. Рабочий ж.-д. политехникум. [*Статья. Подпись: П. Свед. из "Рус. сов. проз." и "Материалов". В "Материалах", вероятно, ошибка: Рабочий железнодорожного политехникума. В "Рус. сов. проз." другая дата: 3 сентября.*]*
28. там же, № 204, 10 сентября 1922 г., стр. 4 и № 210, 17 сентября 1922 г., стр. 4. Приключения Баклажанова. (Бесконечная повесть). [*Рассказ. Впервые в книге: Епифанские шлюзы, М. 1927, под названием "Бучило".*]
29. там же, № 215, 24 сентября 1922 г. Данилок. Рассказ. [*Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
30. там же, № 216, 26 сентября 1922 г. Страхование урожаев от засухи. (Дискуссионная статья). [*Свед. из "Рус. сов. проз." и "Материалов", в последнем: урожая.*]*
31. ж. "Зори" (Воронеж) № 2, август-сентябрь 1922 г., стр. 7. 1. "Мир рожден улыбкой человека..." 2. "Небо вверху голубое..." [*Стих. Впервые в книге: "Голубая глубина", Краснодар, 1922.*] стр. 20. Лунный гул. [*Стих.*] стр. 25-28. Тютень, Витютень и Протегален. [*Рассказ. Подпись: Елпидифор Баклажанов.*]
32. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) 5 октября 1922 г. Нижнедевицкий уезд. [*Подпись: А. П-в. Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки, очерки, статьи", там тоже без* de visu, *откуда сведения, не указано.*]*
33. там же, № 248, 2 ноября 1922 г., стр. 2. Электрические воздушные линии. [*Статья.*] стр. 4. Симбирская катастрофа. [*Статья. Подпись: П.*]
34. там же, № 252, 7 ноября 1922 г., стр. 2. Потомки солнца. [*Рассказ. См. примечание к публикации в ж. "Путь коммунизма" № 1, январь-февраль 1922 г.*]
35. там же, № 281, 12 декабря 1922 г. Вопросы с.-х. в китайском земледелии. [*Статья. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз." В "Материалах": сельского хозяйства.*]*

36. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 284,15 декабря 1922 г.,стр. 2. Ворон[ежская] гидро-электрическая станция. [*Статья.*]
37. ж. "Железный путь" (Воронеж) № 2 (14),декабрь 1922 г.,стр. 2. Фронт. [*Стих. См. примеч. к публикации в газ. "Красная деревня" 19 августа 1920 г.*]
38. ж. "Кузница" № 9, 1922 [*единственный выпуск в этом году*], стр., 28-32. Пролетарская поэзия. [*Статья.*]

1923

1. ж. "Железный путь" (Воронеж) № 1, 1 января 1923 г.,стр. 1. Богомольцы. [*Стих. См. примечание к публикации в однодневной газ. "Красному фронту" 15 ноября 1920 г.*]
2. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 31, 11 февраля 1923 г., стр. 1. Нам нужна Германия. [*Статья.*]
3. там же, № 8,13 января 1923 г. Странствующий метафизик. (По поводу "трагедии одиночества" В. А. Поссе). [*Статья. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
4. там же, № 33,14 февраля 1923 г.,стр. 1. Конец света. [*Стих. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов проз."*]* Стр. 1. О борьбе с последствиями голода. (В порядке обмена мнений). [*Статья.*]
5. там же, № 19, 28 января 1923 г. Гидрофикация и электрификация. [*Статья. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
6. там же, № 36, 18 февраля 1923 г. "В железной шапке льдов..." [*Стих. Подпись: А. П. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов. проз."*]*
7. там же, № 59, 18 марта 1923 г., стр. 3. Из Боброва. Работы по местной электрификации. [*Статья. Подпись: А. П.*]
8. газ. "Репейник" (Воронеж) № 6, 18 марта 1923 г., стр. 2. Немые тайны морских глубин. (Роман из великой эпохи). [*Рассказ. Подпись: Иоганн Пупков. Продолжение в №№ 7 и 8,1923. Окончание не опубликовано.*] Стр. 3. "Резцом эпох и молотом времен..." [*Стих. Подпись: А. П.*]
9. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 61,21 марта 1923 г., стр. 4. О ликвидации катастроф сельского хозяйства. [*Статья.*]
10. газ. "Репейник" (Воронеж) № 7, 25 марта 1923 г., стр. 2. Немые тайны морских глубин. (Трагическое сочинение Иоганна Пупкова). [*Продолжение, без подписи. Начало в № 6.*]
11. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 66,27 марта 1923 г., стр. 4. К Губсовещанию Совпартшкол. [*Статья. Подпись: А.П.*]
12. газ. "Репейник" (Воронеж) № 8, 1 апреля 1923 г., стр. 3. Март. [*Стих. См. примечание к публикации в ж. "Железный путь" № 8, март 1919 г.*] Стихи о человеческой сути. [*Стих. Подпись: Иоганн Пупков.*] Немые тайны морских глубин. (Трагическое, т. е. жалостное сочинение Иоганна Пупкова. [*Продолжение,без подписи. Начало в №№ 6-7.*]
13. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 71,1 апреля 1923 г., стр. 2. Великий работник. (О развитии в России взрывной культуры). [*Статья.*]

14. ж. "Железный путь" (Воронеж) № 6,1 апреля 1923 г.,стр. 41. М. А. Рыбникова. Работа словесника в школе. Петербург,1922 г., 182 стр. Гос. Издательство. [*Рец. Подпись: А. П.*]
15. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 73,4 апреля 1923 г., стр. 4. Об улучшениях климата. [*Статья.*]
16. газ. "Репейник" (Воронеж) № 10, 29 апреля 1923 г., стр. 3. История Иерея Прокопия Жабрина. [*Рассказ. Подпись: Иоганн Пупков. Впервые в книге:"Епифанские шлюзы", М. 1927.*]
17. газ."Воронежская коммуна" (Воронеж) № 98, 9 мая 1923 г., стр. 3. Живая жизнь. [*Статья, под рубрикой "Жизнь школы". Подпись: П.*]
18. там же, № 132, 20 июня 1923 г., стр. 5. Река Воронеж, ее настоящее и будущее. [*Статья.*]
19. "Наша газета" (Воронеж) № 74, 15 июля 1923 г.,стр. 1. О завоевании воздушного океана на пространстве нашей Республики. [*Передовая статья. Подпись: А. П.*]
20. там же, № 75, 18 июля 1923 г., стр. 2. Завоевание воздуха. [*Статья. Подпись: А. П.*.]
21. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 158, 20 июля 1923 г., стр. 3. О Воронежск[ой] гидроэлектрической станции. [*Статья.*]
22. "Наша газета" (Воронеж) № 77, 22 июля 1923 г., стр. 1. Два плана великих работ. [*Передовая статья. Подпись: А. П.*]
23. ж. "Железный путь" (Воронеж) № 12, 26 июля 1923 г.,стр. 1. Небесная авиация. [*Стих.*]
24. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 164,27 июля 1923 г., стр. 3. Жизнь школы. [*Статья. Подпись: П-в.*]
25. там же, № 167, 31 июля 1923 г., стр. 2. Вода - основа социалистического хозяйства. Сила речного подпертого потока, - как основа энергетики хозяйства будущего. [*Статья.*]
26. там же, № 172, 5 августа 1923 г., стр. 6. Открытие детского театра "Веселый скоморох". [*Заметка. Подпись: А. П.*]
27. "Наша газета" (Воронеж) № 85, 11 августа 1923 г., стр. 1. Об организации мелиоративного дела в Воронежской губ. [*Передовая статья. Подпись: А. П.*]
28. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 185,23 августа 1923 г., стр. 5. На Бирже Труда. Безработица растет. [*Статья. Подпись: П.*]
29. там же, № 202, 12 сентября 1923 г., стр. 3. Об Обществе Друзей Обновленной земли. [*Статья.*]
30. там же, № 208, 19 сентября 1923 г., стр. 3. Столица Обновленной земли. [*Статья.*]
31. там же, № 273, 5 декабря 1923 г., стр. 3. Пролетарская культура. Везде бы так. [*Заметка. Подпись: П.*]
32. там же, № 283, 16 декабря 1923 г. Значение торфа как топлива для наших губерний. [*Статья. Свед. из "Материалов".*]**

1924

1. ж. "Железный путь" (Воронеж) № 2-3, 15 февраля 1924 г., стр. 1. "Изобретатели! Громилы мира..." [*Стих. См. ж. "Третья волна" (Франция) № 1, февраль 1976 с предисловием: В. Марамзин. Андрей Платонов - поэт, стр. 78-80.*]
2. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 43, 22 февраля 1924 г., стр. 1. Гидроэлектрическая станция на р. Дон имени Ленина. (Ответ на заметку "О памятнике Ильичу"). [*Подписи: Предпостройкома А. Платонов. Член постройкома П. Солдатов.*]
3. там же, 24 февраля 1924 г. Книги - рабочим. [*Подпись: П. Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки, очерки, статьи".*]*
4. "Наша газета" (Воронеж) № 38, 14 мая 1924 г., стр. 1. Электричество - в деревню! К крестьянам Воронежской губернии. [*Передовая статья. Подпись: Заведывающий работами по электрификации сельского хозяйства при Воронежском Губземотделе А. Платонов.*]
5. там же, № 61, 13 августа 1924 г., стр. 3-4. Человек и пустыня. [*Статья.*]
6. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 185, 16 августа 1924 г., стр. 2. Образцовое кредитное товарищество. [*Статья. Подпись: А. П.*]
7. там же, № 191, 23 августа 1924 г., стр. 3. О работе по электрификации сель.хозяйства в Воронежской губернии. (В порядке обсуждения). [*Статья.*]
8. ж. "Красная нива" № 43, 26 октября 1924 г., стр. 1028-1032. Бучило. Рассказ. Премирован на конкурсе "Красной нивы". [*См. примечание к публикации в газ. "Воронежская коммуна" №№ 204 и 210, 10 и 17 сентября 1922 г.*]
9. газ "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 261, 15 ноября 1924 г., стр. 1. Мелиоративные работы в нашей губернии. [*Статья.*]
10. там же, № 286, 14 декабря 1924 г. Электрификация Воронежа. [*Свед. из "Рус. сов. проз.", раздел "Рассказы, сказки, очерки, статьи".*]* Стр. 5. Борьба с пустыней. [*Статья.*]
11. В сборнике: "Наши дни". Альманах № 4. Гос. изд. М.-Пг. 1924, тир. 4 000 экз., стр. 24. "Сердце в эти дни смертельно и тревожно..." [*Стих. Впервые в книге: "Голубая глубина", Краснодар, 1922.*] ●

● Продолжение в следующем номере.

в номере:

Ежеквартальный литературный журнал

Основное содержание - литературный процесс в России в течение последних десятилетий. Проза, стихи,литературная критика. Публицистика. Публикации. Юмор. Более двух третей журнала - материалы литературного самиздата. Многие имена годами работающих в литературе писателей появляются в печати впервые. Единственный в эмиграции журнал, регулярно печатающий библиографические материалы.

ТОЛЬКО В ЕВРОПЕ:

Условия подписки в редакции - 95 французских франков (4 номера в год), с доставкой
Университеты и с целью поддержки - 120 фр. франков

В других странах журнал можно приобрести:

В Германии:
A.Neimanis Buchvertrieb, Bauerstrasse 28, 8000 München 40, Germany, tél.37.05.34

В США и Канаде:
1. Издательство "Ардис", *"RLT/Ardis Publishers", 2901 Heatherway, Ann Arbor, Michigan 48104, U.S.A. tél.(313) 971.2367*
2. *Mr Edward McDermott, 320 E. 23 Street, New York, N.Y. 10010, U.S.A. tél. (212) 982.2252*
3. Вадим Бытенский, *Mr Vadim Bytensky, 751 Steeles, Avenue West, Unit. 53, Toronto, Canada tél. (416) 225.48.47*

В Англии:
Представительство изд-ва "Посев", *"Possev-Verlag", 18 Downs Rd.,Beckenham/Kent BR32JY, England*

В Австралии и Новой Зеландии:
Михаил Ульман, *Michael Ulman, P.O.Box 335, Maroubra, N.S.W., Australia, tél.349.84.84*

В Израиле:
Ирина Гробман, *Irina Grobman, 28 Ephraim str. Bak'a Jerusalem, Israel, tél. (02) 712.493*

В Париже журнал продается во всех русских магазинах
Цена номера - 38 франков

Joseph FLOCH, Maître-Imprimeur à Mayenne 14-10-1980 – n° 7298

ЭХО ECHO

1980